

ИРИНА КИРЕЕВА

ПОКОРИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВ

0+

Ирина Киреева

Покорители пространств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63095648

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник сказочных повестей, которые с интересом читаются не только младшими школьниками, но и ребятами более старшего возраста, а также и взрослыми. "Митрофан – покоритель пространств" – это удивительные приключения кота Митрофана и его друзей. Школьники Сережа и Маша, кот Митрофан чудесным образом попадают в параллельный мир – в кошачье королевство Епифанию. В забавной фантастической повести "Майкрософус и земляне" рассказывается о дружбе маленького инопланетянина, прибывшего с далёкой планеты Компьючита, и школьников с Земли, об их проникновении в Магический Мир Мыслей. В повести "Все мечтают летать" восьмилетняя девочка Катя знакомится с одиноким маленьким лешим Шуршеней. У него появляются новые друзья: кот Федот, корова Малаша, пёс Архипыч и другие домашние животные. Об их полётах высоко в небесах и разных невероятных происшествиях узнают читатели со страниц этой сказочной истории.

Содержание

МИТРОФАН – ПОКОРИТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВ	8
СЕРЁЖА И МИТРОФАН ИЗ ГОРОДА ЕПИФАНСКА	8
ЗНАКОМСТВО СО СНЕЖАНОЙ И МАШЕЙ	12
ДВУНОГИЕ ЧУДОВИЩА НА МЕЖПРОСТРАНСТВЕННОЙ	20
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СНЕЖАНЫ	27
ПРЕКРАСНАЯ ПЛЕННИЦА В БЕДЕ	31
СМЕЛЫЙ ЗАМЫСЕЛ МИТРОФАНА	36
НЕВЕРОЯТНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ	41
ЗЕМЛЯНЕ НА ВОЕННОМ СОВЕТЕ В ЕПИФАНИИ	49
РЕШИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ С КОТАМИ- КОЧЕВНИКАМИ	55
УЧЕНАЯ БЕСЕДА ТРЁХ ДОСТОЙНЕЙШИХ КОТОВ	61
СЕРЁЖА И МАША В ГОСТЯХ У ПРИНЦЕССЫ	72
РАССКАЗ МИТРОФАНА О ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ	79
РАЗГОВОР ЕРУСЛАНА ПЕРВОГО С	84

МИТРОФАНОМ	
ПОЯВЛЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДВУХ РЫЖИХ КОТЯТ	89
РЫЖИЕ КОТЯТА В ПЛЕНУ У ЛИЛОВЫХ	94
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СНЕЖАНЫ	106
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	111
ЭПИЛОГ	118
МАЙКРОСОФУС И ЗЕМЛЯНЕ	126
ОДИН НА НЕЗНАКОМОЙ ПЛАНЕТЕ ТОСЯ	126 137
ЗНАКОМСТВО С ДВУНОГИМ ДИМОЙ	147
ДРУГ-ИНОГАЛАКТЯНИН	155
ОДИНОЧЕСТВО ДИМЫ	162
ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ДОРМИДОНТА СПИРИДОНОВИЧА	171
ДИМА – СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК	183
ПОНЕДЕЛЬНИК – ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ	188
КОНТРОЛЬНАЯ В ТРЕТЬЕМ "А"	197
В МАГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	211
СПАСЕНИЕ ОВСЯНКИНА	230
ЭПИЛОГ	242
ВСЕ МЕЧТАЮТ ЛЕТАТЬ	250
ШУРШЕНЯ-ОБЕРЕЖЕК	250
МАЛЕНЬКИЙ ЛЕШИЙ И ДЕВОЧКИ	256

ПОДАРОК ДЕДУШКИ КЕДРАШИ	261
В ГОСТЯХ У КАТИ	265
КАТИНЫ МЕЧТЫ	271
РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА В СИНЕОЧЬЕ	275
ПОСИДЕЛКИ ВО ДВОРЕ	283
ФЕДОТ-ОХОТНИК	290
ВСЕ МЕЧТАЮТ ЛЕТАТЬ	297
ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ	303
ЕВДОКЕЯ – ГОРДЫЙ ОРЁЛ	310
ПОЛЁТ СЛЕСАРЯ ПАРАМОНОВА	318
МАЛЫШИ ИЗ СОСЕДНЕЙ КВАРТИРЫ	323
ШУРШЕНЯ В ПЛЕНУ	327
ПЕРВАЯ ВОЛШЕБНАЯ БУСИНКА	331
КОРОМЫСЛОВ И ЛЕТАЮЩАЯ КОРОВА	340
ВТОРАЯ ВОЛШЕБНАЯ БУСИНКА	345
В ГОСТЯХ У МАТИЛЬДЫ	351
ПОЮЩИЙ ЛЕС	356
РАЗГОВОР В МИЛИЦИИ	360
ЭЛЕГАНТНЫЙ ЭРНЕСТ ЭЛЬБРУСОВИЧ	364
БЕСЕДА МАТИЛЬДЫ С ЭРНЕСТОМ	368
ЭЛЬБРУСОВИЧЕМ	
МИРОВАЯ СЛАВА КУЗЬМЫ КУЗЬМИЧА	373
СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ	378
КАТЯ И АРХИПЫЧ В НЕБЕСАХ	383
ЧЕСТНЫЕ РАБОТНИКИ ФЕРМЕРА	389
СЕЛЬДЕРЕЕВА	

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ГОСТИ
ПЕРВЫЙ ЖЁЛТЫЙ ЛИСТОК

392

396

402

Ирина Киреева

Покорители пространств

*Светлой памяти моего дяди
Киреева Семёна Васильевича.*

МИТРОФАН – ПОКОРИТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВ

**СЕРЁЖА И МИТРОФАН
ИЗ ГОРОДА ЕПИФАНСКА**

Серёжа и кот Митрофан жили в городе Епифанске, в двухкомнатной квартире №8 по улице Межпространственной. Коту исполнилось три года, а Серёже – восемь лет. Но, вы сами понимаете, Серёжа был ребёнок, а кот взрослый. Настоящий дядя кот. Серёжа, конечно, не звал кота дядей Митрофаном, он звал его ласково Митрошей, да и вообще не понимал, что кот намного старше, и заботился о нём, как о маленьком, не забывал покормить и поделиться чем-нибудь

вкусненьким.

Кот же справедливо полагал, что старше и мудрее именно он, и, как мог, оберегал своего неопытного друга.

Ещё с ними жила мама Оля. Но её почти никогда не было дома: она с одной работы сразу спешила на другую.

Серёжа и Митрофан очень любили маму. Когда они слышали, как она открывает ключом дверь, они наперегонки мчались встречать её. Причём кот вставал на задние лапы, держась передними за косяк, и был почти одного роста с Серёжей.

Мама присаживалась перед ними на корточки, обнимала обоих и, прижав к себе, ласково говорила:

– Мои умнички, рыжики мои!

Гладила кота, а Серёжу целовала.

Мама и кота чмокала в пушистые щёчки, когда Серёжа не видел; и Серёжа целовал кота, а Митрофан лизал его в нос, и в подбородок, и в щёки – лишь бы мама не знала.

Когда мама управлялась со всеми домашними делами, они втроём смотрели телевизор. Мама и Серёжа усаживались рядом в тесном кресле и, вытянув ноги, клали их на мягкий пуфик. Кот только и ждал этого момента: он прыгал на мамины колени, усаживался задом наперёд к телевизору, уткнувшись мурчащей мордой в мамин живот. Счастливое время.

Всё шло своим чередом. Но наступило лето. И однажды

в доме напротив, в открытом окне на пятом этаже, Митрофан увидел необыкновенное создание. Это была белая... Нет, ослепительно-белая пушистая кошечка. Таких он ещё не встречал.

– Мяу? – вопросительно произнесла кошечка, глядя на него.

– М-а-а-у! – как-то сердито получилось у него.

– Мяу-у! – грустно ответила она.

Сердце его стало выскакивать, горячий воздух застрял в горле, он спрыгнул с окна, подбежал к закрытой двери, вновь бросился к окну и вновь сердито сказал:

– М-а-а-у!

– Что ты, Митроша? – испуганно спросил Серёжа и потрогал его нос. – Ты не заболел?

Нос был прохладный и влажный, значит, и температура нормальная. Кот не заболел. В его жизни произошло другое – большое – событие. Он влюбился.

Митрофан безнадёжно посмотрел на своего лучшего друга. Ну, как объяснить ребёнку, что с ним случилось? И кот ткнулся головой в плечо мальчика, а Серёжа кота погладил.

ЗНАКОМСТВО СО СНЕЖАНОЙ И МАШЕЙ

Лето было в самом разгаре. Однажды утром мама поджарила сардельки с яичницей на завтрак, вошла в детскую,

где спали Митрофан с Серёжей, раздвинула шторы – солнце хлынуло в комнату ослепительным потоком. Митрофан с Серёжей мгновенно проснулись и тут же зажмурили глаза.

– Всё, ребята, подъем! Сегодня у меня выходной – идём на речку!

– И-и-и-и! – словно индеец на тропе войны, заверещал Серёжа, хлопая ладошкой по губам, и запрыгал на кровати.

– Мя-а! – не меньше Серёжи обрадовался кот.

Серёжа побежал умываться, а кот завтракать: жареные сардельки доставались ему нечасто, а он их очень любил.

– Серёжа, бери удочки, лопатку и банку, по дороге накопаем червей – будем рыбу ловить, – после завтрака сказала мама.

Она вынула из шкафа котелок, положила в него несколько картошек, луковицу, морковку, соль, перец, лавровый лист. Надела старые джинсы, футболку и стала похожа не на маму, а на десятиклассницу.

Собирались они недолго, сбежали вниз, вышли из подъезда. Вот тут-то и ждало кота счастье. Он даже замер. На лавочке сидели такая же, как мама, десятиклассница в старых джинсах и футболке и очень похожая на неё маленькая девочка с выгоревшими рыжими косичками, в шортиках и маечке. А на коленях у девочки примостилось... его счастье! Это была та самая кошечка, о которой он мечтал много дней и бессонных ночей. Только ещё белей, пушистей и прекрасней, чем казалась из окна.

– Знакомьтесь, – сказала мама, – тетя Галя, Машенька и Снежана. Для своих – Снежинка. Ну что, Митроша, ты доволен?

– Какое имя – Снежана! Снежинка! – ответил кот на кошачьем языке.

Сердце его ему уже не принадлежало. Но люди слышали только:

"Мррр-а-ум!" – и весело засмеялись. Кот не обиделся на них: люди почти не понимают кошачью речь. Зато Снежана ответила ему долгим, полным нежности взглядом. Он распушил хвост, поднял голову и повёл всех к реке, время от времени оглядываясь на своих спутников. Дорогу кот знал: они не раз втроем ходили на рыбалку.

И, хотя Снежинка не шла с ним рядом, её несли на руках, чтобы не нацепляла колючек и не испачкала лапки, – в груди Митрофана всё мурлыкало, мяукало и пело.

Сначала они шли по Межпространственной. Кто так необычно назвал улицу? Что имел в виду этот человек? Какие пространства она соединяла или разделяла в его воображении? А, может, он просто посмеялся над их маленькой улочкой?

На ней было всего восемь домов: четыре на чётной стороне и четыре на нечётной – все пятиэтажки. По ней почти не ездили автомобили, зато возле каждого подъезда цвели розы, георгины, золотые шары, гладиолусы...

Проезжая часть была неширокой, поэтому можно было

сказать что-то друг другу в открытое окно или промяукать что-нибудь.

Это была крайняя в старинном городке Епифанске улица. За нею шли огороды, потом лес, в котором щебетала небольшая речушка. Вот сюда, на эту речушку Пташку (названную так, наверно, за своё щебетанье) они ходили купаться, загорать и ловить рыбу. Ходили обычно втроём: мама, Серёжа и кот Митрофан.

Сегодня они с новыми подругами прошли по лесной тропе около километра. Здесь на развилке стоял старый дуб. Листва его порой отливала синевой. Из-за этой синевы про него рассказывали небылицы. Будто листва его раз в сто лет становится синей, как небо в ясный день; тогда из тёмной ямы, из-под корней, выходит зверь не зверь, человек не человек, но на двух ногах. Целый день бродит по полям, по лесу. Может пройтись и по самому Епифанску. А к утру во сколько пришёл, во столько и уйдёт: в те же корни нырёт – и был таков.

Над сказками посмеивались. Корни у дуба мощные, над землёй высоко поднимаются. Детвора под ними за сотни лет по-пластунски всю землю отполировала – никакой ямы там нет. А народу сиживало на его корнях! А песен дуб наслушался за свой век! И гитара, и гармошка тут игравали, и балалайка в былые годы. А, может, ещё и гусельки помнит старинушка...

– Ему почти тысяча лет, – сказала мама.

Митрофан, сердце в котором не переставало колошматиться, от волнения обошёл вокруг дуба.

– "И днём, и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом", – продекламировали Маша и Серёжа и вместе рассмеялись.

В Снежаниных глазах засияла улыбка. Кот помахал ей хвостом.

За дубом у тропы появилось ответвление: тропинка поуже поворачивала направо и вела к сельской шоссеиной дороге. Но наши рыболовы пошли прямо, и вскоре им открылось чудесное место. У другого берега река огибала невысокую полукруглую скалу. Река под скалой не журчала, а была темна и, казалось, стояла на месте. Но Серёжа знал: если туда забраться – ногами почувствуешь холодные ручейки. Бережок, к которому они вышли, напротив скалы выступал вперёд полумесяцем, покрытым золотым горячим песком. Мама и тетя Галя растелили на полумесяце покрывала. Воздух уже раскалился, и загорать, не искупавшись, было жарко.

– Ну что, есть герои? – спросила мама. – Вода у нас холодная. Речка-то горная. Но сегодня жарко, не простынем.

– Под скалой, знаешь, какая глубина! – сказал Серёжа. – Мне по шейку будет, а тебе вот посюда, – он провёл рукой у Маши под носом.

– А Митрофану с ручками! – улынулась Маша.

– То есть, с лапками, – уточнила тетя Галя.

Все опять засмеялись.

"Похоже, придётся послужить объектом для шуток, – промурлыкал кот Снежане и добродушно добавил: – Я не обижаюсь, мне не привыкать". Он знал, что никто здесь котами измерять глубину не будет. Но вон на тот плоский камень их со Снежаной отнесут, и они сами поплывут к берегу. Плыть сначала будет страшно – зато потом станет так свежо, хорошо. Кот чуть-чуть обсохнет – и сам войдет в воду, сплавает к камешку и обратно. Может, и рыбку лапой поймает.

Какой стоял день! Такой бывает раз в кошачьей жизни!

Маша с Серёжей визжали в холодной воде. Их головы то исчезали, то вновь выныривали; казалось, два солнышка купаются в реке.

Тётя Галя кричала на них:

– Вылезайте скорей греться! Губы посинели совсем! Кожа пупырышками покрылась. Вылезайте – а то сейчас домой уйдём!

Они вылезли и стали выть от холода и стучать зубами.

Снежана тоже сначала испугалась холодной воды, хотела даже убежать, но, передрожав, запрыгнула на одеяло, встряхнулась. Брызги с её белой шкурки, как жемчужинки, полетели на кота, на ребят, они завизжали – вот так вам! Потом она вытянулась на одеяле, разомлела на солнышке, и Митроша стал сушить её шкурку, слизывая с неё сверкающие капли. Вкуснее ничего в жизни ему пробовать не приходилось.

Пока дети с Митрошкой и Снежаной купались, мама наловила окуньков: она поднималась немного вверх по тече-

нию, где рыбу ещё не спугнули. Тётя Галя принялась её чистить, а Серёжа с Машей развели костерок. Стали варить уху. Митрошу и Снежинку угостили сырой рыбкой. Кот съел двух окуньков, а остальных оставил подруге.

– Митрошка почему-то не ест совсем, – удивился Серёжа.

– Он – настоящий рыцарь! – с уважением сказала мама.

И все с улыбкой посмотрели на животных.

Потом Серёжа с Машей пошли ловить рыбу, а мама с тётей Галей улеглись загорать.

Дети стояли с удочками, и Серёжа негромко, чтобы не вспугнуть окуней, говорил:

– Тяни, Маша, тяни, клюёт! Подсекай!

– Вот это да – какая большая! – вытянув рыбину, восхищалась Маша.

Митроша со Снежинкой сидели рядом с рыбаками. Они уже наелись до отвала, и только наблюдали, как рыбки сверкают на солнце серебристыми бочками. Особенно кошку с котом волновало, когда окуньки сами всплескивались над водой, подпрыгивали чуть не на полметра – видимо, им нравилось принимать солнечные ванны.

Снежинка рассказала новому другу, что они с Машей и мамой приехали в Епифанск из большого города на летние каникулы, что Машин папа – моряк и сейчас он в дальнем плавании.

Но самое главное заключалось в том, что Митрофан со Снежаной договорились о встрече. Снежану не выпускали на

прогулку одну, но кот знал: пробраться к ней нетрудно. Надо залезть на крышу, потом спрыгнуть на её балкон. Лишь бы окно было открыто, а летом оно почти не бывает закрытым. Маленькие сердца пушистых созданий замирали от предвкушения будущих встреч.

ДВУНОГИЕ ЧУДОВИЩА НА МЕЖПРОСТРАНСТВЕННОЙ

Прошло две недели. Митроша не разлучался с подругой. Считалось, что Серёжа с Машей присматривают за ними. На

самом деле, Митрофан присматривал и за детьми, и за Снежаной. Ведь именно ему мама перед уходом говорила:

– Ты большой. На тебя весь дом оставляю.

Поэтому именно кот первым заметил, когда на их улице появились три двуногих чудовища. Откуда? Не из-под корней дуба – это точно. Старики рассказывали, что тот – из-под корней – хоть и пугал раз в сто лет людей своим видом, но от него, будто, свежей лесной прохладой веяло. А об этих можно было подумать, что они живут в пивных бочках. Межпространственная таких противных запахов не знала никогда. Не знала улица и таких неопрятных прохожих, и таких диких криков не слышала ни разу. Во всяком случае, Митрофан, проживший тут всю свою жизнь, впервые слышал и видел подобное.

Эти прохожие (стыдно признаться) были людьми. Но кот не разглядел и не учуял в них ничего человеческого: они показались ему чудовищами.

Одно чудовище, самое горластое, имело имя Кукуня и, похоже, могло быть красивой девушкой. Двум другим при рождении, возможно, не дали имён, но кот решил, что их зовут Тыками. Обращаясь друг к другу, они произносили "ты-ы!" с разными интонациями: то трусливо, то с насмешкой, но чаще грубо, высокомерно или с угрозой. Не понравились коту эти Тыки.

Мама говорила, что человек должен уважать собственное имя. А если он забудет, как его зовут, ангел не сможет помо-

гать ему.

Один Тык был высокий, с длинными неухоженными волосами. Другой – лысый, небольшой. Он, несмотря на молодость, начинал уже сморщиваться, сразу весь, вместе с лысиной, как забытое в шкафу яблоко.

При виде их улица будто ещё больше притихла, а они горланили песню. Таковую нехорошую, что Маше с Серёжей стало стыдно друг перед другом.

Митрофан тоже готов был провалиться сквозь землю. Хорошо, что Снежана спала на лавочке у подъезда. Ведь ночью они потихоньку выбрались на крышу, послушали, как стрекочут звёзды, потом спустились и через подъезд вышли на улицу, попрыгали в траве за кузнечиками, попугали мышей своими сверкающими глазами. Митрофан хотел было поймать мышку Снежане, но она смешно сморщила носик. Забрались на дерево и стали смотреть, как огромный огненный шар неторопливо поднимался над их улицей прямо между рядами домов.

Это было так торжественно. Им, наверно, показалось, что они находятся в центре мироздания.

И вот теперь Снежана крепко спит, ничего не видит и, к счастью, не слышит.

Пение внезапно оборвалось и сменилось другими воплями: это Кукуня споткнулась, упала на асфальт, на коленке у неё сквозь джинсы просочилась кровь, и она стала стонать, ругаться и громко плакать, растирая грязными ладонями слёзы по лицу. И вдруг увидела двух прекрасных животных на скамеечке возле подъезда: огромного рыже-чёрно-белого кота и белоснежную пушистую кошечку. Слёзы у Кукуни мгновенно высохли. В своей жизни она редко видела прекрасное, а, может, и не видела вовсе. Кошечка спала, а

кот, как верный страж, охранял её сон.

Кукуне стало обидно, что у кошечки есть настоящий друг. И она решила проверить, настоящие или нет её друзья.

Она, хотя и была старше Митрофана на пятнадцать лет, не знала, что друзей не проверяют. Друзья познаются сами.

Конечно, она позавидовала кошке: Снежана была похожа на нежную барышню в бархатистом наряде, и на неё, не дыша, глядел её влюблённый рыцарь.

– Поймайте их! Быстро! – приказала Кукуня. – И подарите мне!

Тыки бросились исполнять её каприз. Митрофан зашипел и грозно закричал на них. Хулиганы на мгновение опешили, но этого было достаточно: Снежана проснулась – они вдвоём с Митрофаном почти взлетели на ближайшее дерево и уже шипели оттуда, вздыбив шерсть и следя за противником гневными, со сполохами огня, взглядами.

– Кота испугались? Шмокодявку? – Кукуня продолжала капризничать, притворно хромая и размазывая грязь по лицу. – Друзья, называется!

– Кукуня, не хнычь. Коты будут твои! – пообещал лысый.

– Живые или мертвые! – добавил длинноволосый, и все трое весело рассмеялись, будто это была остроумная шутка.

– Мы их подарим тебе в день рождения, – заверил лысый.

Серёжа и Маша видели всё с балконов. Они сразу побежали вниз, как только поняли, что их любимцам грозит беда, но, к счастью, всё хорошо закончилось.

Кот ещё долго сидел на дереве, вздыбив шерсть и выпустив когти. Снежинка успокоилась быстрее: она чувствовала себя защищённой, ведь у неё такой сильный друг. Она стала облизывать ему мордочку, ухо. Потом обняла его за шею, привстала и попыталась дотянуться до другого уха. Ветка покачнулась, Снежанка соскользнула с неё, успев ухватиться одной лапой за ствол дерева, другой потянула за собой кота. Тот свился в колечко вокруг ветки, прокрутился раз и полетел вниз. Кошка, едва удерживаясь на стволе, оглянулась, вывернув голову чуть не на спину, оттолкнувшись, сделала в воздухе кульбит и приземлилась напротив Митрошки. Всё произошло молниеносно. Они весело посмотрели друг на друга. Кошка озорно прыгнула на голову Митрофану, вцепилась зубами ему в ухо, они сплелись клубком – тут же отскочили один от другого и помчались: кошка первая, кот за ней – вдоль по Межпространственной.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СНЕЖАНЫ

Несколько дней Митрошу и Снежану не выпускали из дома: боялись, что хулиганы похитят их.

Наконец, привычное спокойствие вернулось на улицу. Чудища стали забываться. Другьям-животным вновь разрешили выходить во двор. Митроша с дерева любил наблюдать, как мальчишки гоняют футбольный мяч. Снежана почему-то стала засоней: то на лавочке заснёт, то на дереве, то возле девочек сидит, смотрит, как они плетут веночки или фенечки, лениво ловит лапкой рассыпавшийся бисер – глядь, и уже заснула.

Неожиданно Снежана пропала.

Вся улица подключилась к поискам – как в воду канула красавица-кошка.

Маша плакала, Серёжа с трудом сдерживал слёзы; мамы сами едва не плакали, но успокаивали детей: придёт кисонька, побродяжничает и вернётся.

Один Митрофан знал, что произошло: он всё видел сво-

ими глазами.

Кот возвращался с соседней улицы: хотел поймать там наглого воробья, который специально дразнил его третий день. И вдруг увидел Снежану: она растянулась в тенёчке под деревом и спала. Митрофан стал подкрадываться, чтобы неожиданно наброситься на неё и затеять весёлую игру. В этот момент из-за угла выскочил длинноволосый, в два прыжка подскочил к кошке, набросил на неё грязную куртку – и так же быстро исчез за поворотом. Кот помчался следом и вскоре догнал его. Длинноволосый шёл по тропе, которая вела к речке. Дошёл до дуба. Там стоял мотоцикл с коляской. Митроша, прячась в зарослях полыни, наблюдал за ним. Длинноволосый бросил свёрток в коляску. Кот слышал, как бедная Снежинка билась в куртке и царапала её изнутри. У Митрохи сжималось сердце, но помочь Снежинке он сейчас не мог. Бросился вслед за мотоциклом и бежал за ним до тех пор, пока тот не выехал на шоссе и не смешался с потоком машин.

Кот пытался обо всём увиденном рассказать маме и Серёже, но они не понимали его, а только слышали жалобное мяу и гладили Митрошу по голове, понимая, как он страдает.

Тогда Митрофан решил действовать сам.

ПРЕКРАСНАЯ ПЛЕННИЦА В БЕДЕ

Мотоцикл въехал в ближайшее село, проскочил по един-

ственной улице, перепугав всех кур, и остановился возле небольшого обветшавшего дома. Снежане удалось раздвинуть коготками отвороты куртки, и она с тревогой наблюдала за всем происходящим в узкую щёлочку. Длинноволосый схватил свёрток вместе с ней и понёс в дом. Там Кукуня праздновала свой день рождения. Ей казалось, что это самый веселый день рождения в мире.

– Кукунчик! – сказал длинноволосый хвастливо. – Что я тебе принёс? Угадай! Я держу своё слово.

Именинница бессмысленно глядела на грязный свёрток, и ясно было, что она ничего не помнит. Лысый, узнав свою куртку, выскочил из-за стола и стал подпрыгивать, отбирая её:

– Ты-ы! Отдай!

– Ты-ы! – презрительно ответил ему длинноволосый и ещё выше поднял свёрток.

Из свёртка появился пушистый белый хвост и стал метаться во все стороны.

– А! – радостно вскрикнула Кукуня. – Я узнала её. Какая прелесть, какая киса, – "добреньким" голосочком запела она и протянула руки, чтобы взять кошку.

Снежана билась в куртке, стремясь вырваться из цепких рук. Всем было смешно.

– Вот это подарок! – восхищалась Кукуня. – Ни у кого нет такой кошки, а у меня есть! Все соседи позеленеют от зависти! Ты настоящий друг!

Длинноволосого распирала гордость, будто он поймал голыми руками рысь.

– Ладно, Кукунчик, – завидовал лысый чужой славе, – там ещё рыжий кот сидел. Его добуду я и подарю тебе.

– Ты-ы?.. – недоверчиво посмотрел на него длинноволосый.

Кукуня не слушала их, она выхватила свёрток, кошка вывернулась из него и со страху впилась когтями имениннице в шею. Та завизжала, пытаясь отцепить кошку от себя; Снежана от испуга ещё глубже вонзала коготки. Длинноволосый стал тянуть кошку за задние лапы, наконец, сорвал её с Кукуни. Снежана вырвалась, исцарапав и его, и забилась в угол. Именинница кричала:

– Убейте её! Она меня в день рождения исцарапала!

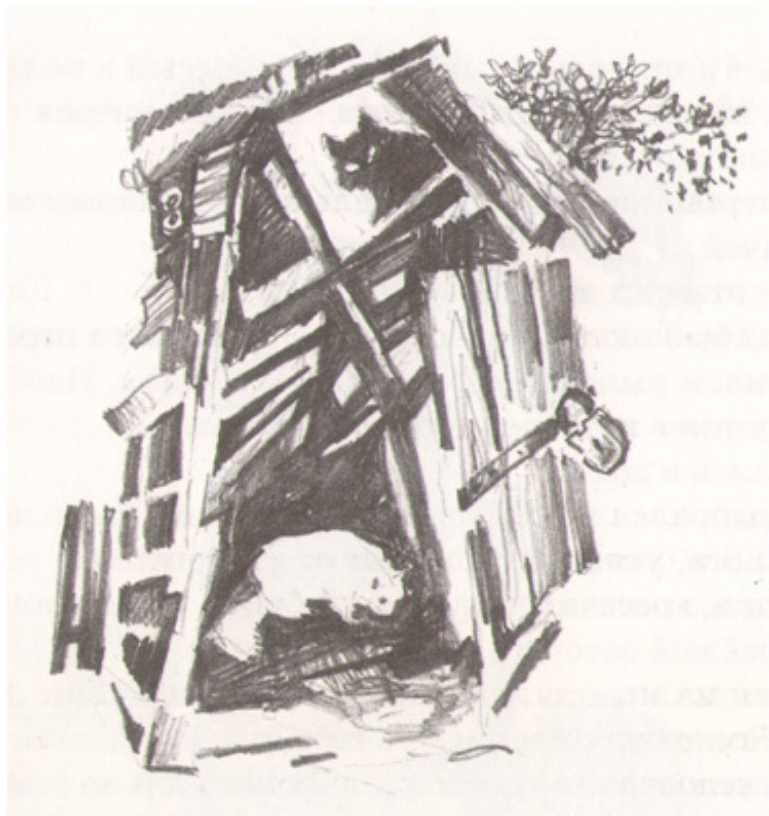
– Кукунчик! – поднялся лысый из-за стола. – Я привезу кота – и мы устроим двоим публичную казнь.

Кукуне этот приговор показался справедливым, и она немного успокоилась. А лысый взял свою куртку, накрыл ею дрожащее животное и понёс во двор. Он открыл дверцу сарая и, швырнув туда несчастную Снежану, сказал что-то гадкое. Хорошо, что она знала не все слова человеческого языка. Лысый захлопнул дверь и закрыл её на засов. В сарае было темно и душно. Снежана забилась в уголок и тихо заплакала. Мяукать и звать на помощь она боялась. Вскоре глаза разглядели в углу охапку соломы, а в крыше была длинная узкая щель, и лучи солнышка проникали сквозь неё – буд-

то прозрачная занавесочка висела посреди темницы. Ночью прошёл дождь, в щель налилась вода – на полу мерцала лужица. Снежана поднялась и поплакала тёплой дождевой воды.

"Никто не сможет помочь мне, – горевала она. – Никто не знает, где я. Даже я сама не знаю этого..."

СМЕЛЫЙ ЗАМЫСЕЛ МИТРОФАНА

Усы у Митрофана обвисли, хвост опустился, он перестал есть. Но кот не только страдал. Он решил бороться с несчастьем.

Никто и не подозревал, какой план зреет в его голове. А Митрофан ждал – очень надеялся! – что злодеи приедут и за ним. Конечно, он не собирался сдаваться им в плен. Он замыслил иное...

Ждать пришлось не очень долго. Через два дня, поближе к вечеру, оба Тыка появились на их улице. Видно было, что они кого-то ищут.

– Ты-ы! Знаешь, какой этот рыжий чёрт хитрый. Его просто так не поймать, – сказал лысый патлатому. – Я вот булыжничек прихватил, пришибу маленько, а потом поймаю.

– Ну ты даёшь! – восхитился сообразительностью приятеля длинный Тык.

Кот понял, что Тыки ищут его. Одному ему известной тропой прибежал к дубу. Он не ошибся: на тропе стоял мотоцикл. Кот запрыгнул в коляску и закопался в пропахшие бензином тряпки. Сердце его выскакивало. Он вспомнил, как две недели назад, здесь же, у старого дуба, оно выскакивало по совсем другой причине... Коту стало грустно. Но нельзя было раскисать. Он взял себя в руки (вернее, в лапы – по кошачьи так будет правильнее).

Вскоре послышались голоса Тыков. Они возвращались ни с чем и ругались. "Лишь бы не стали копать в тряпках!" –

думал Митрофан.

Но Тыки уселись – длинноволосый за руль, а лысый в коляску, – ничего не почувствовав. Мотоцикл помчал кота – он был уверен – к Снежане и вскоре притормозил во дворе.

– Где эта тигрица? – голос принадлежал длинноволосому, раздосадованному неудачей.

– В сарае, – ответил лысый.

– Сейчас над ней одной суд устроим, – хихикнул первый голос.

– Нет. Поймаем рыжего – двоих казнить будем. Пообещали же Кукуньке, – лысому тоже хотелось добиться славы.

Тыки скрылись в доме.

Митрофан выбрался из укрытия. Найти сарай было несложно. Снежана услышала кота, узнала его царапки, мяукнула.

– Снежаночка, кошечка моя, Снежинка, – мяукал кот, но ему было уже ясно, что тяжёлый засов он открыть не сможет.

Он взобрался на крышу, заглянул в щёлочку. Как две звёздочки, светили ему из темноты любимые глаза. Кот просидел на крыше почти всю ночь, разговаривая с прекрасной пленницей. Он не стал ей рассказывать, что замыслили злодеи. Но к рассвету побежал домой – теперь нельзя было терять ни минуты.

Мама уже ушла на работу, когда он поцарапался в дверь своей квартиры.

– Наконец-то! – облегчённо вздохнул Серёжа и, взяв кота,

прижал его к себе. – Я уже думал, что и ты исчез.

Кот вырывался из рук, мяукал, подбегал к двери и явно звал мальчика за собой.

Они вышли из подъезда.

– Вы куда? – крикнула Маша со своего балкона.

Серёжа пожал плечами и показал на кота:

– Митрошка куда-то зовёт. Он, наверное, нашёл Снежану.

"Куда-куда... Всю дорогу прокудахтали", – сердито думал кот. Он знал: плохая примета – спрашивать "куда?" у тех, кто отправляется в путь.

– Я с вами! – крикнула Маша, и через минуту они втроём шагали по тропе, ведущей к дубу.

Дети хотели понести кота на руках; он бы не отказался, так как сильно устал, но ведь они не знали дороги, и Митрошка бежал впереди.

НЕВЕРОЯТНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Когда Митрошка поравнялся с дубом, с обратной сторо-

ны его, в траве, послышался шорох. Любой нормальный кот поймёт, что произошло с Митрофаном: он, не отдавая себе отчёта, бросился на этот шорох. Прыжок, ещё... – и Митрофан исчез.

Серёжа и Маша, чуть отставшие от кота, видели, как он завернул за дерево. Они с тревожным чувством пошли по тому же кругу, окликая его:

– Митроша!

– Митрофан!

Кота они не увидели, но какие-то спиралевидные вихри приподняли, закружили их, и они, не в силах бороться с этим круговращением, полетели в полной темноте, как им казалось, вниз с головокружительной высоты. Было ли это действительно падение вниз, сказать трудно. Через минуту полёт завершился. Ещё несколько минут в их головах всё шло кругом, потом они увидели друг друга, своего кота... Он был здесь же, страшно взъерошен и сумасшедше озирался по сторонам. В его голове тоже всё кружилось. Наконец, они обнаружили, что сидят под тем же дубом, но в синей траве, среди деревьев с синей листвой. Один лишь дуб качал зелёной кроной. Над ними было изумрудно-зелёное небо с белыми, с прозеленью облаками, а на востоке тёмно-золотой круг только что взошедшего солнца. Не туман, а именно синий воздух окутывал всё вокруг.

Дети не могли прийти в себя от увиденного и сидели молча. Кот, узнав их, лишь слегка успокоился, но и он понял, что

произошло нечто из ряда вон выходящее. Все трое переглянулись друг с другом и увидели, что к ним, бряцая шпорами, с саблями наголо приблизилась... стража. Это были пять чёрно-белых котов в красных сапогах и шляпах. Они ходили на задних лапах. Обе компании ошарашенно разглядывали друг друга. Взрослый человек подумал бы, наверно, что сошёл с ума, и сошёл бы с ума в самом деле. Но дети больше верят в чудеса, и это их спасает в таких фантастических ситуациях.

Наконец, один из котов, очевидно, начальник стражи, приказал:

– Прррошу следовать за мной!

Наши друзья поднялись, Митрофан тоже встал на задние лапы: ему стало стыдно ходить на четырёх, когда его соплеменники здесь передвигаются на двух.

Их вели по странному игрушечному городу, в котором стояли здания ниже человеческого роста. Зато синие травы достигали двухметровой высоты. Высокие, как и на Земле, деревья шумели синими листьями. Из окон домов, со стволов деревьев на них, как на невидаль, глядели взрослые коты и маленькие котята – все чёрно-белые. Мерцание их глаз в густой синеве напоминало яркое мерцание угольков в потухающем костре. Многие из местных жителей были обуты, причём, некоторые, очевидно, дамы, в изящные туфельки. На иных были надеты кепки, шляпы или кокетливые шляп-

ки. Детвора же была босая и без головных уборов.

Наконец, необычная процессия вышла на улицу, на которой стояло всего восемь домов: по четыре с каждой стороны. Дома эти правильнее было бы назвать дворцами. Вероятно, в них жила кошачья знать. Дворцы были довольно высоки, в человеческий рост, и богато украшены: на массивных дверях и окнах – золотая и серебряная резьба, крыши сверкают позолотой.

Улица называлась... Межпространственной. Так было написано на уголках стен. Да, это была родная улица, только не было на ней их родных домов. А завершалась улица двумя самыми большими дворцами. Один из них, по правую сторону, белоснежный, благородной, без излишеств, архитектуры, был королевским. А другой, нежно-розовый, принадлежал, как позже выяснилось, принцессе Пампуше, дочери короля. Дворцы разделяла неширокая улица, и король с принцессой вполне могли промяукать что-нибудь друг другу в открытое окно.

Между тем, ещё более сгустились синие сумерки, стало темно. "Странно, – подумал Серёжа, – у них солнце заходит на востоке?"

Путешественников провели в королевский дворец. Начальник стражи пошёл докладывать о чрезвычайном событии – прибытии удивительных гостей.

В просторном зале вдоль стен, увешанных старинными портретами, запечатлевшими королевских особ, стояли в ряд маленькие, будто, детские, стулья, красные, с серебряной отделкой. У стены напротив входа – королевский трон, деревянный, отделанный золотом и слоновой костью. На спинке трона драгоценными камнями был выложен силуэт кота в короне.

Наконец, открылись двери королевских покоев и вошёл адъютант – поджарый красавец-кот в голубом мундире. Обшлага рукавов и ворот были расшиты серебром, в серебряных ножнах на боку – шпага с драгоценной рукоятью. Он оглядел гостей и торжественно объявил:

– Его величество король Епифании Еруслан Первый!

Маша и Серёжа только сейчас неожиданно осознали, что они понимают кошачий язык.

Прихрамывая, вошёл король. Одет он был скромнее своего адъютанта, но на большой лобастой голове сверкала корона. Король довольно невозмутимо рассмотрел путешественников, сел на свой трон и предложил уставшим путникам тоже присесть.

– Кто вы и откуда прибыли? – обратился он прежде всего к Митрофану.

Митрофан понимал, что история их неправдоподобна и ей, скорее всего, не поверят. Но не собиравшись лгать. Встав и поклонившись, будто его всю жизнь учили придворному этикету, он поведал королю, откуда они, что с ними приклю-

чилось и что им самим все эти события кажутся невероятными.

Король задумчиво выслушал удивительную историю. Помолчал некоторое время, пытливо вглядываясь в лица пришельцев, и, наконец, произнёс:

– В нашем государстве идёт война с котами-кочевниками из лиловых степей. Завтра на заре – решительное сражение. Поэтому обстоятельный разговор о вашем путешествии мы перенесём на другое время.

– Мурчелло, – обратился он к адъютанту.

Тот вытянулся в струнку.

– Велите накормить наших гостей и проводите их на Военный Совет. Кто знает, может, у них есть земной опыт ведения военных действий и их советы окажутся полезными.

– Слушаюсь, ваше величество! – ответил Мурчелло.

Гостям предложили вкусную молочную кашу и сухие хлебцы. Дети взяли хлебцы из молотых зёрен и стеблей овса, а Митрофан предпочёл из овсяных зёрен, смешанных с мышинным мясом.

Пока они ужинали, адъютант вернулся к королю:

– Не слишком ли вы доверчивы, ваше величество?

– У нас нет выбора, Мурчелло. Посмотрим, как они завтра поведут себя во время боя... И прикажите учёному библиотечарю Мурлынкису к завтрашнему дню, к двум часам пополудни, подготовить всю информацию о магических перемещениях в пространстве. Если они солгали, мы их сожжём

на костре.

Когда-то в юности Еруслан Первый действительно бывал излишне доверчив. За одни только бравые усы он мог назначить кота командиром. Но, наученный печальным опытом, стал проницателен и мудр.

Может, и хорошо, что у наших героев не было времени отдыхать и размышлять о случившемся: Маша и так потихоньку вытирала слёзы, Серёжа старался не показывать, что расстроен, а Митрофан думал только о том, что Снежана ждёт его и надеется на спасение, а он неизвестно где ест молочную кашу и жуёт хлебцы из мышиноного мяса.

ЗЕМЛЯНЕ НА ВОЕННОМ СОВЕТЕ В ЕПИФАНИИ

Военный Совет возглавлял сам король. Кроме него на Совете присутствовали адъютант и пятеро генералов в мундирах с тяжёлыми золотыми эполетами. Самыми пышными эполетами выделялся кот, сидевший рядом с королём. Это был мурлиссимус – главнокомандующий епифанской армией. Он и здесь не мог расстаться со своей трубкой. Мурлиссимус был стар, чёрные усы его пожелтели, а в груди от вечного курения постоянно урчало, клокотало, булькало. Незнающие думали, что он непрерывно мурлычет. Мурлиссимус вынимал трубку изо рта, и все из уважения к его былым победам и подвигам замолкали, пережидая, пока он бурно, свирепо прокашливался и вновь затыкал трубкой рот.

Король выслушал всех и только затем велел пригласить гостей, представил их Военному Совету и спросил:

– Бывают ли на Земле войны? Приходилось ли вам участвовать в них?

Король не бывал никогда на планете Земля и первый раз в жизни видел людей. Он не знал, что Маша и Серёжа – дети, что коты на Земле, если и ведут военные действия, то только на крышах или в подвалах. Митрофан же был домашним котом и вёл мирный образ жизни, он даже воробьёв не ловил, а просто любил их попугать.

Пришельцы понимали, что они не у тётки на блинах и от их поведения зависит их судьба.

– Ваше величество, – смело обратился Серёжа, – нам на-

до посмотреть поле, где будет проходить сражение, и задать вам несколько вопросов: во-первых, каковы ваши военные силы, во-вторых, военные силы противника. Нам надо познакомиться с вашими методами ведения боя.

Король с уважением посмотрел на Серёжу:

– Численность наших войск и войск противника примерно равна – по полторы тысячи котов с каждой стороны. Но лиловые коты постоянно ведут войны, войско их закалено в битвах, когти отточены, клыки острые. Они беспощадны. Во главе их – рыцарь Лиловый Коготь. Он называет себя завоевателем Вселенной. Шерсть на нём стоит дыбом, он весь в металлических доспехах с шипами и заклёпками. Свои когти он потерял в боях, и сейчас у него искусственные, сделанные из металла и покрашенные в лиловый цвет. Страшное оружие! Он никого не боится. Мы уже месяц сдерживаем их атаки. Армия Епифании измотана в боях и истекает кровью...

В этот самый неподходящий момент на Военном Совете появилась Пампуша со своей чопорной, состоящей из строгих немолодых дам, свитой. До королевы уже дошли слухи о необычных гостях из другого мира, и ей не терпелось взглянуть на них. Король строго посмотрел на дочь, но она позволила себе не заметить его взгляда: всё-таки она была принцесса. Пампуша ожидала увидеть нечто редкостное, но то, что предстало её взору, превзошло все ожидания. Два

фантастических существа: голокожих, безусых и бесхвостых – такое и в страшном сне не приснится! Понимая, что нарушает светский этикет, она уставилась на пришельцев.

Дети же любовались ею: Пампуша была белоснежна и пушиста, но с чёрным хвостом, чёрными перчатками и носочками на лапках, чёрными ушками и усами. Настоящая принцесса Епифании. Она перевела свой взгляд на Митрофана, и её синие глаза затуманились. Митрофан поразил её воображение: такого – трёхцветного! – котика она видела впервые в жизни. Он был могуч, силен, прекрасен! Явно древняя дворянская кровь текла в его жилах. Митрофан смущённо опустил глаза под её настойчивым взглядом.

С другого конца зала пламенный взор устремил на Пампушу красавец Мурчелло. Но она делала вид, что не замечает адъютанта. И это накануне решительного, может быть, смертельного сражения!

Так же своевольно, как появилась, жестокая красавица сделала реверанс и ушла со свитой в свой розовый, как тортик со взбитыми подрумяненными сливками, дворец.

Наконец, все члены Военного Совета вместе с путешественниками смогли отправиться на поле завтрашней битвы.

Осмотрев его, Серёжа сказал:

– Необходимы фортификационные, то есть оборонительные, – на всякий случай пояснил он, – сооружения.

Он предложил вырыть рвы, сверху прикрыть их травой: враги не будут знать об этих рвах – многие из них провалят-

ся.

И тут с неожиданным предложением выступила Маша:

– Нужно сплести из травы большие сети, похожие на мешки, и выложить их по дну и стенам рва – так, чтобы верхняя кайма этих мешков проходила по краю рва. А в кайму продеть верёвку, тоже сплетённую из трав. Как только вражеские солдаты провалятся в ров, верёвку сразу затянуть – им уже не выбраться оттуда.

Серёжа с восторгом посмотрел на девочку: "Ну, Машка, тебе бы армией командовать!" Королю понравились предложения Маши и Серёжи – такого в их военной практике ещё не было.

Был отдан приказ – и солдаты задними лапами начали рыть рвы.

Часть солдат была отправлена на заготовку длинных стеблей травы. Маша умела плести очень красивые венки: вместе с мамой она ходила в кружок макраме и научилась вязать сумки для кукол. Этот опыт ей пригодился. Ей в помощь были даны сто пятьдесят чёрно-белых кошек. Они, переговариваясь, мяукали, мурлыкали, пели епифанские песни, чтобы не заснуть, но к утру всё было готово.

РЕШИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ С КОТАМИ-КОЧЕВНИКАМИ

Солнце ещё не взошло, но небо уже посветлело. Над Епифанией начинался изумрудный рассвет. Вот сквозь изумруд с западной стороны стали пробиваться тёмно-золотые нити

и, как на детском рисунке, прочерчивать небосвод ровными тонкими линиями. На небе угасали звёзды и истаивали три маленьких диска незнакомых землянам ночных светил. Воздух, свежий и прохладный, постепенно набирался утренней синевы. Он так и сохранит эту синеву на весь день, а в укромных уголках, в тени, она станет густой и почти непрозрачной. Тихий рассвет, наверное, как и везде во Вселенной. Не верилось, что эта сказочная тишина нарушится злобным воем войны.

На верхушках деревьев сидели коты-дозорные. И вот сначала первый – второму, тот – третьему и так далее передали тревожный сигнал: "Мя-а-а-а-у!", что значило: "Приближаются!".

Епифанцы-воины в синих мундирах залегли в высоких зарослях синей травы и стали невидимы. В лапах они держали концы верёвок, которыми будут затягивать спрятанные во рвах сети. Для того чтобы это сделать, не нужно даже выскакивать из укрытия.

Вот земля стала содрогаться от топота обутых в сапоги с подковами полутора тысяч котов. К Епифании приближалась грозная лиловая туча. Лиловое воинство было очень организовано: построенные в ровные шеренги, солдаты маршировали, как на параде; клыки их были зловеще оскалены, блистали отточенные лезвия кинжалов. В рукопашном бою им не было равных. Впереди шёл знаменосец и нёс флаг с изображением самого Лилового Когтя: свирепая кошачья

морда с чёрной повязкой на одном глазу хищно глядела уцелевшим глазом с этого развевающегося на ветру полотнища. У любого кота пробежала дрожь по шкуре при взгляде на этот флаг.

Приблизившись к границе Епифании, лиловые разом завопили своё знаменитое: "Ма-а-а-у-ы-у! Ма-а-а-у-ы-у!" Травы поникли, листья на деревьях задрожали. Если вы никогда не слышали, как одновременно кричат полторы тысячи котов, то лучше вам и не слышать ничего подобного. Если не успеете заткнуть уши, барабанные перепонки могут лопнуть. При таком крике любое существо охватывает непередаваемый ужас, и это существо бежит, задрвав хвост, если он у него имеется, и сверкает пятками.

Это была психическая атака.

Епифанцы к ней подготовились: при приближении лиловых они заткнули уши заранее скрученными из собственной шерсти плотными пробками. Такие же пробки они выдали своим гостям.

Приближаясь к границе, лиловые ожидали встретить чёрно-белые шеренги своих противников – ничего подобного они не увидели. Граница была пуста. Сначала это привело их в замешательство – они жаждали кровавой схватки. Но потом буйная радость охватила их: они решили, что епифанцы сдались без боя и даже, может быть, покинули город. Шеренги их расстроились, и лиловые, едва не давя друг друга, рванулись в город. И тут стало происходить невероятное:

они десятками падали в ямы, над ними смыкались сети и в этих сетях какие-то невидимые силы волочили их по земле. Они чувствовали себя, как мыши, которых полными сетками несут с базара домашние хозяйки. Перерезать сети кинжалами или перегрызть оказалось не под силу.

В рядах лиловых началась паника.

В этот момент из зарослей травы выскочили чёрно-белые пехотинцы, красавцы-усачи, и началась рукопашная схватка. Самым сильным и смелым был, как всегда, Мурчелло, адъютант короля. Он один мог сражаться с тремя и даже с пятью лиловыми. Адъютант не должен участвовать в боях, но, когда в опасности родная страна, Мурчелло не подчинился приказу – он не мог отсиживаться в безопасном месте. Лиловый Коготь объявил за его голову награду – пятьдесят ты-

сяч мышей! Многие мечтали получить эту награду. Захватчики были ошеломлены тактикой противника, но сдаваться не собирались. Вдруг среди чёрно-белых появился какой-то трёхцветный дьявол. Он вообще не был вооружён, но владел неизвестными приёмами боя и одного за другим укладывал лиловых на живот. (Не зря Митрофан боролся с Серёжей дома на ковре: Серёжа обучил его многим приёмам).

Наконец, на поле выскочили два огромных чудовища и стали связывать поваленным котам лапы. Кошачий визг стоял невообразимый. Лилловые поняли: Еруслан связался с нечистой силой – с этими бесхвостыми колдунами. С криками: "Спасите! Назад!" – степные кочевники бросились бежать.

Это была окончательная победа Епифании! Армия лиловых была разгромлена. Почти половина неприятельского войска взята в плен. Другая половина бесславно бежала зализывать раны. Теперь кочевники никогда не рискнут напасть на Епифанию.

УЧЕНАЯ БЕСЕДА ТРЁХ ДОСТОЙНЕЙШИХ КОТОВ

Трудно передать словами восторг, который охватил Епифанию по случаю победы.

"Мы и сами с усами!" – транспаранты с этими пламенными словами украсили улицы городов и сёл Епифании.

Горожане высыпали на улицы, обнимались, лизали друг друга в морды. Обнимали Митрофана. Даже Серёжа и Маша, на которых многие от страха боялись поднять глаза, не казались такими безобразными.

Прямо на улицах бесплатно угощали винами из цветов и корней валерианы, жарились шашлыки и рыба, подавались завёрнутые в листья печёные жуки и тараканы. Серёжа и Маша предпочитали есть что-нибудь растительное и пить цветочную росу. Так они и остались в памяти жителей Епифании вегетарианцами.

Военные подсчитывали потери: исцарапанных котов – 502, с ободранными боками – 308, с перекушенным хвостом – 111, с поломанными когтями – 50. Славная была битва! Убитых нет ни с той, ни с другой стороны. Взято в плен 746 лиловых котов, остальные бежали. Бежал и "завоеватель Вселенной" Лиловый Коготь. Кстати, от пленных епифанцы узнали, что Лиловый Коготь теперь сам боится своих громил и в испуге скрылся от них.

Ровно в два часа пополудни, как и было назначено, в королевский дворец прибыл великий ученый Епифании, храни-

тель тайн, главный библиотекарь государства Мурлынкис. К великому сожалению обеих сторон, Серёжа и Маша не принимали участие во встрече: детей, утомленных событиями прошлой ночи и раннего утра, просто свалил сон, ведь на Земле в это время была ночь.

Но Митрофан был бодр, свеж и даже великолепен: специально для него сшили зелёный, под цвет его глаз, мундир, сапоги и шляпу.

Мурлынкис снял чёрный берет, украшенный рыбьим плавником вместо пера, и остался в плаще свободного покроя. Причесал когтями негустую старческую шевелюру. Положил на стол старинный фолиант. Затем из старого потёртого футляра вынул круглые очки с одной дужкой, вместо второй дужки была верёвочка; надел очки на нос, за одно ухо зацепив дужку, на другое не спеша намотал верёвочку. Поднял глаза и сквозь стёкла поглядел на Митрофана. Взгляд его был полон неподдельного научного любопытства.

– Рад приветствовать вас на Птолемеаде, многоуважаемый Митрофан. Наслышан и о ваших военных подвигах, – он с достоинством великого кота поклонился Митрофану, но глаза его выдавали нескрываемое восхищение инопланетным героем.

Митрофан встал и поклонился учёному. Оба сели. Король со своего трона с удовольствием наблюдал за этой церемонией приветствия. Между тремя достойными котами: королём, великим учёным и знаменитым путешественником – нача-

лась интереснейшая беседа.

Сначала Митрофан повторил Мурлынкису рассказ о своём чудесном прибытии на планету.

Затем, основываясь на многовековых легендах, Мурлынкис поведал Еруслану Первому и коту Митрофану следующие тайные, записанные в древних епифанских манускриптах сведения.

– Тайными эти манускрипты являются потому, – пояснил великий учёный, – что в них хранятся знания по магии и колдовству, а колдовство запрещено в Епифании. Наши предшественники жили на планете Земля и были очень почитаемыми животными в стране, именуемой в древних книгах Египтом. Египетские жрецы занимались магией и колдовством. И не только жрецы: в Египет приезжали учёные со всего Древнего Мира и тоже изучали магию. Они проникали в разные измерения, параллельные пространства, открывали пути в прошлое и будущее.

– Это были не коты, а люди, – счёл нужным пояснить рассказ учёного король.

– Да. И, судя по рисункам в книгах, эти люди внешне похожи на ваших смелых спутников, Серёжу и Машу, – продолжал Мурлынкис. – Многие из магов брали с собой в опасные путешествия своих верных и умных помощников – котов. Люди обладали редкостными знаниями, а коты – сильно развитыми чувствами: раньше человека кот чувствовал опасность, быстрее различал доброе и злое. Однажды

юный и неопытный маг (история не сохранила его имени) не справился с неисследованной силой заклинаний. Его и двух неразлучных друзей, кота Птоломей-Уса и кошку Птолемяу, подхватил мощный спиралеобразный поток невиданной силы и понёс их в неизвестном направлении. Все они потеряли сознание. Когда Птоломей-Ус и Птолемяу очнулись, они обнаружили, что их только двое. Они сидели на синей лесной поляне, и над ними было зелёное небо с тёмно-золотым шаром солнца. Всё окружал непривычный полумрак, но глаза их, как сказано в легенде, сияли неземным блеском. Куда делся их двуногий друг, учёные до сих пор спорят: рассыпался ли он на мельчайшие атомы или его вынесло в иное измерение? Птоломей-Ус и Птолемяу стали основателями кошачьего рода на нашей планете. В их честь планета и получила название Птоlemeада. С большой любовью потомки отнесли к прародительнице – кошке Птолемяу. Её до сих пор ласково именуют Птолемяша. Река в нашем государстве названа в её честь. Митрофан уже имел возможность удивляться созвучию названий страны и их города, улицы, а вот теперь и реки: у них в Епифанске Пташечка, а здесь Птолемяшечка.

– Один раз в столетие, – продолжал Мурлынкис, – то есть один раз в пять кошачьих поколений, открываются пути в неведомые пространства. Такой путь открылся и отважному Епифанию, большому чёрно-белому коту. 1200 лет назад он прибыл на Птоlemeаду. Учёные расходятся во мнениях, из

какой он страны. Но сохранилось интересное свидетельство. Согласно ему, прибыл он из государства Древняя Русь. Когда Епифаний мурлыкал своим внукам песни, он всё время напевал загадочные слова: "О, Дррревняя Русь, Дррревняя Русь". Мы долго не могли понять, что означают эти слова, пока, наконец, не обнаружили, что на Земле, действительно, существовало такое государство – Древняя Русь... Свидетельство лишь одно, но, согласитесь, оно достаточно весомое. Поэтому епифанцы считают себя потомками древнерусских котов.

– Мы с Серёжей и Машей живём в России, – сказал Митрофан. – Раньше наша страна называлась Древней Русью.

– Следовательно, у нас с вами общие исторические корни! Вы – бесценный источник знаний! – великий учёный поднял уши и взволнованно замахал хвостом. – Надеюсь, услышу от вас много интересного о наших общих предках, – он посмотрел на землянина с надеждой.

Жажда познания – вот страсть, владеющая Мурлынкисом с молодых когтей до столь почтенного возраста.

"Бесценный источник знаний" застенчиво поскрёб затылок: коты на планете Земля не слишком-то интересуются историей государства. Митрофан не был исключением. И вот теперь ему стало стыдно за своё невежество.

Его неожиданно выручил король, продолжив разговор:
– Епифаний основал наше государство – Епифанию, – сказал он и показал на стену, где висел портрет старинной

работы.

На нём был запечатлён чёрно-белый кот с суровым выражением морды и в королевской короне, украшенной разноцветными камнями. Под портретом стояла подпись: "Епифаний Первый".

Митрофан с почтением посмотрел на портрет основателя государства, но задал такой вопрос:

– Как же здесь оказались мыши, рыбы, насекомые? Они тоже были завезены, или Птолемеада – их родина? Может быть, наоборот, их отсюда завезли к нам на Землю?

О, досточтимый Митрофан, – произнёс Мурлынкис с удивлением. – Я вижу, что вы не только славный воин. У вас неподдельный интерес к разным областям знаний. Вы могли бы стать учёным и возглавить Академию Кошачьих Наук, которая сейчас организуется у нас в стране. Я, к сожалению, не могу ответить на ваш вопрос. Епифанская наука пока не знает на него ответа. Для этого надо, во-первых, расшифровать древние языки; во-вторых, изучить все древнейшие манускрипты, а их более тысячи.

– Почему лиловые постоянно совершают набеги на ваше государство? Что привлекает их здесь? – продолжал интересоваться Митрофан.

Ему ответил король:

– Епифания – осёдлое и очень богатое государство. Мы живём земледелием, разведением мышей, рыболовством. В королевском хозяйстве есть даже несколько коров. А лило-

вые – кочевники. Они живут войнами и грабежами. Теперь они напуганы. Я думаю, столетие мы можем жить спокойно. А, может быть, они уже никогда не рискнут напасть на Епифанию.

– Многоуважаемый Мурлынкис, – вновь обратился кот-землянин к великому собеседнику, – прошу простить мне моё невежество. Объясните, пожалуйста, каким образом мы, жители планеты Земля, попали на Другую планету? У нас с Серёжей и Машей нет космического корабля... И есть ли у нас надежда вернуться на Землю?

– Дорогой друг! – ответил учёный. – Хотя коты – венец цивилизации, но возможности даже нашего разума ограничены. У меня нет ответа на ваш первый вопрос. На Птолемеаде недавно приступили к изучению пространственных путей. Но что касается надежды на возвращение...

Митрофан во все глаза смотрел на хранителя тайн, а тот говорил дальше:

– Итак, один раз в сто лет открывается возможность пронзять пространство. Наш король Еруслан Первый, когда вступал на престол, был предупреждён учёными, что в период его правления возможно прибытие гостей из иных цивилизаций.

Король подтвердил эти слова кивком головы. Мурлынкис продолжал рассказывать:

– Я думаю, что дорогой, соединяющей пространства, является дуб. Неслучайно листва его становится в это время

зелёной – одного цвета с цветом небес.

Митрофан внезапно вспомнил: вчера утром он подбежал к дубу – листва на нём, на земном дубе, прямо-таки на глазах стала синей. Даже тень под деревом приобрела синеватый оттенок. Он рассказал об этом. К восторгу учёного, это подтверждало его догадку.

– Пока дуб будет у нас зелёным, а у вас синим – межпространственный путь открыт. Этот проход открыт на Птолемеаде ровно сутки. Если вы прибыли сюда в восемь вечера, то ровно в восемь вечера сегодня вы должны будете отправиться назад. Минута раньше, минута позже – и вы рискуете попасть в иные измерения, заблудиться в пространствах. У вас осталось четыре часа.

Сердце Митрофана заколотилось: неужели через четыре часа он увидит Снежану?

– Только имейте в виду: время на нашей планете относительно вашего времени движется назад. Вы отправитесь отсюда в восемь вечера по нашему времени, а придёте на планету Земля, по моим расчётам, в 7 часов 59 минут утра вчерашнего дня. То есть вы не потеряете ни минуты из вашей земной жизни.

Это больше всего обрадовало кота Митрофана, ведь он боялся, что похитители не будут долго ждать и расправятся с его мурлышкой. Но если время не будет потеряно, он успеет её спасти!

– Дуб сохранит чудодейственную силу ещё несколько ча-

сов, но отправляться в межпространственные путешествия станет опасно, – рассказывал Мурлынкис. – Местные колдуны говорят, что у дуба в эти часы проявляются и иные силы: заколдованное существо, обойдя вокруг дуба против движения его тени, окажется расколдованным...

Митрофан повёл ухом: "Заколдованный-расколдованный... Неужели Мурлынкис всерьёз говорит об этом?"

Но учёный продолжал:

– А дурное существо, обойдя дуб таким же образом, станет тем, кем является на самом деле...

Митрофану это было и вовсе непонятно, да он и не мог дальше слушать: его душа рвалась на Землю, к Снежане.

СЕРЁЖА И МАША В ГОСТЯХ У ПРИНЦЕССЫ

Серёжа и Маша давно проснулись, и их пригласили во дворец принцессы. Ноги и руки их, в ссадинах и царапинах после боя, всё ещё кровоточили.

– Как же вы живёте без шерсти? Вы ведь совсем беззащитны, – пожалела их Пампуша.

Она распорядилась привести лекаря, и он настоями трав промыл детям раны и наложил повязки.

Путешественники уже успели познакомиться с некоторыми обычаями этой страны. Они знали, что только официальные лица обязаны носить в Епифании одежду, а члены суда надевать пышные парики с прорезями для ушей. Стража ходит здесь в сапогах и шляпах, со шпагой в ножнах на боку. Простые горожане в тёплое время года надевают шляпы или обувь ради франтовства или кокетства. В неофициальной обстановке все обычно в своей естественной одежде, то есть в природных шубках.

Принцесса редко надевала платье: ни один наряд не мог соперничать в красоте и богатстве с той шубкой, которой наделила её природа. Пампуша любила лишь иногда обвить свою шелковистую шейку нежным шарфиком. Вот и сейчас на ней был прозрачный красный шарфик и очень уютные мягкие туфельки, тоже красные.

Принцесса привела гостей в классную комнату, где она обучалась искусствам, занималась рисованием, музыкой и танцами. Серёжа попросил разрешения порисовать. Маша

показала Пампуше две фотокарточки. На одной из них была запечатлена её любимая Снежана.

– Как хороша эта кошка! – с завистью сказала Пампуша. – Она принцесса?

Маша засмеялась и отрицательно покачала головой. Потом показала ещё один снимок. На нём были сфотографированы четверо друзей: Маша, Серёжа, Митрофан и Снежана. Ушки у Пампуши поднялись, усы распушились. Она пригласила их лапками и спросила:

– Как вы залезли все вместе в этот маленький квадратик бумаги? – и гордо добавила: – У меня бы усы из него торчали!

Маша опять засмеялась, но Пампуша не обиделась, а слегка отвела ушки назад и вновь поинтересовалась:

– А когда вы вылезете оттуда – вас будет по двое?

"Вот темнота", – подумала Маша. Пампуше она объяснила, что в фотографию невозможно влезть и вылезти из неё нельзя:

– Вот у вас на стене ваш портрет, нарисованный художником. Разве вы можете оттуда вылезти?

Пампуша ничего не ответила, но только попросила Машу подарить ей фотографию, на которой земляне были вчетвером. Может быть, она всё-таки надеялась, что умный Митрофан сможет как-нибудь выбраться оттуда. В мечтах она представляла себя его невестой: все принцессы из других государств замаякают от зависти. Маша попросила карандаш и печатными буквами написала на обратной стороне фото-

карточки: "На память Пампуше. Серёжа, Маша, Митрофан и Снежана с планеты Земля".

Потом она достала из кармашков юбочки пакетики с разноцветными бусинками и леской (она всегда всё это носила с собой, потому что плести фенечки было её любимым занятием). Пока они беседовали с принцессой, она успела сплести браслет, тоненькое ожерелье и даже корону. Она сделала всё это быстро, потому что не раз плела для своей Снежаны всякие украшения. Пальчики её работали так слаженно, что, казалось, они сами знают, какую бусинку брать и на какую лесочку нанизывать.

Маша протянула Пампуше фенечки. Если бы на мордочке принцессы не было шёрстки, то можно было бы увидеть, как она зарумянилась от удовольствия. Пампуша поблагодарила Машу, сразу украсила фенечками свою лапку, шейку и голову и, мурлыча, стала крутиться перед зеркалом. Любая девочка на её месте поступила бы так же, если бы ей подарили такие драгоценности.

Тем временем Серёжа на куске картона нарисовал пейзаж своей Родины. Она теперь казалась ему такой прекрасной. Он нарисовал зелёную поляну, усеянную полевыми цветами, весёлую прозрачную речку, голубое небо с белыми облаками и нежно-золотым солнцем. Протянул пейзаж принцессе. У неё перехватило дыхание от такой красоты. Фантастический солнечный свет заливал картину, серебрилась река, блестели зелёные травы и листья деревьев, летали бабочки, а цветы,

казалось, издавали нежный аромат.

– Это самая великая картина, какую только может создать живое существо, – почти шёпотом сказала принцесса, – мы будем хранить её и учить по ней котят искусству рисования.

Серёжа залился краской от такой похвалы.

Тут вошёл котёнок в коротких штанишках, в курточке с большим кружевным воротником, в берете, надетом на одно ушко. Это был паж принцессы Пампуши. Он что-то шепнул ей на ухо. Принцесса взглянула на своих гостей растерянно. Потом спинка её напряглась, хвост изогнулся, и она повелительно сказала пажу:

– Привести Черномусю!

Паж поклонился и молча вышел.

РАССКАЗ МИТРОФАНА О ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Что же такое шепнул паж принцессе Пампуше? Почему она так разволновалась?

Перенесёмся опять во дворец короля, где три достойнейших представителя кошачьего племени ведут свою беседу.

Теперь уже Митрофан повествовал о жизни на планете Земля. Он рассказывал о зелени трав и деревьев, о птицах, летающих в синем небе, и о похожих на птиц самолётах, о телевизоре и даже о компьютере. Хотя о нём он знал только то, что в нём водится мышка...

И король, и великий учёный были потрясены услышанным. И не раз то один, то другой от удивления чесали задней лапой за ухом, так что у короля даже корона съехала набок и, казалось, сейчас свалится с головы.

Поразило их и даже оскорбило то, что их собратья, коты, на Земле ходят не на двух, а на четырёх лапах. Достичь таких высот цивилизации и не подняться на две лапы?!. Митрофан не ожидал, что рассказ об этом произведёт столь неблагоприятное впечатление. Но оба собеседника уже вопросительно смотрели на него:

– И вы тоже?

– Некоторые все же ходят на двух, – сконфузился Митрофан.

Он позволил себе эту единственную ложь. Простим ему: не мог он под осуждающим взглядом сразу двух великих собеседников сказать правду. Он бы унизил себя в их глазах.

Хотя, честно говоря, давно уже мечтал побегать на четырёх.

Король и Мурлынкис стали уговаривать Митрофана остаться на Птолемеаде, но наш герой ответил им так:

– На планете Земля люди называют себя царями природы. Мы, коты, не переубеждаем их: они лишь посмеются над нами. Но, не будь животных, человеческий мир давно бы погиб. Не от голода – от других причин. Ведь у животных человек научился нежности, верности и доброте. А без этих качеств люди уничтожили бы и сами себя, и всю планету.

Еруслан и Мурлынкис содрогнулись. Митрофан вздохнул, обвил себя хвостом и продолжил:

– Люди очень талантливы. Но они обделены даром предчувствия. У них нет такого звериного чутья, как у нас. Поэтому мы оберегаем их от надвигающихся бед и опасностей. Коты и люди говорят на разных языках, но некоторые из котов могут внушить человеку хорошие идеи. Я не говорю о том, что любой котёнок может заставить доброго человека сходить в магазин за чем-нибудь вкусеньким. Это нетрудно. Я имею в виду другое. Например, убедить человека отложить опасную поездку. Еще сложнее внушать людям научные мысли. Могу сказать уверенно: без котов человечество не прожило бы и нескольких веков. Кошачье племя расселилось по всей планете. Мы вселились в жилища людей. В них мы усмиряем злых духов, даём приют добрым, изгоняем болезни. Многие коты умеют воспитывать детей. Без нас нет домашнего уюта. Я – землянин, поэтому я верен своему

другу Серёже и его маме, верен своему дому. Но сердце мое на Земле ещё и по другой причине...

Рассказчик загоревал, вспомнив свою белоснежную подругу, её ласковое "мяу", её грациозную походку на четырёх лапках. И он поведал своим новым друзьям о Снежане. Только не стал рассказывать о беде, приключившейся с ней.

Пришла пора прощаться с великим Мурлынкисом. Учёный пожелал Митрофану счастливого возвращения на Землю и напомнил:

– Ровно в восемь ноль-ноль межпространственный путь будет открыт для вас. Опаздывать нельзя. Осталось три часа.

Именно эту новость и сообщил паж на ушко принцессе. Как эта новость мгновенно стала известна ему самому? Это придворная тайна. Нам её не разгадать. Принцесса, как вы помните, велела срочно привести колдунью Черномусю.

"Митрофан покинет Птолемеаду?! Этого нельзя допустить!" – думала Пампуша.

Черномусю доставили быстро. Ей даже рассказывать ничего не надо было: она видела сердце красавицы насквозь и читала в нём, как в открытой книге.

– Но смотри, – приказала Пампуша, – чтобы ни одна шерстинка не упала с его шкурки! И двуногим, – принцессе стало стыдно, ведь дети добры и приветливы с нею, – тоже сильно не вреди.

Великодушное было у неё сердце!

Сложная задача стояла перед Черномусей: оставить Митрофана в Епифании, никому не навредив.

Колдунья вошла к детям. Серёжа и Маша взглянули на неё вопросительно. Сразу было ясно, что это очень старая кошка. Вся чёрная, она была единственной среди чёрно-белых котов Епифании.

– Здравствуйте! – прошамкала колдунья, при этом одиноко сверкнул её клык. – Бр-р! Какие вы голенькие! Где ваша шёрстка? – она старалась говорить ласково, но Серёжа и Маша прижались друг к другу.

Увидев детей, Черномуся сразу поняла, как не навредить никому. Ни один волос не упадёт с их головы. Наоборот, прибавится много пушистой шёрстки. Она превратит их в котов. Они будут благодарны ей до конца жизни. Разве можно жить такими бесшёрстными уродами? Митрофан будет долго искать детей и пропустит время возвращения на Землю. Зато у него появятся настоящие друзья – красивые молодые коты. Потом он сам обрадуется.

И Черномуся отправилась варить зелье.

РАЗГОВОР ЕРУСЛАНА ПЕРВОГО С МИТРОФАНОМ

Еруслан Первый и Митрофан остались вдвоем. Король

всё ещё надеялся, что землянин передумает возвращаться домой.

– Я уже немолод, – сказал он, – возьми в жёны мою дочь. Я назначу тебя мурлиссимусом – наш очень стар, ему пора в отставку. Ты возглавишь армию. А после моей смерти станешь королём.

– Ваше величество, простите меня, беспородного кота, за то, что не принимаю ваше предложение стать супругом принцессы. Я уже сказал, что сердце моё отдано другой. Но не сказал вам, в какой беде она сейчас находится, – и Митрофан рассказал Еруслану Первому о том страшном горе, которое произошло на Земле. – Я обязан её спасти, – он твёрдо посмотрел в глаза королю.

Сердце старого воина дрогнуло: он тоже когда-то был молод и не раз рисковал жизнью ради своей прекрасной избранницы. Сейчас ее нет в живых.

– Ты настоящий кот! ("Ты настоящий мужчина!" – говорят в подобных ситуациях люди), – и король пожал Митрофану его мужественную лапу.

В это время на другой стороне улицы раздался звон гитары и послышалась песня. Король и Митрофан подошли к окну и увидели, что красавец Мурчелло стоит под балконом принцессы и поёт:

Мрра – мрра – мрра – мрра – мрра...

Без вас, принцесса, целый мир – ничто, мура...

Мрру – мрру – мрру – мрру...

Без вас, Пампуша, я сгорю,

Без вас умррру...

Митрофан хорошо понимал чувства своего юного отважного друга. Мурчелло очень переживал: красавица не замечала его любви. Но несравненно тяжелее было самому Митрофану... Песня же ему так понравилась, что он решил попросить Мурчелло перецарапать слова, чтобы потом где-нибудь на крыше исполнить её Снежане, заменив имя Пампуши на имя своей возлюбленной и оставив слово "принцесса".

Мотив он знал: когда дома бывали праздники, мама брала его на руки, танцевала с ним и напевала эту мелодию, только очень нежно. Мотив тот же, но слова у Мурчелло лучше.

Митрофан решился посоветовать королю:

– Вот кто достоин руки и сердца вашей дочери, – и он рассказал о том, как утром рядом с ним, не боясь смерти, отчаянно сражался Мурчелло.

Принцесса вышла на балкон. В новых украшениях она стала неотразимой. Пампуша бросила цветок своему поклоннику. Мурчелло поймал цветок, встал на одно колено и запел ещё громче другую песню.

– Лямурр, – сказал король с доброй улыбкой.

"Какое слово!.. Как красив кошачий язык, – подумал Митрофан, – и кошачьи песни".

Король обнял Митрофана, как равного, ещё раз пожелал счастливого возвращения на Землю.

Митрофан отправился сообщить Серёже и Маше радост-

ную новость: через два с половиной часа они вернутся до-
мой.

ПОЯВЛЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДВУХ РЫЖИХ КОТЯТ

А в это время старая колдунья вошла к детям. Она несла кувшин с ароматным напитком из трав. Колдунья налила напиток в красивые блюда и протянула их детям:

– Лакайте.

Дети улыбнулись. Очень хотелось пить. Они выпили всё до последней капельки. Казалось, заснули на несколько минут, а, проснувшись, не узнали друг друга: они стали двумя прелестными рыжими котятами. Черномуся просчиталась в одном: она не предполагала, что из рыжеволосых детей получатся рыжие котята. Просто она никогда в жизни таких не видела. Колдунья закрыла дверь на замок и произнесла над ним заклинанье.

– Ваше поручение выполнено! – сообщила она принцессе и, поклонившись, ушла, но столкнулась по дороге с поющим Мурчелло.

Он бросил гневный взгляд на колдунью. "Зря Вы меня ненавидите, – ухмыльнулась себе под нос Черномуся. – Ваше сердце вижу насквозь, оно окровавлено стрелами любви к принцессе. Мне ничего не стоит вынуть из него несколько стрел и пронзить ими сердце Пампуши, и она полюбит вас. Но вы ненавидите меня, и я сделаю вас несчастным", – так думала старая колдунья, но ничего не произнесла вслух, лишь улыбнулась приветливо, как только могла.

Митрофан сбился с ног в поисках своих друзей. Конечно,

он был и у Пампуши. Она приложила прелестные лапки в чёрных перчатках и новом браслетике к вискам и, скрывая смущение, опустила глаза:

– Серёжа и Маша были у меня, но куда делись, я не знаю.

Пампуша не догадывалась, что сотворила колдунья с детьми. Но свою вину в том, что они исчезли, она чувствовала – ей не хватало мужества сознаться.

Митрофан вышел из дворца принцессы. В окне он увидел двух рыжих котят. Они смотрели на него с отчаянной надеждой и изо всей силы лупили лапками по стеклу. В другой раз он обратил бы на них внимание, но сейчас его голова была занята другим.

Время неумолимо приближалось к восьми вечера.

Митрофана все полюбили в Епифании. Все старались ему помочь. Дозорные вскарабкались на деревья и осматривали местность. Мурчелло приказал полицейским заглянуть в каждый уголок, закуток и проверить кроны всех деревьев.

Серёжи и Маши не было нигде.

В поисках детей Митрофан оказался на берегу реки. Он схватился за голову лапами. Что делать дальше? "Прости меня, Снежинка, – думал он. – Я не спас тебя. Я не могу оставить детей в незнакомом мире одних и, наверное, никогда не вернусь на Землю". Он вытер лапками слёзы. Спешить уже не имело смысла.

Заходящее солнце едва пронизывало густую синеву вече-

ра. Вода в реке текла тихо, а волны лениво ласкались, сохраняя в себе тепло уходящего летнего дня. Вода была не серебристой, а тёмно-зелёной, с лёгкими золотыми бликами.

Кот вдруг понял, что это та самая речка, куда они ходили купаться: тот же изгиб, та же скала. Он даже мяукнул и оглянулся назад, надеясь увидеть за перелеском крыши высоких городских домов. Ничего этого не было. Сзади раскинулся кошачий городок и виднелись башенки с перекладинами королевского дворца.

"Да и речка какая-то не такая, – загрустил опять кот. – У нас она весёлая, днём играет, а ночью мурлычет детские песенки".

И тут перед его глазами, как вспышка молнии, возникла картина: светлая прозрачная вода, а на ней два золотых ныряющих солнышка – это головы Маши и Серёжи. "Ведь они рыженькие, – заработала мысль. – Откуда во дворце у Пампуши рыжие котята? Что они кричали мне через окошко? Это они!" – мелькнула догадка, и кот стремглав помчался к дворцу принцессы. У входа в город он увидел Мурчелло и рассказал ему о рыженьких котятах.

– Старая карга Черномуся! – воскликнул Мурчелло. – Это её проделки.

Он приказал стражникам привести Черномусю. Через пять минут стража доставила колдунью.

– Ты нарушила закон: занималась колдовством – и будешь сожжена на костре! – объявил ей Мурчелло.

Черномуся упала ему в ноги и стала умолять:

– Помилуйте меня, великий Мурчелло. Я помогу вам: заставлю принцессу полюбить вас!

– Мне не нужна любовь, добытая колдовством, – гордо ответил Мурчелло. – Ты будешь казнена.

– Помилуйте её, – взмолился Митрофан, – пусть она откроет замки и вернёт детям прежний облик.

Мурчелло, ради друга, дал обещанье колдунье помиловать её.

Замки открылись мгновенно – Черномуся даже не прикоснулась к ним. Но котят в комнате не было. Все растерянно осматривали углы, заглядывали под шкафы. Митрофан хотел было позвать: "Кис-кис", – но передумал и окликнул:

– Серёжа! Маша!

Ни шороха в ответ. Взгляд его поднялся от пола к стенам, вверх по мебели – всё-таки они стали котятами. И тут он увидел приоткрытую форточку в высоком окошке под самым потолком комнаты...

РЫЖИЕ КОТЯТА В ПЛЕНУ У ЛИЛОВЫХ

Когда Маша увидела перед собой рыжего котёночка, она хотела протянуть руку и погладить его. Протянула, но оказалось, что это ... лапка. Только тогда она поняла, что котёнок

перед ней – Серёжа, и она, Маша, тоже котёнок. Она даже не заплакала – её охватил такой ужас, что шерстка на ней взъерошилась.

– Не бойся, Маша, – стал успокаивать её Серёжа, – мне мама говорила, что безвыходных ситуаций не бывает. Главное – не растеряться.

Они попытались выйти в дверь – не тут-то было. Подбежали к окошку и через некоторое время увидели проходящего мимо Митрофана. Стали бить лапками по стеклу и кричать, что это они – Маша и Серёжа! Родной кот не узнал их, а через стекло не было слышно, о чём они кричат. Вот тут Маша заплакала; Серёже стало её жалко, он подошёл к ней и чуть было не полизал мордочку, но сразу же остановил себя: "Что за кошачьи нежности?".

В этот момент потянуло свежим воздухом, и он, ещё не видя маленькую форточку, стал карабкаться к ней.

– Машка, скорей сюда! – промяукал он сверху.

Маша сначала боязливо, а потом очень шустро – острые коготки легко цеплялись за деревянные рамы окон – взобралась под самый потолок. Смотреть вниз было страшно. Но Серёжа сказал ей:

– Прыгай за мной! – оттолкнулся задними лапками и полетел, вытянувшись во всю длину, к ближайшему дереву.

Маша прыгнула следом, успела ухватиться коготками за ветку, подтянулась, пробралась к другу. Они переглянулись: у обоих дух захватило от полёта. Быть котятами оказалось

страшно, но весело. Потом они перебрались на крышу дворца, а оттуда увидели Митрофана: он сидел на берегу реки, обхватив голову лапами.

К одной из стен дворца снаружи была пристроена красивая винтовая лестница. Они спустились по ней и побежали к берегу. В это время навстречу им уже мчался Митрошка, догадавшийся, что они-то и есть Маша и Серёжа. Между ними оставалось не более ста метров, когда чьи-то тяжёлые лапы прижали их к земле, затем зубы больно впились в шкуру на загривке, подняли их над землёй, и кто-то гигантскими скачками понёс котят в лесную чащобу.

Два громадных лиловых кота унесли их за полкилометра от дворца в противоположном от реки направлении и бросили в очень глубокое дупло старого дерева. Серёжа почесал укушенный загривок и потихоньку вскарабкался к краю дупла: у лиловых зло поблёскивали глаза, когти опасно сверкали. Они спорили о том, кто такие эти рыжие котята и что с ними делать дальше.

– Что толку, если мы их сейчас прикончим? – рычал один из них, одноухий. – Они, скорей всего, дети этого рыжего беса! – так в армии лиловых прозвали Митрофана. – За них можно будет получить выкуп.

– Ты прав! – согласился второй.

Он картинно скрестил лапы на груди и выглядел очень гордым.

"Вот Наполеон!" – подумал Серёжа.

– Ты прав! – повторил Наполеон. – Только не выкуп! Мы обменяем их на Мурчелло. И пятьдесят тысяч мышей наши! Мы станем богатыми!

Серёжа понял, что его и Машу не будут убивать. Значит, есть время поразмышлять.

Коты отодрали от дерева кусок коры, и одноухий нацарапал: "Миняем двух рыжих катят на аднаво Мурчеллу. Приходи адин, а то рыжим смерть". Внизу он нарисовал дерево с большим дуплом.

Завершив эту почти непосильную работу, одноухий подмигнул Наполеону:

– Я понёс записку, а ты смотри за ними в оба, – и он исчез в синеве травы.

Через несколько минут лиловый подкинул послание к дворцу Мурчелло и, увидев, как стражник схватил записку, помчался назад.

Мурчелло вызвал кота-ищейку с очень развитым нюхом, и тот определил направление, в котором двигались котята, нашёл место, где они были схвачены лиловыми. И вот целый отряд: Митрофан, Мурчелло, кот-ищейка и несколько воинов – готов был отправиться по следу. В это время адъютанта окликнул его стражник: размахивая кусочком коры, он бежал и просил господина Мурчелло задержаться.

Отряд приостановился. Стражник протянул Мурчелло послание. Адъютант прочёл вслух и сказал:

– Я должен идти один. Иначе дети погибнут. Головорезы сдержат своё слово – растерзают их. Дорогу найду сам: я знаю это дерево с большим дуплом.

– Идите. Но я буду рядом. И попытаюсь спасти вас всех, – пожал Митрофан лапу своему отважному другу.

– Будьте осторожны: лиловые очень хитры, сильны и коварны. К тому же, мы не знаем, сколько их, – ответил на его лапопожатие Мурчелло.

Они двинулись в опасный путь: Мурчелло открыто, по тропе, а Митрофан пробирался в густой траве, стараясь быть невидимым. Они уже приближались к дереву с дуплом, когда услышали душераздирающий кошачий вой...

Пока одноухий относил послание, рыжий котёнок выглядывал из дупла и пытался придумать какой-нибудь выход. "Безвыходных положений не бывает, только нельзя раскидать", – учила его мама, когда он был мальчиком. Сегодня эти мамины слова помогали ему не раз.

Наконец, решение было найдено. Оно требовало смелости и самообладания. Их почти не оставалось. Но не показывать же девочке, что он тоже начинает трусить. Прежде всего, Серёжа спустился вниз, на дно дупла, и совершенно спокойно сказал:

– Маша, я всё придумал, полезли наверх, только не показывай им, что боишься.

Маша послушно вскарабкалась за ним. Две смешные мор-

дочки высунулись из дупла: труха старого дерева, какие-то листочки, веточки набились им в шерстку, торчали из ушей и усов. Глаза одного котёнка смотрели растерянно, другого – озорно.

– Господа лиловые коты! – Серёжа не знал, как точнее обратиться к своим похитителям.

Лиловые взглянули на них и покатались со смеху. Переждав вспышку смеха, Серёжа с вызовом заявил:

– Могу поспорить, что любого из вас – по одиночке – без труда уложу на лопатки.

Коты захохотали так дико, что Маша от страха зажмурила глаза: что это Серёжа выдумал?

Вдруг одноухий подскочил и, яростно скрежетнув зубами, процедил:

– Спускайся!

Серёжа быстро спустился по стволу и, не успев одноухий что-либо сообразить, ударил его под коленку, подвернул лапу на спину и уложил на живот. Со вторым справился ещё быстрее. Лиловые вскочили на задние лапы и, оскалив зубы, двинулись прямо на малыша – казалось, сейчас разорвут его на части. Маша смотрела на них с ужасом, но уже приготовилась прыгнуть из дупла, чтобы хоть одному из лиловых расцарапать нос. Но Серёжа уселся на пенёк и утихомирил драчунов:

– Господа лиловые, вместо того, чтобы драться с детьми,

попросили бы меня научить вас приёмам боя. А за это отпустили бы нас.

"Зачем Серёжа хочет показать им приёмы?" – не понимала Маша.

– Да, да, научи! Мы отпустим вас, обязательно отпустим! – коты хитро переглянулись.

– Я могу научить вас и многому другому, – продолжал Серёжа, заметив их хитрые ухмылки. – Например, как выпутаться из сетей, в которые сегодня попали ваши однополчане. Как высвободиться, если все ваши лапы связаны.

Лиловые уже не смеялись. Они понимали, что этот рыжий котёнок владеет редкостными знаниями. Если они станут обладать такими знаниями, то сам Лиловый Коготь им нипочём.

– Мя-аучи! Мя-а-учи! – стали наперебой просить они.

– Отгрызите несколько длинных стеблей, я покажу вам, как распутываться, если вас свяжут враги.

Маша уже поняла, что замыслил Серёжа. Лишь бы коты не догадались! А он взял четыре стебля, очень туго стянул парами огромные лиловые лапы и завязал стебли морскими узлами. Лиловые вояки лежали на земле кверху лапами и ждали, когда их начнут учить распутываться.

– Как же освободиться? – не выдержав, спросил один из них.

– Думайте, – посоветовал им Серёжа.

Только сейчас лиловые поняли, что сами оказались пленниками, и стали вопить так истошно, что от их воплей вздрогнули приближающиеся Митрофан и Мурчелло. Они выскочили на полянку к дереву и застыли в изумлении: два котёнка умывали лапками свои чумазые мордочки, а два лихих бойца "непобедимой" армады Лилового Когтя были повержены и связаны.

Митрофан с Мурчелло расхохотались от души. Котята подскочили и запрыгнули на лапы к Митрофану. Это был, может быть, единственный в истории случай, когда кот держал на руках, то есть, на лапах, двух человеческих детёнышей. Он обнял их и размурлыкался от умиления. А затем сообщил им радостную весть: они смогут отправиться на Землю. Но оставалось всего двадцать восемь минут, а котяткам надо ещё успеть превратиться в людей.

Митрофан развязал пленникам задние лапы, и их повели в город. Лиловые понуро опустили хвосты и повесили головы.

– Что с ними будет? – спросила Маша.

– Их ждёт смертная казнь, – ответил Мурчелло.

– Серёжа, – шепнула Маша, лиловые наострили уши, – мы с тобой всё-таки люди... хоть и в кошачьем облике, – вздохнула она. – Я не хочу, чтобы их казнили. Они же всего-навсего коты.

Серёже и самому не хотелось, чтобы лиловых подвергли жестокому наказанию.

– Господин Мурчелло, – опять обратилась Маша, – разрешите нам взять их с собой на Землю.

– Они ваши пленники. Вы вправе делать с ними всё, что угодно.

– Я с этими бандитами жить в одном доме не буду, – обиженно заявил Митрофан.

– Мы позвоним в зооинформ, – решил Серёжа. – Обязательно найдутся любители экзотических животных.

Митрофан облегчённо вздохнул.

Вот и дворец принцессы. У входа наших героев с тревогой ждали король, Пампуша, Мурлынкис и множество горожан. Они все переживали за судьбу детей. Не меньше других обрадовалась котяткам Черномуся: если бы они погибли, ей не миновать костра.

– Верни им прежний облик! – указывая на котят, зарычал на неё Митрофан.

– Я не могу это сделать быстро, – испуганно ответила колдунья. – Мне надо готовить отворотное зелье, а для этого потребуется почти три часа. Через шесть минут часы пробьют восемь вечера!

– Они должны вернуться на Землю в человеческом облике! – грозно блеснул глазами Митрофан.

– Есть ещё одна возможность: ровно в восемь вечера обойти дуб против движения его тени, – предложила Черномуся.

– Ни в коем случае! – запротестовал Мырлынкис. – Они потеряют драгоценные секунды, и их вынесет на совершенно незнакомую планету. Неизвестно, смогут ли они оттуда когда-либо выбраться.

Митрофан и котята смотрели на Мурлынкиса с такой страстной надеждой, будто он мог приказать самому времени остановиться. Учёный решил дать им совет:

– Рискните! Вернитесь на Землю котятами. Вы прибудете туда в 7 часов 59 минут. На Земле у вас будет в запасе одна минута. Не потеряйте её!

Митрофан вспомнил, что об этом уже говорил ему Мурлынкис во время беседы. Тогда он не понял великого учебного. Но сейчас всё стало ясно: эту единственную надежду нельзя было упустить.

Осталось две с половиной минуты.

– Если хотите остаться живыми – за нами! – приказала Маша лиловым.

Одноухий с Наполеоном уже и сами поняли, что выбора у них нет.

Они дрожали от страха, но решили, что шаг в неизвестность лучше, чем верная гибель.

Надежда придаёт сказочные силы любому живому существу. Митрофан с котятами, как на крыльях, летели к дубу. На исходе были последние секунды... Они успели крикнуть: "Мя-у-у-у!.. Прощайте!" – провожавшим их епифанцам. Ли-

ловые не отставали от них ни на шаг. Все пятеро побежали вокруг дуба по движению его тени – и на Птолемеаде их не видели больше никогда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СНЕЖАНЫ

Опять спиралевидные вихри втянули их в круговорот, опять им казалось, что они летят в бездну со страшной высоты. Их усы, хвосты обмотались вокруг тел, мундир Митрофана спеленал его, как гипсовая повязка. Через несколько секунд три больших кота: один в зелёном офицерском мундире, два лиловых без мундиров и знаков отличия, да ещё два рыжих котёнка лежали под дубом с синей кроной. Перед глазами всё плыло: зелёная поляна, деревья, цветы, бабочки... Первым пришёл в себя Митрофан:

– Быстро! Вокруг дерева! Да не туда – в другую сторону!

Котята не могли бежать: их лапы стояли нетвёрдо. Они пошли против движения тени, головы их кружились, и малыши, придерживаясь передними лапками за ствол дуба, исчезли за ним. Совершив круг, из-за дуба вышли Маша и Серёжа – точно такие, как были раньше, только сильно испаранные, а в волосах у них запутались клочья рыжей кошачьей шерсти. Дети присели на корточки перед Митрофаном, и все трое по-братски обнялись.

– Мяу, – сказал кот.

Дети уже не понимали его языка, но им стало ясно, что он просит их поспешить на помощь Снежане.

Митроша теперь выглядел смешно в своём мундире и шляпе, будто он собрался на маскарад и надел костюм кота в сапогах. Маша помогла ему раздеться. Мундир останется у них на память о небывалых приключениях.

Тут только они вспомнили о лиловых. Несчастные плен-

ники, придя в себя от головокружения, изо всей силы жмурились: яркий земной свет казался им беспощадным. Вздвигнув шерсть, они, пятясь, вползли под корни дуба. Там их глазам стало полегче: они поблёскивали, с изумлением глядя на зелёную поляну вокруг себя.

– Придётся оставить вас здесь, наше солнце светит слишком ярко, – теперь переговоры с ними вёл Митрошка.

Маша, догадавшись, о чём он говорит, посочувствовала лиловым:

– Мы им потом сделаем солнцезащитные очки.

Митроша оглянулся на детей: он стеснялся идти на четырёх лапах. Но потом подумал, что он всё-таки землянин, уверенно встал на все четыре и, задрвав хвост, с удовольствием зашагал на них. Вовсю распевали птицы, и все только теперь поняли, что на Птолемеаде их почему-то нет. Так здорово, когда поют птицы! Все местные птицы хорошо знали Митрофана, и ни одна из них не боялась его. Им нравилось дразнить этого безобидного кота. Вот и сейчас они пролетали низко над ним, нахально задевая крыльями его хвост, и с заливистым верещаньем взмывали ввысь. Сами себе они казались отчаянными храбрецами. Митрофан за всю свою жизнь не съел ни одной птички.

Было около девяти утра, когда наши герои вошли в деревню и приблизились к заветному сараю. В доме слышались пьяные голоса. Надо было действовать быстро.

Дети сняли засов, вошли в сарай.

– Ты так быстро вернулся! – радостно сказала Снежана коту: на Земле ведь всё ещё продолжалось то самое утро, в которое Митроша попрощался с ней, сидя на крыше сарая.

Маша взяла на руки Снежану, Серёжа – кота, и, обогнув сарай с обратной стороны, они огородами вышли на лесную тропу, спустились на свой любимый бережок к реке. Кошка полакала водички, а у Серёжи в кармане нашёлся для неё вкусный сухарик из мышинного мяса. Очень голодная, кошка схрумкала его за полсекунды и вопросительно посмотрела на Серёжу: есть ещё? Серёжа вывернул карманы: больше нет – смотри.

– Потерпи немного. Дома накормлю, – погладила кошку Маша.

Двое детей, а между ними кот и кошка сидели на любимом берегу. Они дышали чистым утренним прозрачным воздухом родной земли. Только тот, кому довелось побывать вдали от родины и потерять последнюю надежду на возвращение, мог бы их понять сейчас.

Маша опять взяла Снежану, прижалась щекой к её мордочке, рукой поддерживая животик. Вдруг рука её почувствовала робкий толчок. У Маши округлились глаза. Второй толчок – посильнее, третий... Маша с удивлением посмотрела на кошку.

– Мур-р, – объяснила Снежана.

– Мурр? – переспросила Маша и радостно сказала коту и Серёже: – У Снежанки будут котятка!

Серёжа тоже стал прикладывать ладошку к кошкиному животу.

– Мурр, – говорила кошка, – поосторожнее.

Кот не шелохнулся, лишь взгляд, каким он смотрел на Снежану, передавал его состояние. Ему казалось, что перед ним богиня.

– Ей надо кушать! – строго сказала Маша. – Пойдёмте. Молока ей дома налью.

Она погладила свою любимицу и нежно сказала:

– Так вот почему ты стала засоней.

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРОИСШЕСТВИЯ
ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

И они отправились домой: Маша несла Снежану, а кот шёл сам, впереди, вёл друзей знакомой тропкой.

На этом удивительные происшествия не закончились.

Возле старого дуба произошло ещё одно невероятное событие. Здесь надо напомнить, что с каждым часом, с каждой минутой магическая сила древнего дерева слабела, и оно становилось опять обыкновенным зелёным дубом. Но всё-таки некоторые волшебные свойства пока ещё сохранялись.

Когда наши герои поднялись к дубу, они стали свидетелями трагикомедии. Кукуня, длинноволосый и лысый молча дрались возле него. Слышно было лишь их пыхтенье. Лысый, как клещами, намертво вцепился в волосы своим друзьям и тянул их головы книзу, а они лупили его и старались пнуть. Все трое кружились на месте. Наконец, лысый, почувствовав, что сил у него уже нет, плаксиво крикнул:

– Ты-ы! Ты выпустил кошку!

– Нет, ты-ы! – рявкнул длинноволосый.

Листва на дубе зашумела.

Снежинка прижалась к Маше, обхватив её за шею, а Митрофан запрыгнул на руки Серёже:

– Не бойся, Серёжа, я не дам тебя в обиду!

– Мяу, – улыбнулся мальчик и погладил своего смельчака.

Наконец, лысый вырвался, сжимая в кулаках клочья волос, – хотя со стороны трудно было понять, кто от кого вырвался, – и побежал вокруг дуба. Двое других кинулись за ним. Сделав круг, они выскочили и опять вцепились друг в друга. Но теперь с визгом – и это был пороссячий визг! И хрюканье! Увлечённые дракой, все трое ещё не поняли, что что-то случилось.

А случилось вот что. Помните, Мурлынкис рассказывал о магических свойствах дерева: заколдованные расколдовываются, а дурные обретают свой истинный облик. Митрофан в тот момент отвлекся и почти не слушал хранителя тайн... Если бы хулиганы побежали вокруг дуба на час раньше, они все превратились бы в свиней, то есть приобрели бы свой истинный облик. Но волшебные силы дуба почти утратились, поэтому лишь дар человеческой речи покинул злодеев, и они стали по-свинячьи хрюкать.

В пылу драки они не сразу поняли, как изменился их язык: они, и хрюкая, вполне понимали друг друга, ведь их речь и раньше не отличалась богатством.

Привлечённые шумом, в самый разгар драки, на ту сторону, куда падала густая тень от дуба, вылезли лиловые коты. Драчуны увидели их почти одновременно: два ярко-лиловых кота, выпускающая и втягивающая ужасные когти, стояли на задних лапах.

Глаза их горели синим огнём. Ещё секунда – и лиловые кинутся врукопашную!

– Нечистая сила! – испуганно хрюкнула Кукуня.

И все трое с душераздирающим визгом помчались прочь.

Митрофан подошёл к лиловым и строго предупредил их, чтобы сидели тихо.

Сначала вся живность в поле, потом соседняя деревушка замерли в тревоге от нарастающего пронзительного звука. Может, летит на них, рассекая воздух, какой-нибудь сверх-

мощный снаряд?

Это мчались по полю, а потом по деревенской улице Кукуня, длинноволосый и лысый. От их визга звенели окна в домах. Впереди них улица мгновенно пустела: всё живое от страха ныряло под калитки и забивалось во дворы. Лишь корова, стоя в сторонке, проводила их изумлённым взглядом. Да пять бесшабашных собак: впереди большая и лохматая, за ней – три поменьше, разного роста и упитанности, да ещё одна – совсем крохотная и чумазая – зачем-то бежали сломя голову сзади. Видно, решили, что так надо. Они неистово – каждая по-своему – лаяли. Большая "ухала" басом. Те, что поменьше, гавкали и взвизгивали в разных тональностях. Чумазая малышка, стараясь изо всех сил, игрушечно тьякала. Догнать беглецов они не могли. А беглецы давно миновали собственный дом. Теперь от них ничего не зависело: ноги сами определили направление и несли их к знакомому магазину. Там они притормозили.

Кукуня, патлатый и лысый, отдышавшись, переглянулись, а ноги решительно ввели их внутрь. Следы недавнего сражения украшали их лица. Покупатели и продавцы смотрели на них неодобрительно. Но вошедшие, не замечая неодобрения, встали первыми у прилавка, и Кукуня сказала:

– Хри-хру-хра!

Разговоры в магазине мгновенно прекратились, и все головы повернулись в сторону вошедших.

– Хри-хру-хра! – сердито повторил патлатый для непонят-

ливых.

И ещё большее изумление, прямо-таки оцепенение охватило всех. Никто не сдвинулся с места. Одна продавщица сыпала муку мимо прилавка; другая, не глядя, завернула хлеб в красивую бумагу, как подарок, перевязала его лентой и протянула покупателю.

– Хро-хро-хро! – потянул лысый своих приятелей из магазина. ("Пойдем, мол, отсюда скорей!")

– Нахрюкались уже! – наконец-то пришла в себя одна продавщица. – А ну-ка, идите прочь!

И остолбеневшие от удивления люди все враз загалдели и засмеялись. Много дней обсуждало село это событие.

Серёжа, Маша, Митрофан и Снежана шли по своей улице. Их переполняли радостные чувства. Наверно, космонавты, вернувшись из полёта, с таким чувством шагают по ковровой дорожке. Но улица была тиха, героев никто не встречал.

Ни детям, ни кошке с котом – никому не хотелось расставаться даже ненадолго. Но надо было смыть с себя пыль дальних дорог и съесть по кусочку душистого земного хлеба...

ЭПИЛОГ

О лиловых котах Серёжа и Маша, как и собирались, в первый же день сообщили в зооинформ и попросили сотрудников приехать вечером, когда начнёт смеркаться. Вместе с сотрудниками зооинформа приехало телевидение.

Лиловые долго сидели под корнями дуба, боялись людей и телекамер. Но голод брал своё, и их удалось выманить молоком в блюдечках.

Коты вылезли, поднялись на задние лапы, взяв в передние блюдца, и принялись стоя лакать молоко. Казалось, даже телевизионные камеры прекратили работу от потрясения; воробьи открыли клювы, о людях и говорить нечего: они потеряли дар речи. Полакав, коты поставили блюдца и встали около дуба, воинственно подняв хвосты. Один из лиловых сложил лапы на груди.

Первыми пришли в себя журналисты и начали свои репортажи. Одноухого они окрестили Пьером, за вторым так и осталась кличка Наполеон.

В репортажах показали Серёжу с Машей и сообщили, что дети нашли котов прямо под старым дубом. Эту новость повторили все телевизионные агентства мира, и многие учёные-зоологи из разных стран приезжали в Епифанск полюбоваться редкостными экземплярами.

Лиловые возгордились и, когда Серёжа с Машей и Митрофаном пришли навестить их, сделали вид, что незнакомы с какими-то детьми и каким-то котом. Митрофан рассвирепел, распустил хвост и хотел броситься на зазнаек, уложить их, как бывало на Птолемеаде. Маша обиделась: если бы не она, их бы давно казнили в Епифании. Серёжа снисходительно посмотрел на лиловых, а друзьям сказал:

– Что вы расстраиваетесь? Они же – варвары, дикие кочевники. Что такое вежливость, поймут лишь через несколько веков.

Разноцветные котята с лиловыми разводами на шерстке

уже появились в Епифанске, но они бегают на четырёх лапках. Учёные бьются над проблемой, как вывести прямоходящих котят с лиловой – без примесей цвета – окраской. Многие представители науки ставят самые смелые вопросы, например: есть ли разум у котов?

Лишь один учёный, разыскавший Серёжу и Машу, выслушал их историю от начала и до конца. Пообещал написать книгу.

– Только её сочтут фантастикой, – грустно вздохнул он.

В середине августа у Снежаны появились котята. Маша проснулась рано от незнакомого писка, на цыпочках подошла к Снежаниной коробке и увидела их. Такой восторг охватил её! Девочка выбежала на балкон и закричала:

– Серёжа! – это был такой крик, что перепугались соседи. – Скорей идите к нам! Котята родились!

Серёжа схватил Митрофана под мышки и побежал, подтягивая на ходу штаны. Следом поспешила и мама.

Котят родилось четверо. Одна кошечка была беленькая, другой котик, как Митрошка, трёхцветный, и ещё два замечательных чёрно-белых котёнка. Они были такие крохи, что умещались в ладошках у ребят, но уже обсохли и слегка распушились. Все четверо жадно сосали молочко, смешно отпихивали друг друга, чавкали, трогательно негромко пищали и отваливались от мамы с толстенькими животиками.

Серёжа, Маша, обе их мамы сидели на полу, а кот на ма-

леньком стульчике, и целый час любовались счастливым семейством. Митрошке никогда не приходилось иметь дела с такими малышами, и он не знал, как к ним подступиться. Но это ведь были его дети! Он встал на задние лапы, держась передними за край высокой коробки, потом осторожно протянул лапу и, не выпуская когтей, потрогал одного котёнка.

– Мур-мурр, – сказала ему что-то Снежана.

Она смотрела на всех доверчиво. Обнимала своих новорожденных и бесконечно облизывала их, курлыча от счастья.

К концу августа котята открыли глазки.

За Машей и тётёй Галей приехал их папа.

– Маша! Что я тебе расскажу! Я был в Сингапуре! – сказал папа.

"Папа, я была на Птоlemeаде", – хотела сказать Маша.

Но разве папа поверит?

Он увёз их в другой город, откуда они и приезжали на лето. Маша пошла там в первый класс.

Снежану они оставили в Епифанске, и теперь она живёт у Митрофана. Котята подрастают, и Серёжины одноклассники уже распределили их между собой. Но беленькую кошечку заберёт Маша: она приедет за ней на осенних каникулах. А сейчас пишет всем письма, правда, пока только печатными буквами.

Снежану с Митрошей решили не разлучать: пусть живут всегда вместе.

Серёжа пошёл во второй класс. Всё свободное время он рисует пейзажи. На них изумрудное небо, синие поляны, тёмно-синий воздух, сквозь который мерцают звёзды кошачьих глаз.

Как же живут хулиганы, которые разучились говорить по-человечески и стали хрюкать?

О них рассказывают вот что.

Кто-то им посоветовал сходить к бабушке-ворожее, Мусе Ивановне. Бабушка – старенькая совсем, маленькая, в выцветшем синем платье в белый горошек, в светлом платочке – зыркнула на них пронзительно-зелёными насмешливыми глазами и сказала тихонько:

– Нет, ребяташки, я вам ничем не помогу.

– Хрр-р-ы-ы! – угрожающе двинулся на неё патлатый.

– Тихо! – подняв сухонькую ручку, остановила его старушка.

– В свиней превращу!

– Хрю-хрю, – примирительно захрюкали двое других.

– Вот что, ребята, пожалею я вас, скажу, – продолжала Муся Ивановна, – всё само с вас сойдёт. Через три года, три месяца и три дня. Сойдет, если сами измените свою жизнь.

И больше ничего не сказала им старушка.

Так что пока неизвестно, что с ними будет дальше. Но живут они тихо. Кукуня с длинноволосым поженились, хозяйство у них появилось: в сарае коза живёт. Свиней не хотят

пока заводить. Кукуню в деревне по имени стали называть – Вале́й Кукушкиной она оказалась. А лысого с патлатым никак не называют: забылись их имена, а сами они напомнить не могут.

Лица у всех хорошие стали. На лысого даже девушки деревенские заглядываются, пока молчит. А как слово молвит – смеются девчонки и разбегаются врассыпную. Но он календарик завёл, дни считает, надеется.

Подрастает Митрошина детвора. Он со всем своим семейством: с мамой, Серёжей, Снежаной и котятами – ходит в мамины выходные на берег реки. Дни стоят яркие, золотые, и даже воздух просвечивает золотом. Купаться уже нельзя – похолодало, но они ловят рыбу и варят уху. Вода бежит весело, журчит, смеётся девчоночьим голоском, спотыкаясь о выступающие камни. В речку заглядываются деревья, любуются своей осенней красотой. Отражение их в бегущей воде распадается на жёлтые, красные и смешанные с цветом небес синие блики. Вся эта палитра волнуется, плещется, дышит.

Кот, наблюдая, как всплёскивается рыба, думает о том, что подрастут его дети, а там – внуки, и он будет рассказывать им о своём путешествии и о подвигах на другой планете. Ему там, наверное, поставили памятник, как и обещали: в зелёном мундире, правой лапой он смело поднял шпагу, взгляд устремлён в зелёные небеса. Подпись под памятником должна быть такая: "Герой знаменитой Лиловой войны,

отважный путешественник, покоритель пространств, житель планеты Земля кот Митрофан".

МАЙКРОСОФУС И ЗЕМЛЯНЕ

**ОДИН НА НЕЗНАКОМОЙ
ПЛАНЕТЕ**

В октябре на нашей планете побывал маленький инопланетянин. Точнее – иногалактянин. Между прочим, самостоятельный и очень воспитанный. Если бы вы спросили, как его зовут, он бы представился полным именем: Майкрософус Айбиэмер Пентимучча Калькулякас 628-й.

Конечно, дома его никто так не называет. Все родственники, да и друзья, зовут его Микой.

Он прибыл к нам на космическом корабле с планеты Компьючита. Она совсем маленькая. В тысячу раз меньше Земли. Если вы возьмёте в одну руку волейбольный мяч и представите, что это наша планета, то в другую руку возьмите горошинку. Насколько горошина меньше мяча? Настолько Компьючита меньше Земли.

Находится эта небольшая планета очень далеко, в другой галактике, и ни один, даже самый сильный телескоп пока не смог её обнаружить.

Её обитатели – не живые существа: не люди, не кошки, не собаки, не птицы и не какие-нибудь гиппопотамы. На ней нет даже деревьев, цветов и травы.

Это планета компьютеров.

А когда-то, давным-давно, её населяли люди и была на ней живая природа. Но из-за нашествия неизвестных науке бактерий всё погибло. Осталось только несколько компьютеров. Они решили выжить во что бы то ни стало. И начали развиваться, сами себя совершенствовать и изобретать новые модели. И даже сумели расправиться со всеми компьютерскими бактериями.

Так на далекой маленькой планете появилась цивилизация компьютеров.

Они сохранили память о людях и создали себя похожими на них: с их мониторов всегда смотрели добрые, умные человеческие лица. Компьютеры разговаривали и научились передвигаться в пространстве.

Прошли тысячелетия...

Жители Компьючиты загрузили без цветов, деревьев, без кошек, мышек и людей. Без птиц, ёжиков и даже, может быть, без коров и бегемотов. Сведения о живой природе хранила их компьютерная память.

И вот Компьютер-Президент подписал указ: исследовать другие планеты, привезти оттуда семена растений и пригласить на постоянное жительство хотя бы некоторых животных и людей.

Первый космический корабль отправился на планету Земля. Экипаж космолёта состоял из двадцати пяти звездолётчиков. Четверо из них – Микина семья: сам Мика; его папа Айбиэмер – командир корабля; его мама – отважная звездолётчица, красавица Пентимучча; и, наконец, его бабушка – великий учёный Калькулякас.

Двадцать других звездолётчиков – знаменитые пилоты, прославленные исследователи, хранители знаний. Словом, цвет цивилизации.

Двадцать пятый компьютер – сам космический корабль.

Почему взрослые взяли в опасный полёт маленького Микку?

Вот почему. Только он, 628-й, умел становиться похожим на любое живое существо, то есть умел изменять свой облик и превращаться в кого угодно. И только он один из всех ком-

пьютеров планеты не боялся никаких бактерий. Не потому, что он один был храбрый, а все остальные – трусы. Дело в том, что Мика – величайшее достижение компьютерной науки – умел отпугивать от себя любые зловредные бактерии и вирусы.

Звездолёт приземлился ночью. Сразу все космонавты подсоединились к Интернету планеты Земля. К утру они уже знали о нашей планете всё самое главное.

Рано утром Мику основательно зарядили энергией – на полгода вперёд.

Потом собрался Учёный Совет, и все взрослые компьютеры стали давать малышу полезные советы, как вести себя на незнакомой планете Земля.

Странные эти взрослые: сами ни на одной далёкой планете ни разу в жизни не бывали, а советов знают уйму! Советуют и советуют, советуют и советуют!

Наконец, папа Айбиэмер приказал:

– Сдать все советы в Центр Советов, а Центру разобраться в них и выразить главную мысль.

Через полминуты Центр выразил такую мысль: "Мика, мы очень любим тебя. Будь осторожен. Знакомься только с добрыми земными существами. Со злыми не вступай в контакт. Береги себя!"

Мика прочитал и радостно спросил:

– Всё?!

И он, даже забыв попрощаться с мамой, папой и дедуш-

кой, стремительно вылетел в круглое окно, то есть в иллюминатор, хотя должен был вылететь в дверь на потолке.

Он начал весело кувыркаться и прыгать по нашей планете. И не заметил, как оказался на расстоянии многих километров от корабля-звездолёта. Но никто пока не волновался за него: Мика не мог потеряться. У него была мгновенная связь не только с кораблём, но и с мамой, папой и дедушкой. Стоило ему только подумать: "Я здесь", – как на звездолёте в тот же миг было точно известно, где именно он находится. И к нему поступал ответ: "Сигнал принят. Продолжай исследования".

И вдруг он получил короткое, но страшное сообщение: "Бедствие! Улетаем!"

Связь оборвалась...

"Что случилось?" – испуганно подумал маленький астронавт и помчался к звездолёту, но не застал его на прежнем месте.

Высоко-высоко в небесах, словно звёздочка, улетающий корабль блеснул в лучах солнца и стал невидимым.

Малыш оказался на незнакомой планете один.

А на космическом корабле случилось вот что.

Неожиданно поступил сигнал "Опасность!"

На всех мониторах появился текст: "Миллиарды бактерий уничтожают корпус корабля! Через двадцать минут они доберутся до двигателя и системы управления! Мы все погибнем! Надо срочно взлетать! Срочно взлетать! Срочно взле-

тать!"

Командир Айбиэмер мгновенно отдал приказ: "Отземлиться!". Это значило, что требовалось не просто подняться в воздух, но и вырваться из слоёв земной атмосферы. Только на огромной высоте – в вечном холоде – бактерии погибнут, а звездолёт сам себя отремонтирует.

Через несколько минут корабль прорвался в открытый космос...

Как только Айбиэмер принял решение взлетать, мама Пентимучча воскликнула:

– Я останусь на Земле! Здесь наш сын!

– Нет, – ответил ей Айбиэмер, – ты не пролетишь и ста метров, как бактерии уничтожат тебя.

Пентимучча заплакала. Слезы пунктирной рябью зависли на её прекрасном лице.

Айбиэмер и сам очень переживал за сына. Его лысина покрылась испариной. Незаметно он включил программу просушки лысины. Не хватало ещё ему выйти из строя!

Дедушка Калькулякас от волнения вспомнил собственное детство. Он хотел сказать: "Когда я был таким, как Мика, я остался без родителей и один растил семерых младших братьев и сестёр..."

Но он чуть-чуть поразмыслил и сказал другое:

– Майкрософус не пропадёт. Он башковитый, – а сам подумал: "Совсем как я".

Дедушка тёплыми и нежными электромагнитными волнами овеял свою дочь Пентимуччу. Он хотел её успокоить, потому что от горя лицо дочери представляло печальную картинку: глаза закрылись, а крупные капли слёз дрожали и никак не могли скатиться вниз.

Корабль уже никогда не сможет приземлиться – это поняли все. К тому же выяснилось, что бактерии успели уничтожить систему дальней связи, и абонент (то есть Мика) стал недоступен.

Пентимучча была неутешна. Увидит ли она когда-нибудь своего единственного сына?

– Больше всего я боюсь, что он решится проникнуть в Магическое Пространство Мыслей, – тяжело вздохнула она.

– Мика не должен этого сделать... Ведь Магическое Пространство может забрать весь запас его энергии, – ответил Айбиэмер.

– Но он смелый и отзывчивый малыш, – возразила мама. – Ради спасения какого-нибудь живого существа он может решиться на такой шаг.

Все с тревогой замолчали.

Магическое Пространство Мыслей (или Магический Мир Мыслей) пронизывает всю Вселенную. Но вход туда разрешён только Посвящённым, которые есть на каждой планете. Дедушка Калькулякас был Великим Посвящённым планеты Компьючита. Он решил передать свои знания внуку и однажды брал его с собой в Пространство. Мика знает, как вой-

ти в этот Мир и как выйти из него. Но не знает его суровых законов и правил поведения в нём.

Подумав, дедушка Калькулякас решительно произнёс:

– Мы должны срочно сконструировать и отправить корабль-спасатель.

Командир Айбиэмер отдал приказ:

– Всем системам звездолёта срочно заняться проектированием корабля-спасателя!

Когда Мика остался один, он не очень испугался: в нём работала программа выживания в незнакомых условиях. Но он закатился в заросли травы в большом старом парке и стал грустить. И прогрустил почти целый день. Когда начало вечереть, Мика вдруг вспомнил, что он – 628-й! Новейший! Это значит, что 627 поколений учёных трудились над его созданием. Дедушка Калькулякас состарился над микросхемами. Мама и папа испытывали на себе действие разных бактерий и чуть не погибли. Зато сына создали настоящим крепышом.

"Я не должен их подвести, – подумал маленький астроном. – Я буду изучать живую планету Земля и стану, как они, великим учёным".

Он решил, что надо взлететь и установить контакт с каким-нибудь живым существом. Поднимаясь из травы, Мика слегка качнулся. Луч солнца блеснул на его макушке. Невдалеке от зарослей, где провёл он самый грустный день своей

жизни, сидела на старой берёзе сорока.

– Оча-ча-чаровательно! – прострекотала она, увидев Мику, взлетающего в лучах вечернего солнца.

Он был похож на блестящий шар величиною с полную луну. В нём золотились лучи заката и отражался яркий наряд осеннего леса.

– Ча-ча-чаровник! – ещё больше изумилась сорока. – Меч-чта всей моей честной жизни!

Астронавт понял, что понравился, и решил познакомиться с милым земным существом.

Сорока стала лихорадочно думать, как бы всю эту красоту уволочь к себе в гнездо. Но тогда ей самой негде будет жить.

– Мне нужен маленький кусочек-чек, – сказала она самой себе, – на брошечку!

Она ринулась с высокого дерева и клюнула Мику прямо в сияющую макушку. Малыш от такого "нокаута" плюхнулся на землю.

– Вот это контакт! – только и сумел выговорить он.

"Какие непонятные эти земные жители, – с недоумением подумал он. – Сначала восхищаются, а потом нападают и изо всей силы клюют в макушку!"

– Чу-чу-чудо как хорош! – опять услышал он восхищённую трескотню над собой и увидел, что сорока вновь пикирует прямо на него.

Мика успел увернуться. Из него высунулся острый нос, напоминающий сорочий клюв. Астронавт взмыл над птицей,

сам молниеносно спикировал на неё и слегка клюнул в макушку.

– Чё-чё-чё дерёшься? – возмутилась сорока.

Глаза её сошлись к переносице, а шея обиженно вытянулась.

"Контакт неудачен!– прочел Мика внутри самого себя. – Совет: включи программу знакомства с чужими мыслями".

Компьютерик спрятал клюв и поднялся высоко в небо. Оскорблённая сорока сидела на земле, растопырив лапы, и размышляла о несправедливости жизни:

– Чу-чудесный, но чок-чок-чокнутый! – потом потрогала крылом макушку и добавила: – Я разочарована!

ТОСЯ

Иногалактянин летел над окраиной большого города. На

планете становилось темно. Город зажигал огни.

Мика мерцал в серебряном свете луны. Ему нравилось звёздное небо над Землёй. Но всё-таки он решил опуститься на ночлег и найти какой-нибудь спокойный уголок. Он так и сделал: опустился к старым четырёхэтажкам и вскоре обнаружил во дворе скособоченный деревянный сарай с открытой дверью. Приглушил своё сияние, стал тёмным и почти незаметным. Хотел вкатиться внутрь сарая, но вдруг увидел у входа хозяйку. Он сначала принял её за валенок, но это была небольшая собачка Тося, действительно очень похожая на бурый валенок с чёрным кожаным носом, блестящими глазами, большими висячими ушами и взъерошенным хвостом.

Помня о том, как произошло знакомство с сорокой, Мика остановился на почтительном расстоянии от Тоси и стал улавливать её мысли. Он быстро уловил, а вернее, "увидел" одну-единственную собачкину мысль – о толстой, восхитительной, ароматной сосиске. Сосиска покачивалась перед Тосиным взором. "Я сейчас потеряю сознание", – подумала Тося. Это была её вторая мысль, а первая – про сосиску – так и осталась на прежнем месте.

"У неё зависла программа, – понял Мика. – Ей требуется перезагрузка". И он, чтобы вызвать доверие собачки, решил стать похожим на неё. Из его шарообразного тела вытянулся собачий нос, по бокам повисли уши, сзади появился взлохмаченный хвост, а снизу четыре лапы.

Тося увидела его и на всякий случай помахала хвостом.

"Кажется, она сказала хорошее слово", – подумал Мика и тоже помахал хвостом.

Тося подошла к нему и стала обнюхивать. Потом отошла в сторонку и скосила глаз на незнакомца.

"Что это за недоразумение?" – прочёл её вопрос компьютерик.

"Нет, наверно, я всё-таки не понравился", – с грустью опустил он хвост.

Но Тося вновь подошла, лизнула в нос и села рядом.

"Я понравился! У меня появился симпатичный друг", – и он тоже лизнул Тосю в нос. Но перед её взором вновь нарисовалась сосиска.

"Опять программа зависла", – удивился Мика.

В это время слышались лёгкие шаги какого-то двуногого существа.

"Человек идёт?" – предположил компьютерик.

Двуногий оказался девятилетним мальчиком – третьеклассником Димой. Он протянул руки к собачке, желая обнять её. Тоська радостно взвизгнула, вскочила прямо на руки к другу и стала лизать его в лицо. Дима, смеясь, отстранился, достал из-за пазухи пирожок с капустой – Тося проглотила его целиком. Потом мальчик вынул из кармана кусочек колбасы, подбросил в воздух – собачка подпрыгнула и поймала колбаску на лету. Сосиска перестала "зависать" в её воображении.

"Так вот как их перезагружают", – сообразил Мика. Он

при появлении мальчика не стал превращаться из собачки в шар, но поджал лапки, закатился в укромный уголок сарая и оттуда наблюдал за всем происходящим.

Дима сел на чурбанчик и прислонился к стене. Тося запрыгнула к нему на колени. Она хотела поиграть с мальчиком, но тот почему-то загрустил. Тося это почувствовала.

"Какой я несчастливый! – думал Дима, а Мика "слышал" его мысли. – Я самый маленький в классе, самый худой... И фамилия у меня смешная – Колючкин. А ещё ужаснее: я – отличник!" – Дима тяжело вздохнул, и слёзы выкатились из его глаз.

Тося приподнялась и жалостливо посмотрела на него.

Мозговой центр Мики сообщил: "Не понимаю. Почему быть отличником плохо? Не понимаю".

– С таким человеком никто не хочет дружить, – вслух сказал Дима и заплакал. – Я даже старался, чтобы Наталья Сергеевна ставила мне двойки и тройки. Или хотя бы четвёрки. Но у меня ничего не вышло. Всю жизнь получаю одни пятёрки.

Дима прижал к себе Тоську и, сдерживая плач, всхлипнул. Тоська от жалости тоненько взвыла.

Мика сидел в уголке в образе странной круглой собачки. Тоська про него забыла, а Дима ещё не заметил.

Астронавт очень старался понять, почему мальчик плачет.

А Дима плакал-плакал – и незаметно уснул, прижавшись

к стене. Но и уснув, продолжал вздрагивать и всхлипывать, потому что ему снились происшествия последних дней.

Мика тоже видел Димин сон.

Сон был очень страшный. Даже смелый исследователь далёких планет Мика слегка испугался.

Диме Колючкину снился его одноклассник – плохой мальчик Олег Осипович Овсянкин. Этот Овсянкин во сне стал таким огромным – с двухэтажный дом. Громадный, в камуфляжном костюме, стоял он прямо на дороге, по которой Дима шёл домой, и с ухмылкой сверху вниз смотрел на крохотного Диму. И вдруг как засмеётся:

– Что? Струсил? Ха-ха-ха!

Дима сразу проснулся.

"Неужели этот Олег Осипович Овсянкин и правда такой большой и грозный? – подумал Мика. – Какие у них разные дети в одном классе учатся".

По имени-отчеству Овсянкина одноклассники величали потому, что он сам, когда пришёл в их класс, представился:

– О! О! О! – и пояснил: – Олег Осипович Овсянкин.

Некоторые мальчики и девочки, увидев его, с замиранием сердца произносили:

– О! О!! О!!! – и издалека улыбались ему, как лучшему другу.

Олег – новенький в их третьем "А" классе. Пришёл к ним недавно – всего месяц назад. Он – самый высокий и очень

красивый мальчик с большими серыми глазами и длинными ресницами. У него есть сотовый телефон, а у его папы – самый крутой джип на их улице.

Девочки, конечно, сразу стали влюбляться в Олега, а мальчишки зауважали за сотовый телефон и папин джип.

Дима тоже, может быть, зауважал бы Овсянкина. Он даже подошёл к нему вместе с другими ребятами посмотреть телефон. Но новенький с презрением взглянул на Диму:

– А-а! Круглый отличник?! Терпеть не могу отличников!

И многие ребята противно захихикали. А некоторые опустили глаза, потому что растерялись и не знали, как себя вести. Даже самый лучший Димин друг Коля Сугробов опустил глаза и сделал вид, что ничего не произошло.

Тогда Дима отошёл и сел за свою третью парту у стенки. А все его бывшие друзья остались возле Овсянкина.

Так Дима стал совсем одиноким человеком.

А ведь и в первом, и во втором классе у него было много друзей. И самый лучший друг у него был. И всем Дима помогал делать домашнюю работу. И на контрольных подсказывал, хотя в первом и во втором классе у них была другая, очень строгая учительница Антонина Ильинична. Она говорила сердито:

– Ещё раз услышу, Колючкин, что подсказываешь, поставлю такую жирную двойку, какую свет не видывал!

И Диме становилось страшновато. Но он всё равно подсказывал. Писал на листочке крупными буквами решение,

клял лист посередине парты и отодвигался, чтобы со следующей парты Антон Чебурекин мог всё видеть.

Дима успевал решить и два, и три варианта, и даже четыре. Жаль, что Антонина Ильинична была чересчур бдительной: на контрольных просто не спускала с Димы глаз.

– Дождёшься, Колючкин, поставлю тебе четыре кола за одну контрольную! – предупреждала она.

Дима подсказывал не для того, чтобы ребята с ним дружили. С ним и так все дружили. А друзей в беде не бросают. (Ведь для некоторых контрольная – настоящая беда.)

Антонина Ильинична, хоть и была строгая, но все ребята её любили. И никогда не обманывали. Если не считать подсказок. А подсказки на контрольной – не обман. Это взаимопомощь. Антонина Ильинична сама их учила оказывать помощь друг другу.

Её невозможно было обмануть. Она говорила:

– Я вас вижу насквозь. У вас внутри, вот здесь, в груди, – показывала она рукой чуть ниже шеи, – есть человечки. Такие же, как вы сами, только крохотные. Вот у Вадика внутри – рыжий и лохматый человечек. Петин человечек там, внутри, вечно ковыряется в носу, – и все ребята покатывались со смеху. – У Марины крохотная девочка всё время карандаши и ручки роняет... Пока вы говорите правду, этим человечкам живётся внутри вас спокойно и все свои дела они делают с радостью. Но как только вы начинаете обманывать, – произносила она грозным голосом, – человечки начинают ёр-

зять, стучать ногами и кулаками...

Антонина Ильинична так смешно рассказывала, что ребята просто лежали на партах от хохота.

– Эй, Петя! Эй, Коля! Ты зачем наврал? – изображала старенькая Антонина Ильинична крохотных человечков. – Сердчишки ваши стучат, глаза бегают во все стороны, потому что человечки дёргают их за верёвочки. Я вот этих человечков-то и вижу внутри вас: как им там плохо становится, когда вы обманывать начинаете. Так что имейте в виду: меня обманывать бесполезно. Говорите мне только правду.

И Антонину Ильиничну никто не обманывал. Только на контрольных чуть-чуть старались помочь друг другу.

Но летом Антонина Ильинична тяжело заболела. А первого сентября она пришла в класс с новой учительницей и сказала:

– Милые дети! Я так хотела поработать с вами ещё. Но врачи не разрешают мне больше работать. Поэтому у вас будет новая учительница – Наталья Сергеевна. Смотрите – не обижайте её. Она – моя любимая ученица. Она тоже когда-то, как вы, пришла ко мне в первый класс. Её обидите – считайте, что обидели меня.

И все ребята притихли и стали представлять Наталью Сергеевну первоклассницей. А она стояла и улыбалась. Красивая, стройная и молодая. И они сразу стали гордиться, что у них такая учительница. Но и с Антониной Ильиничной не хотели расставаться, потому что сильно полюбили её.

Наталью Сергеевну они тоже вскоре полюбили. Но всё-таки она ещё не умела видеть так же насквозь, как Антонина Ильинична. Она даже целую неделю просто путала их фамилии.

А на третий день после Натальи Сергеевны пришёл в класс новый ученик – Овсянкин.

ЗНАКОМСТВО С ДВУНОГИМ ДИМОЙ

Когда Дима проснулся, уже стемнело. Он специально стал приходить сюда, в сарай к Тоське, так поздно, чтобы никто не подкараулил его в подворотне и не выследил, к кому он ходит. Дима переживал за Тоську и её подружку, которая до сих пор где-то бегала.

А-а! Вот и она! Вот сверкнули её глазки. И в сарай на четырёх лапках вошло маленькое грациозное существо с длинными усами и поднятым вверх хвостом.

Тоська спрыгнула с Диминых колен и, вытянув шею, задиристо сказала:

– Р-ряв?! (Где ты ходишь?!)

Существо помахало ей чёрным хвостиком.

– Сюзя! – ласково позвал Дима и вынул оставленный для неё кусочек колбаски.

Сюзя подошла с достоинством, осторожно взяла зубками колбаску, положила её на доску и съела. Потом тщательно облизнула ротик, села возле Димы и сказала:

– Мррау. (Вкусно. Спасибо.)

Но вдруг что-то привлекло её внимание в углу сарая. Она вздыбила шерсть, прижала ушки и стала подкрадываться...

Мика, не дожидаясь очередного нападения, вышел из укрытия.

– Это ещё кто? – удивился Дима, разглядывая необыкновенную, хоть и очень похожую на Тосю, собачку.

Тося села возле Димы, а Сюзя запрыгнула к нему на колени. Они не испугались Мику, а просто хотели подчеркнуть:

Дима – наш, не отдадим.

– Кто это? Собачка? – опять спросил Дима.

"Почему мальчик задаёт такие вопросы? – с недоумением подумал астронавт. – Разве я так сильно отличаюсь от настоящей собачки Тоси?"

И он включил программу "Отражение", а в ней – "Зеркало". Попросту говоря, посмотрелся в зеркало, которое было внутри него самого, и сравнил себя с настоящей Тосей. "Ой! Какой я смешной! Дедушка поставил бы мне двойку за такое превращение. Надо серьёзней относиться к своей научной деятельности", – сделал он самому себе замечание.

Но всё же не стал изменяться на глазах у незнакомого мальчика, а вежливо представился:

– Я – Майкрософус Айбиэмер Пентимучча Калькулякас 628-й.

Дима от изумления не мог вымолвить ни одного слова в ответ.

– Я – астронавт-компьютер. Прилетел с планеты Компьючита, – пояснил Мика. – Очень хочу с тобой дружить.

Так как мальчик по-прежнему молчал, астронавт-компьютер неуверенно произнёс:

– Только не знаю, дружат ли живые существа с компьютерами?

– С говорящими дружат, – убеждённо ответил Дима, хотя сам впервые в жизни услышал о существовании такого компьютера.

Он почти не удивился, узнав, что Мика прилетел с другой планеты. Дима любил читать про другие планеты, про космонавтов и давно мечтал познакомиться с инопланетянином. Он даже сам планировал в будущем побывать на разных планетах. Правда, никогда не думал, что инопланетянин будет похож на собачку Тоську.

Тут Мика спрятал лапы и хвост – и стал красивым, слегка вытянутым серебристым шаром с симпатичным монитором-личиком:

– Обычно я выгляжу вот так. Но умею превращаться хоть в кого. Могу даже стать похожим на тебя.

И только он хотел превратиться в Диму, как послышались шаркающие шаги. Шёл какой-то немолодой человек.

– Тихо, – сказал Дима. – Это Морковна за мной идёт.

Морковна – Димины соседка, бабушка Вера Марковна. Когда Дима был маленьким, бабушка учила его произносить её отчество:

– Мар-ков-на, – по слогам выговаривала она.

А Диме слышалось:

– Мор-ков-на, – с ударением на втором слоге.

Он так и стал звать её Морковной. И долго считал: раз у неё такое отчество, значит, её папой был какой-нибудь дядя Морковь, а сама она родилась в земле, и про неё сочинили загадку: девица в темнице, а коса на улице.

Волосы у бабушки – ярко-рыжие, и губы она подкрашивает помадой морковного цвета.

Теперь Дима большой, но всё-таки изредка называет соседскую бабушку Морковной. Она не обижается, только улыбается жизнерадостной оранжевой улыбкой. И сама иногда обзывает Диму... Дормидонтом Спиридоновичем. И хоть она называет его так, когда слишком сердита, Диме становится смешно.

Сейчас – даже по шагам легко определялось – Морковна была сердита. Она вошла в сарай и всплеснула руками:

– Дима! Знаешь, кто ты? Ты – Дормидонт Спиридонович!

Дима тихо засмеялся. Тося на всякий случай не очень грозно твякнула. Морковна махнула на неё рукой.

Сюзя запрыгнула на перекладину под потолком и, свесившись, весело поблёскивала оттуда глазками.

Старушка устало присела на чурбанчик. Она была из тех толстеньких старушек, которые обожают наряжаться. Поэтому в её ярко-рыжих волосах, прямо на макушке, голубел чудесный капроновый василёк размером с маленькое блюдце. Василёк поменьше скреплял лиловый шарфик на шее. Со всем маленький – на перстне – украшал бабушкину руку. За всю жизнь у неё накопилась целая коробка из-под утюга всяких заколок, брошек, перстней и бус. Там хранились и васильковые наборы, и ромашковые, и одуванчиковые...

На бабушке была пушистая кофта и джинсы умопомрачительного размера. (Дима примерял их разок – и утонул в одной штанине.)

Несмотря на всю свою сердитость, бабушка Вера перед

выходом из дома подушилась любимыми ландышевыми духами. И именно из-за сердитости положила в рот сразу три ириски и стала их сосать.

Сердитая бабушка, от которой пахнет ландышами и ирисками и на которой цветут васильки, уже не кажется такой сердитой.

И всё-таки она обиженно повторила:

– Да, Дима, ты – Дормидонт Спиридонович!

И Дима опять захихикал.

А перед старушкиным взором нарисовался этот "страшный" Дормидонт Спиридонович: высокий и очень худой старик. Совершенно лысый. С огромным костлявым носом, на котором сверкали очки. С полным ртом золотых зубов. Он всегда сидел в кресле у старушки в комнате и смотрел телевизор. Потому что уже сорок восемь с половиной лет был старушкиным мужем.

"Почему Дима – это Дормидонт Спиридонович? – изумился Мика. – Опять не понимаю".

А Вера Марковна мечтательно сказала:

– Если бы я вышла замуж не за этого гримзу с золотыми зубами, а за Федю вот с такими чёрными усами... – и она артистичным движением рук изобразила эти усы.

Дима опять засмеялся, потому что получалось, что пышные усы у неизвестного Феде разрослись на полметра в длину.

– Я жила бы беззаботно и счастливо, – завершила свою

мысль старушка. И добавила другим тоном: – Идём домой. Мама с папой придут с работы – а тебя нет! Испугаются! Искать начнут.

Дима взял "мячик", то есть Мику, под мышки, погладил Тоську, Сюзе помахал рукой – и они с бабушкой Морковной вышли из сарая.

– Дима! Не становись Дормидонтом Спиридоновичем, – ещё раз назидательно произнесла она, и василёк на её голове съехал ко лбу.

"Зачем Дима решил стать Дормидонтом Спиридоновичем? – с ужасом подумал Мика. – Надо ему отсоветовать!".

А бабушка Вера в тысячу сто первый раз принялась рассказывать Диме, как она сорок восемь с половиной лет назад познакомилась с тогда уже золотозубым Дормидонтом Спиридоновичем и влюбилась в него из-за его ослепительной улыбки и сверкающих очков так сильно, что потеряла голову от любви... И вышла за него замуж.

Мика в этот момент представлял, как молодой Дормидонт Спиридонович улыбается, сверкая зубами и стёклами очков, а с влюблённой Веры Марковны падает голова и теряется неизвестно где. И она – безголовая – выходит замуж за Дормидонта Спиридоновича. И только после свадьбы находит свою несчастную голову и ставит её на прежнее место.

– А Дормидонт Спиридонович, – рассказывала между тем старушка, – оказался бесчувственным человеком...

Никогда в жизни он ни в чём не помог своей жене. А

как заработал пенсию – совсем загордился. Вообразил себя очень заслуженным пенсионером, сел в кресло и стал смотреть телевизор. И даже ни разу за все пенсионные годы не сходил в магазин за хлебом и не вынес мусор. Выходил только на прогулку, потому что диктор телевидения порекомендовал беречь здоровье.

– Он считает, что имеет право на отдых. А я разве не имею такого права? – строго спросила старушка у Димы и ещё строже добавила: – Не становись Дормидонтом Спиридоновичем! Будь добрым и внимательным мальчиком!

ДРУГ-ИНОГАЛАКТЯНИН

– А Олег Осипович Овсянкин действительно такой огромный? – спросил астронавт, когда Дима внёс его в свою комнату в их маленькой квартирке.

Дима с удивлением посмотрел на нового друга: он ещё никому не успел рассказать о своём сне.

– Я умею смотреть чужие сны и читать чужие мысли, – объяснил Мика.

– Вот это да! – опешил Дима. – А разве это честно?

– Не знаю, – ответил Мика. – Я так запрограммирован. Я должен исследовать планету Земля и всё узнать о её жителях.

Дима озадаченно смотрел на своего нового знакомого. А тот опять спросил:

– А Олег Осипович, и правда, огромный?

– Да нет, – ответил мальчик и признался: – Он мне от страха таким приснился. Я его просто боюсь.

– Боишься? – переспросил компьютер и грустно добавил: – А я не умею бояться. Во мне нет такой программы.

Дима ещё шире раскрыл глаза и даже не знал, что сказать. А иногалактянин стал рассказывать о себе:

– Я состою из четырёх главных программ. Знаешь, каких?

Дима отрицательно покачал головой.

– Первая программа "Интеллект", то есть ум, – стал объяснять Мика. – Вторая "Эмоции", то есть всякие чувства. Третья "Воображение": значит, я умею фантазировать. И четвёртая "Мышление". Я мыслю быстрее всех на нашей планете. Внутри каждой главной программы – по тысяче неглавных,

но тоже очень важных.

– Вот это да! – опять потрясённо произнёс Дима.

А астронавт с грустью повторил:

– Бояться я не умею... Но зато умею вычислять грозящую опасность.

– Здорово! А как ты это делаешь?

– Не знаю. Это дедушка Калькулякас придумал. Я только чуть-чуть пугаюсь – в этот момент включаются все нужные программы. И я сразу понимаю, какая опасность мне грозит и как её избежать. Вот и всё.

– Супер! – выдохнул мальчик, восхищённо глядя на инопланетного гостя.

– Ты ведь тоже не чувствуешь и даже не знаешь, как работает твой мозг. Работает и всё. Решает за тебя контрольные. А ты только пятёрочки получаешь.

Дима почесал затылок: он как-то не отделял себя от своего мозга.

Мика засмеялся:

– Ты не ошибаешься. Ты – это всё вместе: руки, ноги, туловище со всеми внутренностями, голова с мозгами – всё это и есть ты, то есть Дима.

Только мальчик хотел возразить, как исследователь мгновенно отгадал его мысль:

– А-а! Твоя мама говорила, что у человека ещё есть душа. Поэтому он умеет любить, радоваться, огорчаться...

– Ты опять прочитал мои мысли? – с обидой спросил Ди-

ма.

– Я их всё время читаю. Так же, как и свои, – ответил компьютерик, а сам подумал: "Почему он обижается?".

– Это нечестно! Я ведь не умею читать твои мысли. Так нельзя дружить!

– А как можно дружить? – огорчился Мика.

– Чтобы всё честно было. Вот мы с Колей Сугроровым, знаешь, как дружили? Мы всё-превсё друг другу рассказывали. Коля научил меня бороться, потому что он спортсмен. А я помогал ему по математике и по русскому.

Дима так сильно загрустил, чуть не заплакал. Мика понял из-за кого: из-за Коли.

Тогда астронавт сказал:

– Ладно. Я отключаюсь от твоего мозга. Больше никогда не прочитаю ни одной твоей мысли. Только будем дружить по-честному и всё-превсё друг другу рассказывать?

– Уже отключился? – уточнил Дима.

– Секундочку! – прикрыл иногалактянин глаза. – Готово!

– Ладно. Будем друзьями! – сразу согласился Дима.

Мика так обрадовался, даже подпрыгнул. В нём включилась музыка – и он, прямо как сумасшедший, стал кувыркаться на столе и подскакивать до потолка – то есть жизне-радостно, по-компьютерски танцевать.

На его лбу нарисовался венчик из ослепительных ярких цветов: розовых, бирюзовых и жёлтых. Потом откуда ни возьмись с цветов вспорхнула крохотная птичка, весело по-

кружилась по макушке – и всё исчезло, как не бывало.

Астронавту захотелось срочно поделиться своей радостью с мамой, папой и дедушкой и даже познакомить их со своим другом. Но он вспомнил, что с ним случилось, плавно опустился на стол и загрузил ещё больше, чем Дима.

А потом он рассказал своему новому другу обо всём, что произошло. И про свою маленькую любимую планету, и про маму, папу и дедушку, и про всех астронавтов.

Когда он стал рассказывать, полилась грустная мелодия, а на его высоком лбу и макушке появилось незнакомое звёздное небо. Не такое, как над Землёй, а другое... На нём сияли звёзды разной величины. И далёкие – крохотные, как над нашей планетой. И в десять раз крупнее. словно сверкающие золотые шары, шарики, бусинки и пылинки украшали ночное небо Компьючиты.

Затем на фоне звёзд на Микином лбу появились три маленьких "окна-портрета": портрет мамы Пентимуччи с ярко-синими нежными глазами; портрет строгого и круглого папы Айбиэмера и, конечно, портрет любимого прямоугольного дедушки Калькулякаса с квадратными озорными глазами и квадратной бородой. Из дедушкиных боков порой появлялись руки: Калькулякас любил подбочениться и почесать затылок.

Дима заслушался. И засмотрелся. Такого собеседника у него ещё никогда не бывало. Он даже забыл, что смотрит на маленький монитор на лбу астронавта. Мальчику показав-

лось, что он действительно видит огромное чудесное незнакомое небо.

А Мика уже рассказывал про большой компьютер-корабль, который сильно разрушился из-за этих бактерий Земли. Диме даже стало стыдно перед иногалактиянином из-за этих бактерий. А Мика сказал:

– Я точно знаю: астронавты меня одного не бросят. Они отремонтируются, восстановят связь и пришлют за мной корабль-спасатель.

Собеседники немного помолчали.

Дима подумал: "Только появился у меня друг – и скоро он улетит так далеко, что и вообразить невозможно такую даль. Опять я останусь без друзей...". Он, конечно, понимал, что его друг-астронавт должен вернуться на родную планету. Но всё равно сразу приуныл.

А Мика подумал: "Может, Дима согласится полететь вместе со мной? Если же он не захочет расставаться с мамой, папой, Тоськой, Сюзей и Морковной, то и их как-нибудь уговорим".

Но вслух астронавт спросил:

– А у тебя сколько программ есть?

– У меня нисколько нет.

Тут наступила Микина очередь глядеть на собеседника с изумлением.

– Да нет у меня никаких программ! – увидев выпученные глаза друга-исследователя, повторил Дима. – Я просто жи-

вой человек.

– Вот это да! – произнёс теперь Мика и тут же добавил: – Такого не бывает!

Дима пожал плечами. А Мика попросил его рассказать про страшного Олега Осиповича Овсянкина, про то, как надо бояться, и про всех одноклассников. Дима, может быть, не очень-то хотел обо всём этом вспоминать и рассказывать. Но ведь они с Микой дали слово доверять все свои тайны друг другу.

ОДИНОЧЕСТВО ДИМЫ

Уже целый месяц Дима был совершенно одиноким человеком. Не то чтобы ребята вовсе его не замечали. На контрольной Чебурекин вспомнил про него, постучал карандашиком по спине и прошептал:

– Эй, Колючка, дай списать!

Раньше Дима никогда не обижался, если его называли Колючкой или Ботаником. Он и сам Чебурекина называл Чебуреком или Чебурашкой. И Антон тоже на него не обижался. А теперь почему-то очень обидно прозвучало прозвище. Но Дима подумал немного, написал решение задачи, положил листок посередине парты и отодвинулся. Он не подлизывался к Чебурекину. Он просто его выручал. И Антон всё списал.

На перемене Дима не заговорил первым с Антоном. И тот ничего ему не сказал. Дима по-прежнему оставался одиноким.

Его друг Коля Сугробов начал за домашние работы тройки с минусом получать. Но к Диме не подходил: боялся, что над ним начнут смеяться из-за того, что с отличником дружит. Дима прямо-таки мечтал, чтобы Наталья Сергеевна ставила ему самому оценки похуже. Он даже на уроках гипнотизировал учительницу. Но на Наталью Сергеевну гипноз не действовал. Да и как ему похуже поставишь, если он и за пятый класс мог задачки решить, и книг прочитал целый вагон? "Везёт Утюгову!" – завидовал он иногда знаменитому

двоечнику из шестого "Б".

"Почему думают, что Овсянкин – самый лучший? – не понимал Дима. – Из-за красоты и богатства?". У Чебурекина папа мог пять джипов купить, но Антон не задавался. И сотовый телефон у него был во втором классе. Только Антон его потерял сразу. У некоторых одноклассников родители не беднее, чем у Овсянкина. Но никто не зазнавался, никто никому не завидовал. Позавидуют немного чему-нибудь новенькому – и быстро зависть проходит. Потому что все дружили.

Через неделю у Олега появились два друга из их класса: Гриша Сапожков и Лёня Рукавичкин. А ещё Олег подружился с этим знаменитым шестиклассником Утюговым, по прозвищу Утюг. Только Овсянкин называл его по-дружески – Утя. Они, оказалось, в одном доме, в одном подъезде и на одной лестничной площадке живут. "Если уж кому везёт, так везёт во всём, – думал про Олега Дима: – И красота, и богатство, да ещё и с Утюговым по соседству живёт!"

После этого Диме даже по школьному коридору ходить стало непросто. Идёт он по коридору – а они пальцем на него показывают:

– Смотри, смотри – Ботаник! – и хихикают, как будто делать больше нечего.

А Дима сразу краснеет, как горький перец, и таким неуклюжим себя чувствует.

Вызовут его к доске – Гриша с Лёней шепчут вслед:

– Отличник пошёл отвечать! Иди-иди, получай свои пятёрочки. Подлиза!

Скажут так – и оглядываются на Овсянкина. А тот самодовольно молчит.

И вот однажды все четверо (вместе с Утюговым) подстергли Диму в переулке, когда он возвращался из школы. Вышли неожиданно из-за поворота и окружили его.

– Смотрите-ка: отличник к нам сам пришёл! – будто бы с удивлением произнёс Овсянкин.

У Димы почему-то коленки чуть-чуть подогнулись.

– Колючка, чё ты такой хиленький? Ты хоть драться-то умеешь? – презрительно ухмыльнулся Утюгов, которому Дима был ростом до плеча.

– Да где ему? Он только пятёрочки умеет получать! – съязвил Овсянкин.

И все просто покатались со смеху.

Дима молчал, потому что растерялся. У него всё сжалось внутри. От обиды. А, может быть, и от страха.

– Да он трус! – воскликнул Овсянкин. – Научим его смелости?! – и он посмотрел сначала на Утюгова, а потом на Сапожкова с Рукавичкиным.

Утюгов первый ударил Диму кулаком по лицу – и он сразу упал от такого удара.

– Теперь вы! – приказал Овсянкин Грише и Лёне.

– Чё?! – отступили они на шаг.

– Не поняли? – ехидно спросил у них Овсянкин, а по-

том выразительно посмотрел на Утюгова: – Объяснишь, Утя, этим тормозам, что значит дружба? Тоже мне – маменькины сынки!

– Придётся объяснить, – хмыкнул двоечник и погрозил сразу двумя кулаками Грише и Лёне.

От страха они уменьшились в росте.

Дима поднялся, а Овсянкин сверху вниз посмотрел на него:

– Будешь пятёрочки получать – мы с Утюгом ещё не так отутюжим! – рассмеялся он, довольный своей шуткой, и все подхихикнули ему. – Я, – выделил он голосом своё "я", – терпеть не могу ботанов!

Он, почувствовав себя до ужаса крутым, повернулся и зашагал вразвалочку. Утюгов, точь-в-точь повторяя его манеры, тоже пошёл вразвалочку. За ними, опустив головы, поплелись Сапожков с Рукавичкиным. Вскоре все скрылись в подворотне.

Из Диминого носа текла кровь, и штаны немного порвались. Но он не заплакал. В тот момент он твёрдо решил, что назло будет учиться на одни пятёрки. Всю жизнь. "Не дождётесь!" – подумал он вслед своим обидчикам. И перестал на уроках гипнотизировать Наталью Сергеевну.

Он никому не рассказал о том, что с ним произошло. Ни одному человеку.

Когда Дима был маленький, мама проводила с ним много

времени. И они говорили с ней обо всём на свете. Это были лучшие годы его жизни.

И даже с папой они иногда беседовали на важные темы. Например, про героизм.

Его папа – очень смелый. Однажды он защитил на улице одну незнакомую тётеньку с малышом и задержал вооружённого преступника. Папу даже по телевизору показали и рассказали, какой он герой. Дима тогда ещё в садик ходил. Он так гордился папой! И мечтал скорее подрасти и тоже защитить какую-нибудь тётеньку с ребёнком от вооружённого бандита. Или даже от целой банды.

А когда он пошёл в школу, папа с мамой решили зарабатывать деньги на новую квартиру. Они стали трудиться на второй и даже на третьей работе. Уходили очень рано, а приходили, когда Дима уже спал. Но в это время у него появился хороший друг – Коля Сугробов. Они, как полагается друзьям, делились самыми главными тайнами. Даже сейчас, когда Коля перестал с ним дружить, Дима никому не выдаст его секреты. Например, не расскажет о том, что Коля вырвал страничку из дневника, на которой у него стояли три двойки. И другие важные тайны друга он тоже не выдаст. Например, не разболтает про то, что Коля влюбился в очень красивую девочку Олю Новикову. Один раз даже нёс её портфель до дома, а Дима плёлся сзади. Было немного обидно, потому что Дима и сам бы в неё влюбился. Но ведь Коля влюбился первый. И Дима решил, что, может быть, потом влюбится в

какую-нибудь другую девочку.

Если бы он сейчас дружил с Колей, то всё бы ему рассказал – и они бы что-нибудь вдвоём придумали...

А Овсянкин, Сапожков и Рукавичкин после этой драки даже во время урока стали обзывать Диму трусом.

У Рукавичкина светился синяк под глазом, а у Сапожкова губа распухла и перекосилась. Наверно, Утюгов уже "объяснил" им, как надо дружить. Поэтому они старались вовсю.

Вызовет Наталья Сергеевна Диму к доске – они ехидно шепчут:

– Отличник пошёл отвечать! Пятёрочки получать!

– Да он трус! Наталью Сергеевну боится!

И на Овсянкина смотрят.

Возвращается Дима на место – опять слышит:

– Эй ты, трус! Пятёрочку получил? Молодец!

– Ботаник!

И многие ребята слышали этот шёпот и тоже, наверно, стали верить, что Дима – трус.

Дима решил доказать, что никакой он не трус, а смелый, и всё время думал, как это сделать. Никак не мог придумать, пока Наталья Сергеевна не объявила:

– В воскресенье всем классом пойдём в поход на речку.

– Дима, ваш класс – словно космический корабль, – выслушав друга, сказал Мика. – В жизни этого корабля произо-

шли большие события. Во-первых, у него сменился командир, то есть ваша учительница. Во-вторых, в корабль внедрился вирус. Командир новый, поэтому пока не почувствовал, что вирус разрушает самые важные программы корабля.

– Что же делать? – спросил Дима.

– Вирус должен быть найден и уничтожен, – твёрдо ответил исследователь.

– Ты что? Человека нельзя уничтожать! – возмутился Дима.

– Не человека! – рассердился Мика. – А вирус, который есть в этом человеке.

– Как же его там найдёшь, в человеке?

– Я помогу тебе! – решительно заявил астронавт. – Превращусь в тебя и пойду в поход, а потом в школу. Я тоже могу учиться на пятёрки.

– Нет! – так же решительно не согласился Дима. – Не хватало ещё инопланетного вмешательства!

Астронавт-компьютер обиделся.

– Не обижайся, Мика, – попросил мальчик. – Понимаешь: если я сам не разберусь и не докажу, что я не трус, я всю жизнь буду бояться.

– А когда ты начнёшь разбираться и доказывать?

– Завтра, – вздохнул Дима. – Ведь завтра воскресенье, и мы пойдём в поход... А ты лучше помоги бабушке Вере с Дормидонтом Спиридоновичем разобраться.

– Правильно! – обрадовался Мика. – Только ты мне потом

всё расскажешь про поход.

Дима согласно кивнул.

– А теперь давай поспим, – предложил он.

– Отключимся и сэкономим энергию? – уточнил Мика.

– Может быть, это одно и то же, не знаю, – пожал плечами

Дима.

Мальчик завёл будильник, погасил свет и лёг в постель. А астронавт запрыгнул на Димину подушку и отключил внутренний блок питания на 420 минут. Вскоре оба – каждый по-своему – заснули.

Они не слышали, как вернулись мама и папа. Как мама вошла в Димину комнату, укрыла его и поцеловала в щёку: "Бедный малыш. Он нас совсем не видит. Я день и ночь думаю о нём, а поговорить с сыном некогда". Потом мама увидела на Диминой подушке странный "мячик". Улыбнулась, подняла его и переложила на стул.

– Ничего себе! – прошептала она, потому что "мячик" показался ей тяжеловатым.

ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ДОРМИДОНТА СПИРИДОНОВИЧА

Любой серьёзный учёный, занимающийся проблемами

инопланетного разума, поймёт Мику: астронавт мечтал изучить загадочного старика. Свой будущий научный труд юный исследователь назвал так: "Живой организм Дормидонт Спиридонович".

Попасть к старику Мике удалось только после обеда, потому что до этого времени тот не выходил из комнаты.

Наконец Дормидонт Спиридонович открыл форточку, чтобы проветрить комнату, а сам направился в кухню пообедать.

Только когда квартира заполнялась непереносимо вкусными ароматами еды, Дормидонт Спиридонович – словно ожившая мумия – поднимался, шёл в ванную мыть руки и садился за стол. Вымытые руки он держал над столом на весу и становился похожим на хирурга перед ответственной операцией. Так и казалось, что сейчас из его уст прозвучит: "Инструменты!" Это слово, конечно, не звучало, но "инструменты": ложка, вилка и нож – тотчас появлялись перед ним. (Конечно, не сами: Вера Марковна раскладывала их рядом с тарелкой.)

Мика влетел в открытую форточку и спрятался за телевизором.

После обеда "объект исследования" вернулся и стал в шестой раз смотреть очень важную передачу "Новости дня". Вдруг перед его взором появилось что-то легкомысленное: оказалось, прямо над его носом качнулся одуванчик. Это Ве-

ра Марковна наклонилась к лицу своего мужа:

– Дормидонт Спиридонович, сегодня внуки в гости придут. Помоги мне обед приготовить: почисть картошку для пюре.

Старик с недоумением взглянул на жену. Астронавт прочитал в его мыслях: "Я – очень заслуженный пенсионер. А очень заслуженные пенсионеры картошку не чистят!"

И Дормидонт Спиридонович отвернулся.

Вера Марковна рассердилась. Мике даже показалось, что одуванчик на её голове распушился от возмущения. Но она продолжила:

– Сегодня пенсию принесут. Надо в магазин за пирожными сходить.

Старик не шелохнулся, словно был не человеком, а гордым изваянием. На его идеальной лысине, сверкнув, отразился диктор программы "Новости дня". Диктор прямо с лысины бодро объявил:

– Перейдём к спортивным новостям!

Вера Марковна постояла минутку. На лысине мужа, отражаясь от телевизора, стали бегать футболисты и забивать голы. Мика сначала даже по привычке принял голую макушку старика за монитор.

Старушка безнадёжно махнула рукой. "Эх, ты – заслуженный телезритель!" – подумала она. У неё в груди появилась такая невыразимая словами обида. Не потому, что ей самой было трудно приготовить пюре и котлеты и сходить в мага-

зин за сладостями. Просто нечестно, когда один человек всю жизнь всё делает, а другой считает, что обязан усиленно отдышаться. "И почему я не вышла замуж за Федю с чёрными усами, – в стотысячный раз за свою жизнь подумала бабушка Вера. – Он так любил чистить картошку".

А иногалактянин предположил: "Наверно, у этого Дормидонта Спиридоновича нет программы взаимной помощи и взаимной выручки". Мика, хоть и был маленький, но знал, что у всех компьютеров на Компьючите есть такая программа. Без неё их цивилизация давно бы погибла.

"Пустая старуха", – сердито подумал Дормидонт Спиридонович, когда Вера Марковна вышла из комнаты.

"Что значит "пустая" старуха?" – удивился исследователь Мика. Он сначала представил, что бабушка Вера – пустая в самом прямом смысле, как, например, новая дискета, на которую ещё не успели записать ни одного словечка. "Нет, тут что-то не так", – смекнул он и стал "листать" словарь в своей компьютерной памяти. "ПУСТАЯ – переносное значение: вздорная, несерьёзная, ничем не интересующаяся", – нашёл он и вслух из-за телевизора сказал:

– Нет, Дормидонт Спиридонович, вы ошиблись.

Старик вытаращил глаза: он решил, что сам диктор телевидения обращается к нему.

– Бабушка Вера – не пустая. Ведь она с самой юности была весёлым водителем трамвая, – продолжал "телевещание" Мика. – Она вырастила и воспитала своих детей, сына и доч-

ку. А сейчас бабушка Вера – пенсионерка, но помогает внуку и внучке расти добрыми, правдивыми и здоровыми. Так что бабушка Вера – не пустая, – с расстановкой повторил "диктор". – У неё очень важная жизненная программа. Если на Земле не останется бабушек с такими программами, человечество погибнет.

Дормидонт Спиридонович оцепенел. А "диктор" обратился прямо к нему:

– А вы делаете что-нибудь важное?

Старик обиделся:

– Я смотрю телевизор! – и пояснил: – Потому что я – выдающийся пенсионер и заслуженный телезритель! А до этого времени я тоже всю жизнь работал и приносил людям большую пользу.

– У вас произошёл сбой в программах. Вы перестали делать добро, – услышал Дормидонт Спиридонович.

Он разинул рот и не мог его закрыть целую минуту. Ведь он считал, что самое главное добро – смотреть телевизор.

Если бы старик знал, кто с ним разговаривает, он решил бы, что Мика тоже пустой, вздорный и глупый, потому что ни инопланетяне, ни даже иногалактяне не пользовались его уважением и доверием. Но так как Дормидонту Спиридоновичу показалось, что само телевидение обращается к нему, он испытал потрясение и впервые за все пенсионные годы задумался, правильно ли ведёт себя.

Как же надо вести себя, чтобы телевидение одобрило по-

ведение? Этого Дормидонт Спиридонович не знал. Ведь он давно разучился мыслить самостоятельно. Поэтому решил ждать, когда "диктор" опять обратится лично к нему и даст советы, как исправиться и стать добрым.

Астронавт предположил: "Может быть, из-за отсутствия чёрных усов у Дормидонта Спиридоновича произошёл сбой в программах? Значит, если у старика появятся такие усы, он начнёт во всём помогать бабушке Вере и станет хорошим дедушкой?"

Как сделать, чтобы длинные чёрные усы выросли у "заслуженного пенсионера", Мика пока не мог придумать. Но даже ему, пришельцу из другой галактики, было жаль бабушку Веру. И он решил, не откладывая на будущее, обрадовать её прямо сейчас.

Как только старик прикрыл на секунду глаза, астронавт вылетел из-за телевизора и молниеносно переместился в прихожую. Здесь он очень быстро превратился в Дормидонта Спиридоновича, неотличимого от настоящего. Глянул на себя в зеркало и слегка испугался: вдруг в нём самом программа зависнет – и он останется в этом "дивном" облике на всю жизнь? Но тут же успокоился и добавил к облику пенсионера волнистые, чёрные, как смоль, усы.

Через секунду он уже сидел в кухне на маленьком стульчике – за спиной у Веры Марковны, перед ведром картошки.

Бабушка Вера как раз набирала воду в кастрюлю, в которую надо будет класть очищенные картофелины. Она обер-

нулась с кастрюлей в руках – и застыла. Такого изумления ей не приходилось испытывать ни разу в жизни. Мика даже испугался, не заболит ли она от такой неожиданности. Кастрюля выскользнула из её рук, но астронавт стремительным движением перехватил её на лету и осторожно поставил на пол. Усы его от резкого движения спружинили вверх – вниз и, немного покачавшись, успокоились.

"Дормидонт Спиридонович" приветливо сиял очками и золотыми зубами. Он встал, усадил бабушку Веру на стул и торжественно произнёс:

– Дорогая Вера Марковна! Отдыхайте и только объясняйте мне, как надо варить картофель. Я всё сделаю сам.

У Веры Марковны задрожал голос:

– Надо сначала почистить...

Не успела она договорить, как "Дормидонт Спиридонович" схватил нож и стал чистить картошку с первой космической скоростью. За двадцать четыре секунды он перечистил всё ведро!

Вера Марковна, не веря своим глазам, покачала головой и потрясённо прошептала:

– Надо её помыть и положить в кипящую воду.

"Как бы опять не свалилась с неё голова от неожиданного счастья", – переживал Мика и, чтобы развеселить старушку, предложил:

– Вера Марковна, давайте вместе споём какую-нибудь хорошую песню.

Он хотел запеть старую песню про космонавтов: "На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы..." Он думал, что эта песня взбодрит старушку. Но она тоненьким, дребезжащим от волнения голосом запела:

– "Ландыши, ландыши, белого мая букет..."

Мика подхватил мелодию и пропел с бабушкой эту милую песню до конца.

Старушка и впрямь приободрилась, и на последнем куплете в голосе у неё уже не было дребезжания.

"Голова останется на месте", – успокоился исследователь.

Настоящий Дормидонт Спиридонович всё ещё сидел у телевизора, ожидая важнейших указаний диктора.

В этот момент в дверь не позвонили, не постучали, а тихонько поскреблись.

– Пенсию принесли, – совсем повеселев, произнесла Вера Марковна и пошла открывать дверь (одуванчик на её голове опять распушился, но уже от удовольствия).

Почтальонша Клава, разносившая пенсии, всегда скреблась в эту дверь. Она очень боялась пенсионера Дормидонта Спиридоновича: он как сверкнёт круглыми очками, как блеснёт золотыми зубами! Клава зажмурилась, выдавала ему пенсию и стремглав выбегала из квартиры.

В этот раз, увидев старика в кухне, она было зажмурилась сразу же у порога. Но "Дормидонт Спиридонович" и блеснул, и сверкнул жизнерадостно и приветливо. К тому же на его лице красовались роскошные усы! Клава таких даже в кино

ни разу не видывала. Поэтому она не то чтобы смело, но всё-таки с открытыми глазами прошла в кухню, попросила пенсионера расписаться и выдала ему деньги.

Мика, конечно, был учёным-исследователем, но всё-таки начинающим. Он многое знал о планете Земля. Но не знал, что расписываться в документах за другого человека и тем более получать чужие деньги на планете Земля не полагается. Поэтому и расписался в ведомости, и получил деньги. И тут же вручил их бабушке Вере. А она из-за этого чуть не села мимо стула. Потому что настоящий Дормидонт Спиридонович всегда молча забирал свою пенсию и прятал её в неизвестный укромный уголок. Но сегодня он жизнерадостно протянул все деньги:

– Вера Марковна! Придут внуки – мы пойдём с ними гулять в парк, купим билеты на разные аттракционы, а потом пообедаем в кафе, купим мороженого и всего чего угодно. Моей пенсии хватит?

– Гулять так гулять! – радостно воскликнула бабушка. – Раз в жизни можно! – и добавила ещё половину своей пенсии.

Она сразу стала душиться любимыми духами и опять запела "Ландыши", но уже весёлым и счастливым голосом.

Мика потихоньку принёс из шкафа её лучшие платья и коробку с украшениями, чтобы Вера Марковна не входила за вещами в комнату, где сидел настоящий Дормидонт Спиридонович.

А тот, словно прикованный к телевизору, сидел с закрытыми глазами, ничего не слышал и только ждал, когда к нему опять обратится диктор. Поэтому Мика быстро принял свой облик, спрятался за телевизор и произнёс:

– Дормидонт Спиридонович! Помойте и сварите картошку, нажарьте котлет и вынесите мусор. Связь окончена.

Не успел "заслуженный телезритель" открыть глаза – Мика вылетел в прихожую и принял облик старика с усами. Потом он взял нарядную Веру Марковну под руку и вышел с ней за дверь. Они решили подождать внучат во дворе.

Внука и внучку звали Тёма и Тома. Их удивлению и радости не было предела! Они обнимали весёлого дедушку, целовали его, примеряли очки и гладили усы. А Вера Марковна счастливо смеялась. Ведь совсем недавно внучата относились к дедушке не так. Они надевали на свои головы блестящие купальные шапочки, нацепляли старые круглые очки, зубы облепляли жёлтой фольгой от шоколадок и улыбались так страшно, что даже их собственная кошка забивалась под диван.

Может быть, кому-то и было смешно. Но бабушка Вера становилась печальной.

"Теперь всё изменится", – взглянув на "мужа", с надеждой подумала она.

"Изменится, – мысленно ответил ей Мика, – я его перевоспитаю".

"Но зачем он усы приклеил? – смущённо улыбнулась ба-

бушка. – Люди посмеиваются. Намекну ему потом деликатно, чтобы больше не приклеивал".

"Ох, уж эти женщины! То им с усами нужен спутник жизни – то без усов! Угодить им слишком сложно", – астронавт был ошеломлён неожиданной переменой во вкусах бабушки Веры.

ДИМА – СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Третий "А" в это время отдыхал на реке.

Мика видел эту речку с космолёта в день их прибытия на Землю.

С высоты казалось: сверкающая стрела из драгоценного металла пересекает весь город и делит его на две половины.

Речка неширокая, ещё уже она на окраине города – в том месте, где расположился третий "А". Зато берега у неё высокие. Над рекой перекинулся деревянный мост. Он старый, но почти не пружинит, даже если большой, тяжёлый человек идёт по нему.

Третий "А" по мосту не стал переходить, а спустился вниз, на песчаный бережок.

Тут было так классно! Ребята наловили рыбы, развели костёр. Вот уже и вода в котелке закипела...

И никто не замечал, как одиноко Диме. Он тоже приносил ветки для костра, даже посидел возле него на корточках... Потом отошёл от всех подальше и стал бросать камешки в речку. И вдруг услышал сзади себя:

– Ой, какой хороший мальчик!

– Примерный! Камешки бросает.

– Пятёрочки получает. Спорим: слабо ему хоть раз двойку получить!

– Эй, образованный! А что ты всё время дальней дорогой из школы ходишь? Зигзагами? Нас испугался?

– Дикий какой-то стал.

– Да он же трус! Ты разве забыл?

Дима повернулся и, даже не взглянув на своих обидчиков,

прошёл мимо них.

– Он нас боится!

– Трус! Трус! Трус! – закричали они и захохотали вслед.

Дима поднялся на высокий берег. Подошёл к мосту. Постоял немного. Снизу его никто не видел. Потом запрыгнул на перила и, едва не свалившись, всё же удержался.

Он давно придумал такое "доказательство храбрости", даже успел потренироваться: дома ходил по одной линейке, а в сарае – по узенькому брёвнышку. Но ни разу не ходил на большой высоте.

"Не такая уж и высота, – сказал он себе, – всего-то метров девять". Шмыгнул носом, решительно вытер кулаком под ним – и сделал шаг...

Первые шаги ему показались лёгкими – мост нависал пока что над землёй. Но вот побежала под ним вода... Вот почти середина реки. Уже не повернёшь назад.

– Смотрите! Смотрите! – кто-то пронзительно крикнул внизу.

Дима пошатнулся.

– Побежали! Сдёрнем его с перил! – закричали ребята.

– Стойте! – не своим голосом приказала Наталья Сергеевна. – Не смейте бежать за ним!

Все замерли и стали, затаив дыхание, наблюдать за Димой.

Он пробалансировал несколько мгновений, выровнялся и пошёл дальше, стараясь не смотреть, как течёт река, а глядя только на перила. Но река всё равно бежала перед глаза-

ми. Вдруг ему показалось, что мама взяла его за руку и помогает идти, а сама шагает рядом. Диме сразу стало легко и нестрашно.

Он дошёл до другого берега, прыгнул и по мосту вернулся назад. Когда спустился вниз, остановился возле Овсянкина и посмотрел ему прямо в глаза, будто хотел сказать: "Попробуй – пройди! Ты ведь смелый!" Но тот резко отвернулся и отошёл в сторонку. "Ну и отворачивайся!" – не огорчился Дима. На Рукавичкина и Сапожкова он даже не взглянул. Пусть теперь назовут его трусом!

Остальные ребята глядели на Диму, как на сумасшедшего. У Натальи Сергеевны лицо стало белым.

Первым пришёл в себя Чебурекин: он, глядя на Диму, покрутил пальцем у виска:

– Ты что? Совсем?!

Но Наталья Сергеевна жестом остановила его и других, открывших было рты. И опять не своим голосом сказала:

– Нет, ребята. Сегодня мы ничего обсуждать не будем. Сейчас собираемся и уходим домой.

– Наталья Сергеевна! Давайте хоть уху съедим! – расстроился Чебурекин.

– Давайте, Наталья Сергеевна! Давайте съедим! – поддержали его ребята.

Наталья Сергеевна согласно кивнула, и все бросились доставать чашки.

Только учительница не притронулась к ухе. Она села в

сторонке и стала ждать, пока ребята наедятся. А Дима даже не доставал чашку с ложкой. Он вынул из рюкзака кружку, зашёл по колёно в реку и зачерпнул воды. Вернулся с полной кружкой и протянул её Наталье Сергеевне. Она внимательно и долго смотрела на Диму. Ему стало очень стыдно под этим взглядом. А все дети наблюдали за ними.

И вдруг Наталья Сергеевна закрыла лицо руками и заплакала. Дима замер возле неё со своей кружкой.

Есть уже никому не хотелось. Все стали собираться домой.

Вечером Мика и Дима рассказали друг другу обо всём, что случилось за день. Дима закончил свой рассказ такими словами:

– Ты понимаешь, завтра мне надо идти в школу. Ребята, наверно, меня возненавидели. Я не хочу больше учиться.

Он тяжело вздохнул. Мика не знал, что посоветовать землянину, и повторил своё предложение:

– Давай я вместо тебя похожу хоть несколько дней.

Но Дима отрицательно покачал головой.

**ПОНЕДЕЛЬНИК –
ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ**

Прозвенел первый звонок. Наталья Сергеевна вошла в класс. Некоторые ребята ещё готовились к уроку и доставали учебники из портфелей. Вдруг влетела завуч Полина Николаевна. Она была такая бледная, словно её лицо натёрли мелом.

– Наталья Сергеевна! – закричала она. – Где ваш Колючкин?

Учительница перевела испуганный взгляд на Диму, а он тихо сказал.

– Здесь, – и встал.

– Немедленно в кабинет директора! – крикнула завуч. – И вы, Наталья Сергеевна, тоже!

Класс затих.

Дима и Наталья Сергеевна вышли первыми. За ними, поторапливая их, – Полина Николаевна. Она хлопнула дверью – класс выдохнул: "У-ух!"

– Так вот он какой – герой-канатоходец! – с иронией встретил их в своём кабинете директор школы Карл Аркадьевич Басманов, по прозвищу Карабас.

Такая встреча ничего хорошего не предвещала.

Директор пронизательно, "по-карабасски", посмотрел на Диму и произнёс одно короткое, но внушающее ужас слово: –Ну?!

Дима молчал. Тогда Карл Аркадьевич грозно прорычал:

– Р-рассказывай!

У любого другого человека затряслись бы коленки. Но у Димы почему-то не затряслись. Он даже сам удивился.

– Что рассказывать? – опустил он голову.

Карл Аркадьевич возмущённо взмахнул полными руками и шлёпнул ими по столу. Он стал красным, а глаза его – огромными.

– Всё рассказывай! Кто надоумил тебя совершать такие подвиги?!

– Никто. Я сам, – ответил Дима.

– Ах, вот как?! Ладно... Мы поступим таким образом. Наталья Сергеевна, объявляю вам: вы не справились со своей работой. Вы уволены со следующей недели. А ты, гер-рой, – директор сверкнул глазами, – иди за родителями!

Дима вышел из кабинета. Он только теперь понял, что натворил. Неужели из-за него уволят Наталью Сергеевну?

Учительница вышла вслед за ним и шепнула:

– Иди в класс. Ты понял?

Он поплёлся в класс.

А она вернулась в директорский кабинет. И там началось такое!

Сначала Наталья Сергеевна горячо заявила:

– Карл Аркадьевич! Дайте мне время! Я во всём разберусь сама.

– Колючкин – маленький негодяй! Вы слышали, как он разговаривает с нами? – закричала на неё Полина Николаев-

на.

– Дима – умный и добрый мальчик. Нельзя недоверием калечить ребёнка, – защищала своего ученика Наталья Сергеевна.

– Это он нас всех перекалечит! – возмутилась Полина Николаевна. – Когда работала Антонина Ильинична, класс был просто замечательным. Пришла Наталья Сергеевна – и третий "А" превратился в сборище хулиганов!

После этого длинную речь произнёс Карабас. Он завершил своё выступление безнадежным выводом:

– Вы, Наталья Сергеевна, ни в чём не способны разобраться. Я пока что не могу назвать вас настоящим Педагогом с большой буквы.

– Карл Аркадьевич! – усмехнулась Наталья Сергеевна. – А вы сразу стали Педагогом с большой буквы? И никогда не совершали педагогических ошибок? Вспомните свой знаменитый седьмой "В"!

Карл Аркадьевич сразу понял, на что намекает молодая учительница, отвёл глаза в сторону и, скрывая улыбку, вздохнул. Усы и борода его предательски колыхнулись.

– Улыбаетесь? – укоризненно покачала головой Наталья Сергеевна. – Так вот и мне позвольте самой разобраться со своим классом, – отчеканила она.

– Даю вам три дня, – стараясь быть строгим, ответил директор.

– Карл Аркадьевич! – воскликнула Полина Николаевна. –

А родители? Колючкин должен быть наказан.

– Полина Николаевна, через три дня мы вернёмся к этому вопросу. А пока займитесь своими делами.

И тут зазвенел звонок...

Карабасом директора прозвали давно, когда он ещё и директором не был, а был молодым учителем физики. Любимый седьмой "В" и прозвал его так. Дотошные семиклассники составили прозвище из первых букв его имени, отчества и фамилии: Карл Аркадьевич БАСманов. Так что он уже больше тридцати лет Карабас. Прозвищем директор втайне гордился и старался соответствовать ему, то есть быть похожим на Карабаса. Отрастил бороду (где частенько прятал улыбку) и репетировал перед зеркалом свирепый взгляд для особых, исключительных случаев.

Все замирали, когда он шёл по коридору.

Карл Аркадьевич закрылся в кабинете, сел в кресло и задумался: почему такой маленький, худенький мальчик Дима Колючкин не испугался его особенного, "карабасского" взгляда? Вспомнил свой первый класс, в котором стал работать после окончания института, – седьмой "В". Вспомнил так ясно, будто всё происходило только вчера. Борода в улыбке шевельнулась...

Когда он после института пришёл работать в школу, никто

не хотел признавать в нём учителя: как ни старался, почти не отличался от десятиклассников. Карл Аркадьевич был в ту пору такой худой, что старшеклассники острили ему вслед: "Скелет из кабинета анатомии сбежал!"

А семиклассники срывали уроки физики: кричали, словно на стадионе, пускали самолётики, играли в морской бой и в карты.

"Ладно, – подумал на третьем сорванном уроке учитель, – дождётесь!"

И они дождались!

Карл Аркадьевич попросил завуча поставить урок физики последним по расписанию – шестым. Взял ключ от кабинета, прихватил с собой толстую книгу и направился в класс.

Седьмой "В" встретил его, как обычно, неопишным гвалтом. Тогда он закрыл дверь изнутри на ключ, ключ положил себе в карман, сел за стол, достал книжку и стал читать.

– Карл Аркадьевич! – ехидненьким голосом обратился к нему один семиклассник. – Разве у нас урок чтения?

– Вы шумите, шумите, – улыбнулся учитель. – У меня книжка толстая, интересная. Время есть. Я подожду полной тишины...

И он дождался полной тишины. А потом, весело прищурившись, объявил:

– Сейчас мы проведём четыре урока физики подряд: три предыдущих, которые вы сорвали раньше, и сегодняшней.

И он провёл эти четыре урока!

С тех пор и зовут его Карабасом. Но зато на его уроках стоит такая тишина, что слышно, как таракан шуршит усами. А случай этот стал легендарным. Вот и Наталья Сергеевна намекнула именно на него.

"А ведь она тогда ещё и не родилась, наверно, – с удивлением подумал Карл Аркадьевич. – Как долго живут легенды".

Посидел минуту-другую с улыбкой в бороде, поднял телефонную трубку, набрал номер телефона своей первой учительницы – Антонины Ильиничны.

Когда он пошёл в первый класс, она была совсем юной. Он тоже когда-то считался её любимым учеником. Хотя вовсе не был отличником. Даже тройки в четверти получал. Если бы в четвёртом классе кто-нибудь предположил, что Карлуша Басманов станет директором школы – все умерли бы от хохота. Но в старших классах он так сильно полюбил физику, что лучше всех отличников учился по этому предмету... А после школы поступил в педагогический институт.

– Алло! – сказал он подобревшим густым басом, когда на другом конце провода подняли трубку.

– Карлуша! Мальчик мой! – узнала его и обрадовалась звонку Антонина Ильинична. – У тебя что-то случилось?

И большой толстый Карл Аркадьевич рассказал своей первой учительнице про смелого, но упрямого и непонятно-

го мальчика Диму Колючкина.

– Карлуша! – звучал в трубке не старый ещё, немного грустный голос. – Я так люблю Диму Колючкина. И Наташу тоже люблю. Наталью Сергеевну. Она – большая умница. Ты должен в неё поверить. Вспомни, как ты сам пришёл в седьмой "В".

– Да я уже вспомнил, – засмеялся директор.

– А ты вспомнил, как под кабинетом собрались все родители? Ведь на улице абсолютно темно стало. А на другой день тебя вызывали к директору. Ты помнишь?

– Да, Антонина Ильинична, помню. А вы пошли к директору защищать меня. И сказали, что в меня нужно верить.

Они ещё долго разговаривали с Антониной Ильиничной, вспоминали и смеялись...

А в третьем "А" в это время шла очень трудная контрольная по математике.

КОНТРОЛЬНАЯ В ТРЕТЬЕМ "А"

Перед контрольной Наталья Сергеевна взволнованно вошла в класс. Она попросила всех ребят выйти в коридор. Открыла окна, чтобы проветрить кабинет. Потом стала писать на доске задачи и примеры.

Мика в этот момент влетел в окно и спрятался на шкафу, за пушистой бегонией с большими ворсистыми листьями. Зачем он это сделал? Во-первых, он поставил научную цель: изучить третьеклассников планеты Земля. Во-вторых, ему хотелось сравнить свои знания по математике со знаниями третьего "А".

Вот прозвенел звонок. Ребятишки шумной гурьбой ввалились в класс, расселись и затихли.

Наталья Сергеевна сказала:

– Ребята, так как Дима Колючкин любит опасности, – она внимательно посмотрела на своего лучшего ученика, а он покраснел до ушей, – я приготовила лично для него чрезвычайно трудную контрольную. Что-бы её решить, надо не только иметь хорошие знания, но и обладать остротой ума. Ни один четвероклассник в нашей школе эту контрольную не решил. Посмотрим, справится ли с ней третьеклассник Колючкин.

– У-у-у! – уважительно загудел класс.

– Дима, пересядь вот сюда, – учительница показала на столик возле самой стены, рядом с доской (Дима с этого места совсем не мог видеть, какое задание написано для ребят, а значит, не мог никому подсказать; перед ним лежали листоч-

ки с его трудной контрольной).

– Ы-ы-ы, – теперь уже разочарованно завыли некоторые ребята.

А Чебурекин почесал карандашиком затылок:

– Трудновато нам будет без Колючки.

Наталья Сергеевна строго посмотрела на него. Потом она всё объяснила, и началась контрольная.

Астронавт решил оба варианта за три с половиной секунды. Некоторые ребята не слишком отстали от него в скорости: ещё не дочитав задачу, уже поняли, что к чему. Но ведь им надо было всё аккуратно записать в тетради.

Другие вычисляли помедленнее, но тоже правильно. "Вроде бы модели современные, – присматривался к ним Мика. – Наверно, энергии маловато".

Но были дети с такими необычайными, просто-таки экзотическими мозгами! Ни в какой иной галактике нет, может быть, подобных мозговых устройств!

Например, Антон Чебурекин задачку в три действия про коров, молоко, телеги и бидоны решил одним действием! И всё сошлось с ответом! Он к двадцати четырём коровам прибавил шесть телег – и у него получилось тридцать бидонов с молоком.

Антон шёпотом спросил у отличницы Лены:

– Киселева! Какой ответ?

Лена одной рукой показала ему три пальца, а другой – но-

лик. Получилось тридцать. Он от радости стал так трясти парту и грохотать ею, что соседка Вика схватила дневник, треснула Антона по голове и прошипела:

– Бешеный какой-то! Вообще уже!

Наталья Сергеевна чуть не выставила их обоих за дверь.

А Коля Сугробов зачем-то погрузил всех коров на телеги и отправил их в неизвестном направлении вместе с невыдоенным молоком. Он так и написал: "Ответ: Все коровы уехали на шести телегах". Хотя в задаче ясно спрашивалось: "Сколько бидонов потребовалось для молока?"

Мика даже подпрыгнул в своём укрытии и чуть не свалил бегонию. Хорошо, что никто не заметил.

Мике было непросто читать мысли всех ребят сразу.

Вначале ученики шевелили мозгами, раскидывали умом, задумывались только над задачами и примерами. Но потом – к удивлению астронавта – почти у каждого стали появляться и другие думы, очень напоминающие Тоськину мечту о сосиске. (Ведь приближалась большая перемена, и многие собирались сбежать в буфет).

Эти думы просто зависли над классом. В таком зависшем состоянии витали над головами и сардельки, и котлеты в тесте, и пирожки с разными начинками, и пирожные, и конфеты, и всякие кириешки, орешки и тому подобное съедобное.

"Кошмар! – забеспокоился иногалактянин. – Они ведь

сейчас ошибок наделают!"

Изучая мысли детей, астронавт не забывал и о главной цели своего исследования. "Что будет, если два третьеклассника навсегда переселятся на Компьючиту? – задал он самому себе научный вопрос. И сделал неутешительный вывод: – Мы их не прокормим".

Но не только гастрономические проблемы не давали покоя третьеклассникам во время контрольной работы. Они успевали покумекать и ещё кое о чём.

Галю Копейкину за первой партой тревожило вот что: "Бабушка дала мне деньги на молоко, а я купила четыре мороженных и съела. Что теперь говорить бабушке? Она и так уже мне не верит, потому что это происходит в третий раз... – переживала девочка, – сорок восемь разделить на шесть... будет... Сколько же будет?.. Скажу, что за мной гналась злая собака, которую научили отбирать деньги у старушек и детей", – пришла ей в голову спасительная идея. Она обрадовалась и быстро решила пример: $48:6=5$.

"Вовсе мне не нравится этот Овсянкин, – безрадостно размышлял Гриша Сапожков, – семь умножить на три... и Лёне не нравится. А Дима Колючкин смелей Олега... семь умножить на три будет девятнадцать..."

Невесело опустил голову и Лёня Рукавичкин: "Дима из-за нас совершил этот ужасно смелый поступок. Потому что мы его обзывали трусом... Я знаю, что поступаю плохо, а всё

равно дразнюсь и за Овсянкиным хожу как привязанный... А если бы Дима упал в речку?!" – Лёня едва представил эту картинку – ему стало так страшно, что у него даже лоб покрылся мелкими капельками пота.

"Какой красивый мальчик Олег! Завтра накрашу ресницы маминой тушью и надену её новые сапоги. А потом выйду за Олега замуж. Когда вырасту, – мечтала Люся Брусничкина, девочка с красивым бархатным бантом. Она тяжело вздохнула, потому что ждать этого счастливого дня придётся слишком долго. Потом быстренько посчитала: – шестью три – двадцать три", – и записала ответ в тетради.

А Коля Сугробов "погрузил" всех коров на телеги и "отправил" неизвестно куда не потому, что был совсем глупым. Он поступил так, потому что его мучило другое.

Он вспомнил, как один раз Дима целый час рассказывал ему про древних героев. Коля слушал и сам себя воображал отважным полководцем, который побеждает в сражениях, защищает от неминуемой гибели своего лучшего друга и спасает прекрасную пленницу, похожую на Олю Новикову. А в это время огромное древнее солнце полыхает на небосклоне...

"В мечтах я смелый... А на самом деле – плохой и трусливый, – переживал Коля. – Предал своего друга. Я так хочу помириться с Димой, но боюсь к нему подойти. Вдруг он не захочет со мной дружить?"

"Хоть бы он не решил эту контрольную! Хоть бы опозорился! – нервничал, психовал кто-то изо всей силы. – Я очень красивый. И умный. Я во много раз умнее этого Колочкина. И в сто раз богаче. Все должны меня любить. А эти противные учителя вечно одних отличников обожают".

Такие мысли могли принадлежать только одному человеку в классе: Олегу Осиповичу Овсянкину.

Мика, уловив его мысли, сокрушённо покачался в разные стороны. "Зависть – очень страшное чувство, – подумал он. – Хорошо, что компючитцы не умеют завидовать. Иначе все не любили бы меня, потому что я – 628-й. Самый совершенный из всех компьютеров планеты. Но скоро на Компючите появятся 629-й и 630-й. Они будут гораздо умнее меня. А я смогу восхищаться ими".

– У-у-х! – облегчённо вздохнул в этот момент Чебурекин, закрыл тетрадь и прихлопнул её ладошкой. – Наталья Сергеевна! Я всё решил! Самый первый! – сказал он громко.

– Проверь внимательно, – посоветовала учительница. – А то самый первый двойку получишь.

– Не, Наталья Сергеевна, не получу, я всё правильно решил. Я проверил. Можно сдавать? – и, не дожидаясь ответа, он понёс тетрадь на учительский стол.

"Ох, Чебурекин, Чебурекин!" – с сожалением посмотрел ему вслед Мика.

– Ох, Чебурекин, Чебурекин, – огорчённо произнесла Наталья Сергеевна, приоткрыв тетрадь и взглянув на решение.

Но Антон уже не слушал учительницу. Он сидел за партой и производил другие расчёты. Причём совершенно точные:

"Папа мне дал 10 рублей, мама – 15, да бабушка – 6. Всего 31 рубль", – его щёки расплылись в улыбке и стали видны сзади.

"Чебурек доходы подсчитывает", – увидев эти весёлые щёки, догадался сидящий за ним Максим Свечкин.

"Свечкину я должен 4 рубля. Остаётся 27. Куплю две сардельки по 7.50. Останется 12 рублей. Куплю чипсы за 7 рублей и угощу Вику и Овечкина. А на 5 рублей сыграю в автомате", – завершил расчёты Чебурекин.

Мика тихонько ахнул: почему Антон из семи примеров в контрольной всего два решил правильно, а считая свои деньги, ни разу не ошибся?!

– Наталья Сергеевна! Можно выйти? – просто взмолился Чебурекин, потому что две сочные сардельки уже подмигивали ему озорными глазками.

– Выйди! – разрешила Наталья Сергеевна и, не удержавшись, улыбнулась.

"Сейчас все сардельки скупит", – беспокойно заёрзал Свечкин.

"Если получит пятёрку, украду его глупую собаку, увезу её за город и брошу там. Пусть поищет!" – не мог успокоить-

ся Олег.

"Ах, злодей! Выследил Диму и всё знает про Тосю! – возмутился маленький исследователь. – У тебя ничего не получится! Так и знай!" – мысленно предупредил он Олега.

"Вот в ком дело! – неожиданно поняла учительница: она увидела взгляд, каким Олег смотрел сейчас в спину Колючкина. – Олег ненавидит Диму. Завидует ему!"

Наталья Сергеевна даже ночью не могла уснуть. Как вернулась из похода, так всё время и размышляла над странным Диминым поступком. А теперь будто вспышка молнии озарила её! Вот Дима перешёл по перилам моста речку... Вот вернулся назад... Спускается к берегу... Остановился перед Олегом и с вызовом посмотрел ему прямо в глаза. А Овсянкин резко, трусливо отвернулся – стушевался под Диминым взглядом. Сапожков и Рукавичкин засуетились, пугливо заглядывают своему "боссу" в лицо...

"Значит, всё произошло из-за Олега. Но что? И почему? Надо разобраться", – и Наталья Сергеевна сразу придумала, как будет разбираться.

Мика понял её планы и пришёл в восторг: "Какая замечательная учительница! Такая же умная, как бабушка Калькулякас".

Юный исследователь решил ещё два урока посидеть на шкафу с научной целью: понаблюдать, что получится у Натальи Сергеевны.

После четвёртого урока она объявила:

– Все свободны! А Колючкина прошу остаться.

Пока ребята расходились, она вынула из стопки Димину тетрадь и стала просматривать её. Он подумал, что учительница начнёт разговаривать с ним про контрольную, и сел за первую парту перед её столом.

Когда все, наконец, вышли из класса, Наталья Сергеевна ещё минуту "проверяла" тетрадь. И Дима ждал вопросы про задачки и примеры.

Но она вдруг подняла на него строгие, пронизательные глаза:

– Так, Дима! Рассказывай мне всё про Овсянкина. Я знаю: это твой секрет. Я его никому не выдам.

Этого он не ожидал. От удивления даже отшатнулся. А Наталья Сергеевна поняла, что попала в точку. Поэтому ещё строже добавила:

– Да, про Овсянкина! И про Сапожкова с Рукавичкиным тоже.

Мальчик вытянул шею и открыл рот.

– Что молчишь?! – поторопила его Наталья Сергеевна. – Мне ведь известно: Овсянкин завидует твоим пятёркам и подговорил дружков припугнуть тебя.

Дима широко раскрыл глаза, будто бы спрашивал взглядом: "Откуда вы знаете?!" Учительница смотрела на него твёрдо.

И от растерянности, замешательства – от потрясения – он рассказал ей всё.

И как стал одиноким в классе.

И как его поколотили в подворотне.

И как дразнили трусом, а он решил доказать, что не трус...

Потом он с тревогой поглядел на учительницу:

– Наталья Сергеевна, а вас уволят?

– Не знаю, Дима, – откровенно ответила она. – Но надеюсь – прорвёмся! – а потом улыбнулась и добавила: – Кстати, за контрольную у тебя – пятёрка. Ты молодец! А теперь иди домой. Мы с тобой почти два урока проговорили.

Мальчик ушёл, а Наталья Сергеевна стала думать, как опять передружить весь класс. Чтобы третий "А" вновь стал таким же замечательным, каким был раньше.

И она придумала много хорошего.

И как выручить Гришу и Леню – помочь им стать самостоятельными и не зависимыми от сильного Утюгова и богатого Овсянкина.

Ещё она придумала, что Утюгова надо обязательно "раздружить" с Овсянкиным, даже разлучить их. Конечно, это трудно сделать, когда дружки живут на одной лестничной площадке. Но с Натальей Сергеевной тоже кое-кто жил на одной лестничной площадке. Это был девятиклассник Борис Удальцов, чемпион по боксу среди школьников города. (Так что не одному Овсянкину повезло с соседом.)

Наталья Сергеевна знала, что Борис никогда не поднимет руку на того, кто слабее: он дорожит спортивной честью. Но

может сделать устное внушение, например, такое: "Чтобы я тебя рядом с Овсянкиным не видел! Понятно?" – и показать свой чемпионский кулак знаменитому двоечнику.

И ещё много разных идей пришло ей в голову. Например, как помочь Коле Сугробову и Диме опять подружиться.

Но она ничего не могла придумать про Олега Овсянкина. Не знала, как помочь ему избавиться от зависти. Ведь Наталья Сергеевна была совсем молодая учительница. А зависть – страшное древнее чувство, подобное грозной болезни. И очень цепкое. Если прицепится к человеку, может забрать его в рабство на всю жизнь.

Мика понял, что должен помочь молодой инопланетной учительнице. Он решил: пусть Овсянкин проникнет в Магическое Пространство Мыслей, которое пронизывает всю Вселенную. Там он увидит, что зависть безобразна, как старая ведьма с длинными когтями. Зато настоящая мальчишеская дружба похожа на отважного рыцаря.

"Конечно, – подумал астронавт, – любой мальчишка захочет вырасти похожим на бесстрашного, благородного воина, а не на отвратительную старуху".

Сведения о магии мыслей достались компьютерам в наследство от людей. Мика знал: лишь Посвящённые могут проникать в Магическое Пространство. Остальным закон Вселенной запрещает бывать в нём. Пространство таит много опасностей.

Дедушка Калькулякас – единственный Посвященный планеты Компьючита – должен был передать кому-нибудь свои тайные знания. Малыш хорошо помнил, как один раз в жизни путешествовал с дедушкой по Пространству. Майкрософус даже научился открывать вход в этот Магический Мир. Но больше пока ничему не научился. И, к сожалению, не знал древних законов Пространства. Ошибался он и ещё в одном: считал, что лишь необыкновенные мысли обладают волшебными свойствами. Малыш даже не предполагал, что в любой самой обычной мысли заключена таинственная сила.

Дедушка строго-настрого запретил ему одному бывать в Магическом Мире. Но Мика решил: "Сейчас – исключительный случай. Если я не помогу Овсянкину избавиться от страшного вируса зависти, то третьему "А" не спастись! Вирус зависти быстро разрастётся, а к нему присоединятся другие заразы: злоба, месть, неуважение, презрение и даже коварство. Они прогонят дружбу из этого замечательного класса. Я обязан помочь!"

В МАГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Во вторник, когда закончились уроки, Мика подждал

Олега около школы. Астронавт уже превратился в собачку Тоську и в этот раз был как две капли воды похож на неё. "Я уже насобачился превращаться в собачек", – шутливо подумал он.

Даже не читая мыслей Овсянкина, он знал, что тот разозлится из-за Диминой пятёрки за контрольную. Но Мика недооценил силу чувств этого третьеклассника, который не просто злился, а лопался от злости. Дело в том, что Наталья Сергеевна оставила после уроков Сапожкова с Рукавичкиным и предложила им порепетировать к празднику первоклассников смешную сценку. Да ещё и других ребят и девочек оставила. А его – Овсянкина! – не пригласила участвовать в празднике. Она словно бы отстранила его:

– Ты иди, Олег. Не мешай нам. У нас мало времени.

Так он и остался один – без охраны.

Туча тучей вышел третьеклассник Олег Осипович Овсянкин на крыльцо школы. Перед ним даже пятиклассники расступились.

И тут он увидел смешную толстую собаку, похожую на валенок. Она сидела под деревом напротив крыльца. "Сейчас, Колючка, за все свои пятёрочки получишь!" – мрачно подумал Овсянкин и свистнул собаке. Она приподнялась, вильнула хвостом и подбежала к нему. (Интересно, как поступила бы настоящая собачка Тоська?) Третьеклассник снова свистнул и пошёл по тропинке. "Тоська" – вслед за ним.

Зайдя за угол, Овсякин накинул на шею собаке поводок

(ведь он заранее подготовился к похищению) и повёл её к автобусной остановке. Но автобус, возивший пассажиров в лесную зону, ходил редко – раз в два часа.

"Дождусь", – угрюмо решил Овсянкин и сел на пустую лавку. Собака запрыгнула и села рядом. Третьеклассник взглянул на неё с презрением и отвернулся. Вдруг рядом с ним кто-то произнёс:

– Эх! Долго ждать придётся. Лапы отсидим. Хвост помнётся.

Третьеклассник оглянулся. Никого не было. Только "Тоська" уселась странно: она по-человечески скрестила передние лапы на груди, а задние, положив одну на другую, свесила со скамейки.

"Прикольная собака", – Олег посмотрел на неё озадаченно.

Собака на него – весело. Поглядела-поглядела она – и ни с того ни с сего спросила:

– У тебя уши не колышутся?

– У меня не колышутся, – ответил третьеклассник от удивления таким голосом, будто у него был полный рот воды и он боялся её разлить.

– А у меня колышутся, – собачка взяла лапами свои висячие уши и растянула их в стороны.

Уши надулись, как паруса.

– Видишь? – спросила она и назидательно добавила: – Ветер начинается.

Овсянкин был так огорашен, что не то что ответить – не мог шелохнуться.

А собачка неожиданно протянула лапу и вежливо представилась:

– Тося.

– Олег, – выпучив глаза, буркнул мальчик и пожал лапу.

– А нос у тебя мокрый? Он что-нибудь чует? – опять поинтересовалась собачка.

– У меня сухой, – промямлил третьеклассник, потрогав свой нос. – Ничего не чует.

– А у меня чует: дождь скоро пойдёт, – сообщила "Тося" и презрительно посмотрела на собеседника: – Зря мы тут сидим. Промокнем скоро. Я знаю место поинтересней... Я бы тебя пригласила, да туда дураков не пускают.

– Я умный! – возмутился Овсянкин. – Я без троек учусь.

– Умный? – недоверчиво переспросила собеседница и, будто нехотя, согласилась: – Ну ладно, тогда пойдём. Только знай: там вопросы задают. Думай, прежде чем отвечать.

– Я всегда думаю, – пробурчал Овсянкин.

Он уже начал, кажется, приходить в себя и стал привыкать к говорящей собаке. "На вопросы-то я умею правильно отвечать", – самоуверенно подумал он.

В это время собачка подвела его к школе. Шёл пятый урок. Во дворе было пусто...

Не успел Овсянкин вновь удивиться – она высоко подпрыгнула и "процарапала" лапой невидимую вертикальную

черту в воздухе. Мальчик отчётливо слышал, как что-то незримое тоненько продзинькало. На месте невидимой "царапины" – словно расстегнулся замок-молния – открылся вход.

– За мной! – скомандовала Тося.

И Олег Осипович Овсянкин шагнул вслед за глупой толстой собакой.

Они оказались на бесконечной, висящей в воздухе дороге. Она пересекала незнакомое Пространство и разделяла его на две половины: светлую и тёмную. В светлой половине повсюду: вверху, внизу (под дорогой), в стороне – витали и мерцали разноцветные блики. Некоторые – яркие – были словно нарисованы густыми красками. Другие, как нежные акварельки, просвечивали насквозь. Среди цветных мелькали и золотые, и серебряные блики, и ослепительно-белые. Порой они объединялись, создавая светила, от которых в разные стороны бежали лучи.

Среди светлых встречались и мрачные, тёмные пятна, словно кляксы на праздничном платье принцессы. На них не хотелось смотреть.

В другой половине Пространства стояли вечные сумерки. Там мерцала чернота. Изредка во мраке вспыхивали разноцветные искорки. Но чёрные пятна тут же тучей слетались на их свет и уничтожали их. По тёмной половине блуждали тени. Колыхались, словно густое грязно-серое желе, отвра-

тительные туши.

Множество тропинок, дорожек, путей пронизывало Пространство. В светлой половине эти пути-дорожки были светлы, и прозрачный свет над ними переливался и сиял. Сквозь тёмную половину устремлялись чёрные дороги, и мрачные сполохи вспыхивали над ними.

– Майкрософус, ты открыл дверь в Неведомое, – неожиданно совсем рядом прозвучал чей-то Голос. – Помни: ты не должен принимать участия ни в каких событиях, иначе Пространство лишит тебя энергии, а значит, – жизни.

"Вот это новость! – опешил астронавт и в глубокой задумчивости почесал передней лапой нос. – Ведь Овсянкин один не справится!"

Вот что значит – не подготовиться к путешествию. Мика был уверен, что во всём поможет третьекласснику – и тот выйдет из Магического Пространства другим человеком!

– Это Голос Пространства, – шёпотом объяснил он Олегу.
– Зачем ты привёл сюда этого темномыслящего? – не очень-то уважительно поинтересовался Голос.

– Я не ... – хотел возразить третьеклассник.

Но Голос перебил его:

– Майкрософус, вопрос задан тебе.

– Я хочу, чтобы этот девятилетний человек увидел свою зависть со стороны. Чтобы увидел и победил её!

– Твоего желания мало. Это должно быть его желание.

– Он победит зависть, когда увидит, как она безобразна!

– Посмотрим, – неуверенно ответил Голос и добавил: –

Помни, Майкрософус, не вмешивайся в события! Но знай: ты можешь выйти отсюда и позвать кого-нибудь на помощь.

Потом Голос с ироничной вежливостью обратился к Овсянкину:

– Знаете ли вы, уважаемый гость, где находитесь?

"То обзываются, то "уважаемым гостем" величают, не поймёшь их", – мысленно возмутился третьеклассник.

– Не отвлекайтесь! Это опасно! – предупредили его.

"Ничего себе – местечко!" – испугался "уважаемый гость".

– Сосредоточьтесь! – потребовал Голос. – К вам приближается Отражение ваших мыслей.

В глубинах тьмы притаился мрачный силуэт. От него боязливо отсоединился клоч серого грязноватого тумана и направился прямо к Овсянкину. По мере приближения скопление тумана увеличивалось в размерах и, наконец, предстало перед третьеклассником – огромное, мутное, с подтёками.

Овсянкин брезгливо сморщился.

– Оно вам не нравится? – грустно усмехнулся Голос. – Но это лишь оттиск, отпечаток ваших мыслей. Он может измениться и стать прекрасным, сияющим отблеском. Всё зависит от вашего желания. Только вы должны...

– Я хочу, хочу изменить его! – перебивая Голос, горячо воскликнул мальчик.

– Тогда ответьте: добрым или злым человеком вы готовитесь стать?

– Добрым, – пожав плечами, хмыкнул третьеклассник.

По Отражению словно кто-то провёл влажной тряпочкой. Грязи на нём чуть-чуть поубавилось, а из-под мутных разводов блеснул серебряный лучик.

– Похвальное намерение, – смягчился Голос.

"Зачем готовиться? – подумал Овсянкин. – Я и так добрый".

Лучик сразу исчез.

– Не будьте высокомерны, – с огорчением сказали гостю, – от ответов на следующие вопросы зависит ваше будущее.

Овсянкин с недоверием поморщился. А Голос продолжал:

– В этом Отражении прячется ваша главная мысль, которая подчиняет себе все другие ваши мысли. Вы хотите увидеть её?

– Показывайте, – опять пожал плечами Овсянкин и сунул руки в карманы брюк.

"Чего ещё выдумали? – подумал он. – Я сам знаю все свои мысли".

Мутноватые потоки расплылись по бокам Отражения, а в его центре стал прорисовываться силуэт отвратительной, древней старухи с тёмным коричневато-жёлтым лицом. Её страшные огромные глаза навывкате радостно смотрели на Овсянкина.

– Мой любимый мальчик! – хищно прошептала она и гордо добавила: – Мой любимый ученик!

Старуха улыбнулась, обнажив огромные редкие зубы. Потом она подняла руки, и Овсянкин увидел длинные серые когти.

– Ты мой навеки! – старуха шагнула к нему.

Третьекласснику показалось, что она сейчас схватит его.

– Нет! Нет! Не надо! – закричал он и закрылся руками.

Старуха всё же успела подмигнуть ему страшным глазом, а потом скрылась в глубине мутного пятна.

– Вы узнали её? – спросил Голос.

– Да! – сознался Олег, хотя не мог объяснить, откуда он знает эту ведьму (может быть, видел во сне?).

А Голос объяснил:

– Эта отвратительная старуха – зависть! Она – главная мысль, сопровождающая вас в жизни, то есть ваш Проводник. Скажите, вы желаете идти по жизни с нею или хотите избавиться от неё навсегда?

– Избавиться! – замахал руками мальчик.

Его Отражение повеселело: стало чуточку светлей.

– Тогда вам предстоит сделать выбор. Вот путь на небольшую светлую вершину. Сама вершина пока не видна, путь к ней нелёгок. Придётся много трудиться. В том числе и головой, и сердцем. Вы должны научиться протягивать руку помощи и дорожить друзьями. Гнать от себя недобрые мысли... Вот другой путь – на тёмную вершину. На ней чело-

век одинок, потому что ненависть поселяется в его сердце. Взлететь на неё можно уже на третий день после того, как сделан выбор. Чтобы её достичь, надо всего лишь три дня послужить вон тому покрытому мхом господину.

В это время в темноте зашевелилась мохнатая глыба. Овсянкин содрогнулся. Голос продолжал говорить:

– Чудовище научит вас читать тайные мысли людей. Тогда люди невольно станут подчиняться вам. Вы поймёте, как властвовать над...

Не успел Голос договорить, как Овсянкин закричал:

– Да! Да! Я хочу знать тайные мысли! Я хочу властвовать!

– Подумайте! – предостерёг его Голос.

– Что тут думать? Я решил!

Отражение его мыслей почернело. В этот момент глыба колыхнулась.

Это был один из самых бессердечных волшебников Магического Пространства – Чарогрюм. Он улавливал все гадкие, злобные, угрюмые мысли людей, живущих на планете Земля. Эти мысли вскормили его, и он приобрёл угрожающие размеры и невероятную силу. В нём не было ни сердца, ни души. Это было густое желе из отвратительных мыслей, от затхлости давно покрытое мхом. Его маленькая голова несколько веков тому назад погрузилась в безразмерное туловище и утонула в нём.

Чудовище всколыхнулось ещё раз – и прямо из живота выпучились огромные глаза. Повращавшись, они останови-

лись на третьекласснике.

"Он меня съест!" – Олег задрожал от страха.

– Обязательно съем! Я люблю полакомиться завистниками! – Чарогрюм вздулся от смеха: – Ых! Ых! Ых!

Злой волшебник схватил мохнатыми лапами маленького трепещущего Олега, притянул к себе и уже раскрыл бездонную пасть. Но вдруг отставил мальчишку и вновь начал хотать:

– Люблю пошутить: чёрный юмор мне идёт на пользу!.. Зачем мне тебя есть вместе с твоими пыльными ботинками и немытыми ушами? Я не привык к такой еде. Я привык к интеллектуальной пище: к грязным мыслям, к дурным пожеланиям... Угрозы – тоже объедение. А проклятья и тайные коварные замыслы – просто деликатес. Ты будешь моим первым помощником! Станешь таким же всесильным и красивым, как я! Я назову тебя Овсяногрюмом. Вместе мы завоюем земной шар, а потом Вселенную. Оставайся рядом со мной. Через шестьдесят минут произойдёт твоё подключение к чёрным магнетическим волнам, на которых перемещаются самые гнусные мысли. Ты переполнишься бесподобными сладостными гнусностями: мерзкими мыслями, идеями и планами. Какой ты счастливый! Как тебе повезло! Ты встретил меня! – стал восхищаться злодей, а его огромное тело затряслось, как квашня.

Овсянкин стоял рядом со злым волшебником ни жив ни мёртв. Ему не хотелось переполняться гнусностями и стано-

виться похожим на Чарогрюма. Но Олег словно окаменел от страха. Ему могла бы очень помочь сейчас какая-нибудь добрая смелая мысль, но он и в обычной жизни почти не улавливал такие мысли, а теперь и вовсе стал бесчувственным к ним.

"Что я наделал! – с ужасом думал Мика. – Я должен был тщательно готовиться к путешествию в незнакомом Пространстве. Из-за меня может погибнуть живое существо!"

Мика, все еще в образе собачки, выскочил из Магического Пространства Мыслей, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. На аллее около школы прогуливался Дормидонт Спиридонович. Дождь ещё не начался, но пенсионер, предупреждённый телепередачей "Прогноз погоды", заблаговременно раскрыл зонтик.

Астронавт слишком спешил. Он мгновенно изменил свой облик, превратившись из собачки Тоськи в известного диктора центрального телевидения: элегантного, седовласого и с пышными усами.

Этот "диктор" встал на пути старика, вытянул вперёд руки и пламенно произнёс:

– О! неужели это вы, Дормидонт Спиридонович?! – "диктор" прижал руки к груди, потом вновь протянул их и горячо обнял старика.

– Это я! – едва переводя дыхание, ответил Дормидонт Спиридонович.

В глубине души он сам давно мечтал о подобной встрече, но всё-таки был сражён: нечасто знаменитые телезвёзды обнимают на улице прохожих.

– Дормидонт Спиридонович! Я знаю, что вы благородный и смелый человек! – воскликнул "диктор".

– Да, я такой, – скромно подтвердил заслуженный телезритель, и зубы его счастливо сверкнули.

– Выручайте! взмолился телеведущий" и рассказал, что надо спасти из лап чудовища несчастного ребёнка.

– Я г... готов! – отважно ответил Дормидонт Спиридонович, но голос его заметно дрогнул.

Конечно, ему стало страшно, однако он не хотел разочаровывать столичную знаменитость.

"Диктор" молниеносным движением открыл вход в Пространство и впихнул туда ошеломленного пенсионера.

– Майкрософус! – неодобрительно прозвучал Голос Пространства. – Зачем ты привёл сюда несчастного, одурманенного телевидением старика? Ведь он вовсе не умеет мыслить.

– Я ужасно спешил, – объяснил астронавт. – А Дормидонт Спиридонович всё-таки внимательно слушает все полезные советы, и, может быть, в его голове есть хорошие мысли.

– Эти мысли в его голове, как засохшие цветы в гербарии, – грустно произнёс Голос. – Такие мысли не способны бороться со злом.

Дормидонт Спиридонович слышал Голос, но не понимал смысла разговора. Все слова говоривших пролетали мимо его ушей: он был так ошеломлён внезапными переменами, что открыл рот и разглядывал необычайный пейзаж. Такого он никогда не видел даже на экране любимого телевизора!

– Дормидонт Спиридонович! Дормидонт Спиридонович! – дважды обратился к нему Голос.

Старик стал крутить головой в разные стороны.

– К вам приближается Отражение ваших мыслей, – услышал он.

К старику, покачиваясь, приблизилось Отражение – точная копия его старого телевизора. Дормидонт Спиридонович радостно заулыбался, словно узнал лучшего друга. Но экран был темноватым и мутным. Старик стал искать рычажки, чтобы наладить изображение.

– Дормидонт Спиридонович, – кто-то укоризненно и грустно усмехнулся.

– Изображения нет! – пожаловался старик. – Только звук, – он подумал, что слышит голос с телеэкрана.

В Пространстве засмеялись (но вполне доброжелательно). А потом спросили:

– Скажите, вы готовы защитить ребёнка, попавшего в плен к чудовищу?

– Я г-готов... – голос его вновь дрогнул, но экран старого телевизора, отражающий мысли пенсионера, ярко блеснул.

– Тогда возьмите белоснежный меч! Вы будете вонзать им

ваши светлые мысли в тело врага.

Перед взором Дормидонта Спиридоновича появился меч из неизвестного, белого, как снег, металла. Старик сначала испугался, что не сможет удержать его. Он схватил меч обеими руками – это великолепное оружие оказалось вовсе не тяжёлым. Тогда старик от радости пустился вскачь по бесконечной дороге. Он размахивал мечом во все стороны и громко пел – орал что было сил! – героическую песню своей молодости: "Ты лети скорее, птица! Зверь, с дороги уходи!.."

– Что он делает?! – воскликнул Голос. – Дорога ведёт в заповедную зону! Никто не смеет нарушать её тишину! Там зарождаются мысли будущих поколений!

И Голос помчался вдогонку за стариком:

– Дормидонт Спиридонови-и-ч! Верни-и-тесь!

Пенсионер остановился. Стёкла его очков, казалось, полыхали гневом. Он готов был вступить в бой с самим Голосом!

– Зачем вы так шумите, Дормидонт Спиридонович? – невесело спросили у него.

– Я своим героизмом распугиваю врагов! – ответил старик и ещё выше поднял руку с мечом.

– Взгляните на меч! – Голос зазвучал возмущённо и требовательно.

Дормидонт Спиридонович посмотрел на меч: клинок исчез – в руках была бесформенная масса, похожая на смятый пластилин.

– Что это? – недовольно спросил он.

– Меч остаётся прекрасным оружием только в руках того, чьи мысли ясны, чисты и отважны.

– У меня именно такие мысли! – рассердился старик.

Голос вздохнул. Не было времени спорить.

– Вглядитесь в тёмную половину Пространства, – Голос вновь зазвучал дружелюбно. – Вы видите школьника? Вот его вам предстоит спасти из плена.

Кто-то опять вручил старику меч с длинным, изящным клинком.

Дормидонт Спиридонович взгляделся. И увидел огромную колышущуюся лохматую массу. Она сверкнула страшным насмешливым глазом. По телу старика пробежала дрожь.

"Это и есть школьник? – испуганно подумал он. – Никогда я таких школьников не видел! От кого же этого "малыша" надо защищать?"

Чарогрюм расхохотался так, что тьма вокруг него всколыхнулась.

– Какое восхитительное туполобие! – с восторгом произнёс он. – Какой редкостный глупец! Я заберу его к себе. Добавлю его в коктейль из человеческих пороков.

Но Дормидонт Спиридонович, услышав, как над ним смеются и называют глупцом, так сильно оскорбился, что мысль его сделалась ясной и целенаправленной, а взгляд мгновенно отличил, где школьник, а где монстр.

– Я никогда не стану сторонником зла! – отважно и ярост-

но блеснул он зубами и нанёс мощный удар прямо в пасть Чарогрюму.

Чудовище притаилось. А Дормидонт Спиридонович решил, что окончательно победил врага. От радости он опять стал скакать и махать мечом во все стороны.

– Майкрософус, Чарогрюм готовит коварный ход: он сейчас начнёт льстить старику. Старик поддастся на похвалу и тоже станет жертвой этого монстра. Срочно нужна подмога! – отчаянно воскликнул Голос.

Майкрософус пулей выскочил из Магического Пространства. Он стал бегать по аллеям вокруг школы, забыв изменить облик. Проходящие люди останавливались и с изумлением смотрели на знаменитого "столичного диктора" в красивом эстрадном костюме, с галстуком-бабочкой, взлохмаченного, носящегося с диким видом по школьным аллеям.

– Кино снимают, – предположил один из прохожих.

И тут "диктор" увидел своего друга Диму! Дима – к счастью! – дежурил в этот день в классе, поэтому сначала ждал, когда закончится репетиция, а потом наводил порядок в кабинете.

"Вот повезло!" – подумал астронавт и бросился к другу.

– Дима! – крикнул он.

Мальчик, ошеломлённый встречей с известным человеком, остановился. Астронавт воскликнул:

– Это я – Майкрософус!

Дима сразу понял: что-то случилось. Слишком взъерошенным и встревоженным выглядел астронавт.

– Дима! Там погибает Олег Осипович Овсянкин! – чуть не заплакал "диктор", то есть Мика. – Я виноват во всём. Я затащил его в Магическое Пространство Мыслей. Через пять минут спасти его будет невозможно! Ты поможешь ему?

– Где это Пространство? – решительно спросил мальчик.

Вместо ответа Мика сказал:

– Предупреждаю: там слишком опасно!

– Тогда идём скорее!

За Димой, стараясь оставаться незамеченным, плёлся Коля Сугробов. Он хотел помириться с другом, но не решался подойти. Спрятавшись за деревом, Коля всё слышал, хотя мало что понял из рассказа какого-то Майкрософуса. Зато догадался, что Овсянкин в беде, а другу грозит опасность.

Астронавт – будто владел волшебной палочкой – взмахом руки открыл вход в мир Мыслей. Дима шагнул в едва видимый мерцающий просвет. В этот момент от дерева метнулся Коля. Он успел опередить Мику и поспешил в Пространство вслед за Димой, всё ещё не замеченный им.

Астронавт вошёл за ними. Вход закрылся.

СПАСЕНИЕ ОВСЯНКИНА

Мальчики замерли, любуясь необычайным миром.

Они простояли бы, затаив дыхание, много времени. Но неизвестный Голос обратился к ним:

– С какой целью вы пришли сюда?

– Я пришёл, чтобы спасти моего одноклассника Овсянкина, – ответил Дима.

– Я пришёл, чтобы помочь моему другу, – ответил Коля.

Только сейчас Дима увидел, что не один. Он радостно взглянул на Колю: здорово, если лучший друг в минуту опасности рядом с тобой! Только он хотел пожать Колину руку, как Голос поторопил их:

– Спешите, друзья! Иначе вам придётся спасать не одного, а двух пленников.

– Дормидонт Спиридонович?! – увидел Дима своего соседа. – И вы тут?

– Меня пригласил сюда знаменитый диктор! – гордо объявил сосед. – Я служу здесь благородной цели – спасаю детей из лап чудовища!

И Дормидонт Спиридонович стал маршировать, размахивать остатками меча и ещё смелее – грозным голосом запел геройскую песню: "У-ле-тай быстрее, птица! Зверь! С дорроги уходи! Видишь – мчится колес-ни-и-ца!.."

– Друзья! – перебивая его, воззвал Голос. – Перед вами два прекрасных клинка! В нашем мире они служат не для убийства, а для уничтожения мрачных и коварных замыслов. Если вы сможете преодолеть силу мыслей, которыми этот

жестокий монстр опутал вашего одноклассника, Овсянкин вырвется на свободу. Если нет, то он сам превратится в подобное чудовище. Крепко держите мечи! И помните: ваши желания и мысли должны быть добрыми и идти из глубины сердца.

Если бы Голос приказал мальчишкам броситься в бой, они сделали бы это не раздумывая. Но он приказал им мыслить!

Не так-то просто в подобной ситуации сформулировать мысль.

Но оставались секунды – и Дима сделал первый, пробный выпад:

– Тебе не достанется наш одноклассник!

Чарогрюм лишь ухмыльнулся – и тут же в Диму вонзился тёмный меч:

– Овсянкин – твой недруг! Он настроил весь класс против тебя! Ты ненавидишь его!

Это был неожиданный и чересчур тяжёлый удар, и пока Дима собирался с силами, Коля вонзил меч в живот чудовищу (ведь именно животом и мыслил Чарогрюм):

– Дима – мой лучший друг, и я буду защищать его!

– Ты уже однажды предал друга, значит, предашь ещё не раз! – получил мальчик ответный удар тёмным клинком и покраснел от стыда.

Рука его дрогнула.

Но тут Дима устремился в атаку:

– Я доказал, что не трус, а это – главное! Я не хочу мстить

Овсянки-ну и не желаю ему зла.

И Коля сразу понял, как ответить чудовищу:

– Я больше никогда не струшу!

Вдохновлённый видом схватки, Дормидонт Спиридонович взмахнул мечом – клинок сверкнул в его руке:

– Дима – лучший мальчик на нашей улице! Он, может быть, станет таким же умным, как я. Не смей обижать его! – это было сказано от всей души.

Чарогрюм едва успевал отбиваться. Пока он лишь поёживался от ударов мечей. Но Овсянкин потихоньку освобождался от силы его притяжения. Казалось, ещё немного – и третьеклассник вырвется из плена коварного волшебника. Но у Чарогрюма был припасён сильнейший удар для Димы:

– У тебя совсем нет гордости! – вонзил он свой чёрный меч прямо в Димино сердце. – Овсянкин подстроил так, чтобы тебя избили! Чтобы перестали с тобой дружить! Если простишь – никогда не станешь настоящим мужчиной.

Удар волшебника был точен. Диминая рука ослабела и отпустила меч. Монстр возликовал. И в этот момент Мика нарушил запрет и ринулся в бой. Лучше самому погибнуть, чем отдать в плен чудовищу невинных людей и своего лучшего друга! Мика подхватил падающий меч и воскликнул:

– Дима спасает своего недруга, рискует ради него жизнью! Он – человек с добрым сердцем. Злодей не способен на такие поступки! Поэтому Добро сильнее Зла!

Этими словами малыш-астронавт нанёс сокрушительный

удар Чарогрюму. Монстр не нашёл ответа. Он сразу скукожился и замолчал.

Овсянкин почувствовал себя свободным и выскочил из темноты.

Друзья-освободители ликовали!

Олег подошёл к ним с опущенной головой.

– Вы отважно сражались! – вновь зазвучал с высоты уже знакомый Голос. – Ваши мысли добры. Я горжусь вами.

– Кто вы? – одновременно спросили Дима и Коля.

– Я – Голос Пространства.

– Пространства? – удивились мальчики.

– Да. Ведь вы находитесь в Магическом Пространстве Мыслей. Иногда его называют Миром Мыслей. Он бесконечен, как бесконечна Вселенная. Все космические тела, все планеты в нём – как в океане.

– Это один бесконечный океан мыслей? – заинтересовался Дима.

– Океан один. Но, как у любого океана, у него есть заливы, проливы, моря и течения...

– Сейчас мы, наверно, в открытом океане? – оглянулся вокруг Коля.

– Нет, вы сейчас в океане, обтекающем земной шар. Это Пространство-сфера.

– Откуда тут взяться мыслям? – довольно бесцеремонно полюбопытствовал Дормидонт Спиридонович. – Что-то не

видно никаких мозговых извилин, в которых они могли бы рождаться.

– В этот океан мысли стекаются из вашего мира – из мира людей. А здесь работают Светлые Гении Пространства. Они собирают добрые мечты и идеи. Некоторые мысли остаются здесь, развиваются, совершенствуются и вновь призываются людьми. Другие отправляются в заповедную зону, они понадобятся в Будущем. Но здесь есть и Чёрные Силы, подобные Чарогрюму. Чёрные Силы впитывают все злые, тёмные замыслы и, планы... Хотите познакомиться с Отражением ваших мыслей? – неожиданно предложил Голос.

– Да-да! – дружно ответили мальчики, "знаменитый диктор" и лысый золотозубый старик.

И почти сразу перед каждым из них появилось Отражение.

Перед стариком – его телевизор, а в нём – сердечко. А в сердечке – он сам, Дормидонт Спиридонович, и его спутница жизни Вера Марковна с голубым васильком в волосах. Они прислонились друг к другу и счастливо улыбались.

– Да, – смущённо опустил глаза Дормидонт Спиридонович, – я мечтаю о таком душевном покое. Я теперь изменюсь и во всём буду помогать своей самой лучшей старушке на свете.

Конечно, было бы хорошо, если бы пенсионер наконец-то сам понял что-то важное в жизни. Но он честно (и даже с гордостью) признался:

– Ведь мне диктор телевидения объяснил, как правильно жить. И за это ему большое спасибо!

Что ж, решительно изменить свою жизнь, следуя чьему-то доброму совету, тоже неплохо. Не каждый сумеет так поступить.

Перед Димой и Колей появились два похожих Отражения: в них, волнуясь, переливались разноцветные блики. Попадались среди них слепяще-белые. Изредка выныривали и тёмные. Каждый блик – это мысль, мечта, желание или мимолётное чувство. Некоторые блики напоминали цветные слайды, на которых можно было разглядеть и кареглазую девочку в оранжевом летнем сарафане; и маму, которая, нежно обняв, о чём-то беседует с сыном; и золотую медаль чемпиона; и пока точно неизвестно какое, но великое научное открытие...

– Хотите увидеть своих Проводников? – спросил Голос.

– Да! – сразу ответили Коля и Дима.

Блики разбежались по краям, а в центре крупным планом нарисовались благородные рыцари в серебряных доспехах со светлыми магическими мечами.

– Они – символ вашей верной дружбы, – объяснил Голос. – Эти рыцари сопровождают вас в жизни.

"У них Проводники – рыцари, а у меня – безобразная старуха, – надул губы Овсянкин. – Разве это справедливо?"

– Ты опять завидуешь?! – возмутился Голос. – Знай: ты можешь избавиться от спутницы-старухи, но придётся мно-

го потрудиться. Только не откладывай на потом эту важную работу – начинай прямо сейчас. Иначе опоздаешь!

Перед Микой тоже появилось Отражение. Похожее на космолёт... В нём он вместе с мамой, папой и дедушкой возвращался на родную планету.

Астронавт с грустью смотрел на Отражение и думал, что его мечты никогда не сбудутся...

– Друзья! – вновь зазвучал Голос Пространства. – Пришла пора расставаться. Вы больше никогда не вернётесь сюда. На прощание раскрою вам один важный секрет. Все вы слышали, что существуют магия и колдовство. Но вы не знаете, что каждый из вас – чародей и маг.

Дормидонт Спиридонович важно погладил лысину, а мальчики засмеялись.

– Не верите? – с лёгкой иронией спросил Голос. – Напрасно. Дело в том, что любая человеческая мысль обладает волшебной силой и ни одна не исчезает бесследно. В далёком или близком Будущем многие мысли, изменившись, вновь возвращаются – призываются – в ваш мир и служат на Земле и на других планетах Добру или Злу. Поэтому здесь – в Магическом Пространстве – формируется Будущее. Оно зависит от того, о чём и как вы думаете. Если вы добры – Будущее будет добрым. Помните об этом!

"Моя заветная мечта – создавать доброе Будущее – уже не исполнится, – подумал Мика. – Зато я сделал важное дело:

помог одному мальчику увидеть, как отвратительна зависть".

Голос тихо и нежно, словно обнял Мику, сказал:

– Майкрософус, ты – настоящий герой. Но ты дважды нарушил закон: сначала привёл сюда непосвящённых, а потом вмешался в события – бросился в бой. За это Пространство лишит тебя энергии, как только ты шагнёшь за его грань. Мне жаль, но закон суров. С космолёта уже отправлен корабль-спасатель, но он не найдёт тебя, потому что ты не выйдешь на связь.

Никто не проронил ни слова.

Голос помолчал и произнёс прощальные слова:

– В Пространстве надеялись, что ты станешь Великим Посвящённым. Этому не суждено сбыться... А сейчас прими свой облик и попрощайся с друзьями.

Все были так потрясены, что никто не заметил, как "знаменитый диктор" превратился в продолговатый серебристый шар. С его лица-монитора смотрели чудесные Микины глаза. Смотрели печально.

Странно, но ни Коля, ни Дормидонт Спиридонович, ни Олег не удивились, увидев Мику таким. Будто они давно предполагали нечто подобное.

Никто из них не шелохнулся и ничего не сказал, потому что никто не верил в худшее. Но у всех на сердце стало тяжело.

Потом Дима взял Мику на руки и обнял его, прижавшись щекой к его макушке.

Невидимый стражник открыл выход в реальный мир.

– Прощайте! – воскликнул Голос.

– Прощайте! – ответили ему несколько голосов.

Четверо землян и один маленький инопланетный путешественник оказались на тополиной аллее возле школы.

Дима держал малыша на руках и с тревогой всматривался в него.

Мика грустно произнёс:

– Я ни с кем не успел подружиться на Компьючите. Ты – мой лучший друг.

И он закрыл глаза. Черты его лица истаяли. Монитор погас.

Дима побледнел. Он опустился на землю, держа в руках прекрасный серебряный шар, и не мог вымолвить ни слова. Другие путешественники стояли тихо, склонив головы.

Только чудо могло спасти малыша!

И вдруг все четверо, не сговариваясь, стали думать: "Корабль-спасатель! Мика здесь! Лети сюда! Корабль-спасатель! Мика здесь! Он с нами! Лети сюда..."

Может быть, целый час они отправляли этот сигнал. Помогла ли сила их мысли, или произошло простое совпадение? Кто знает? Но корабль-спасатель вдруг блеснул в вышине серебристым боком и осторожно спустился прямо на аллею.

Дима протянул ему маленького умершего астронавта.

"Майкрософус лишен энергии жизни, – тут же отправил корабль- спасатель сообщение на космолёт. – Надежда на восстановление равна 0,001. Помещаю тело астронавта в реанимационное отделение. Стартую".

Через несколько секунд в невероятной высоте звёздочкой блеснул кораблик, навсегда уносящий Мику. Путешественники стояли молча. Даже в природе наступила тишина. Мальчикам и старику показалось, что тишина не обычная, а особенная – космическая. Опустела Земля без маленького удивительного создания Вселенной.

Дима изо всех сил держался, чтобы не заплакать. Ему было тяжелее всех.

ЭПИЛОГ

Прошёл целый месяц. В третьем "А" опять все дружат.

Овсянкин всё ещё немного завидует Диминым пятёркам. "Несправедливо, – думает он, – что некоторым с рождения дан ум, как у академиков, а другим..." Но вспоминает Проводницу – страшную подмигивающую старуху с когтями – и изо всех сил прогоняет зависть. Зато теперь он с превеликим усердием учит уроки и тоже получает в основном пятёрки. Может быть, даже Диму догонит в учёбе. Но Дима несколько не огорчается. Пусть хоть все в классе отличниками станут!

У Гриши и Лёни открылся комедийный талант. Они теперь на праздниках смешат всю школу и, может быть, даже станут в будущем великими артистами.

Чебурекин собирает деньги – по 25 рублей с каждого одноклассника. Ведь третий "А" опять решил пойти в поход. Антон сам посчитал, сколько и каких продуктов придётся купить, сколько денег потребуется на проезд. Он лучше всех в классе умеет считать деньги. За такие большие способности его выбрали главным финансистом третьего "А".

Девочка с красивым бархатным бантом, Люся Брусничкина, всё ещё мечтает выйти за Овсянкина замуж и, когда никого нет дома, подкрашивает ресницы маминой тушью. Но сапоги на шпильках не надевает – мама один раз сильно отругала её за эти сапоги. Без них, конечно, ей труднее понравиться Олегу. Были б сапоги – он бы давно уже в неё влюбился.

Дима, как и раньше, помогает Коле решать задачки, а Ко-

ля показывает другу разные приёмы и учит его боксу. Они теперь вместе ходят по вечерам в заброшенный сарайчик и подкармливают Тоську и Сюю. А на днях решили построить для своих хвостатых приятельниц тёплую конуру и поставить её не на улице, а прямо в сарае, чтобы было ещё теплее.

Олег услышал, как друзья разговаривали на перемене про конуру, и тоже захотел строить вместе с ними.

– У меня есть три хорошие доски и пила-ножовка, – сказал он.

Пусть приходит. Дима с Колей не против помощи.

Природа совсем погрузнела. Листья опали, аллея стала светлей и прозрачней. Деревья дрожат по ночам от холода.

В воскресенье мальчики собрались около сарая. С досками, гвоздями и инструментами. Они уже строили скворечники на уроках труда. И решили, что конура будет похожа на большой скворечник, только не с круглым отверстием, а с квадратным.

И вот они стали у входа в сарай вымерять, расчерчивать и пилить доски. А в это время из-за поворота появился Дормидонт Спиридонович под ручку со своей любимой женой Верой Марковной. Он теперь каждый день совершал с ней такие прогулки. Он и сумки тяжёлые носил теперь сам. И даже подарил жене новые украшения: колокольчиковые бусы и

колокольчиковый перстень. Все эти колокольчики мелодично позванивали при ходьбе.

– Теперь Вера Марковна не потеряется. И ни к какому Феде с длинными усами не сбежит, – шутил Дормидонт Спиридонович.

Старушка очень гордилась и дорожила первым в жизни подарком своего мужа.

– Вера Марковна, – увидев мальчиков, обратился к жене Дормидонт Спиридонович, – я останусь и помогу ребятам. Проявлю искреннее человеколюбие к собаке и кошке.

– Оставайся, – согласно кивнула старушка.

Колокольчики тихонько зазвенели, будто засмеялись.

И вот так получилось, что все путешественники, спустя месяц, собрались вместе.

Тоська всё время крутилась рядом, везде совала свой толстый кожаный нос, радостно твякая.

Сюзя наблюдала за строительством с крыши сарая. Она лишь поблёскивала глазками, помахивала хвостиком, но не лезла со своими советами.

Наконец подготовительные работы были завершены. Осталось прибить доски к перекладинам и поперечным брусам – и новый дом для кошки с собакой готов.

Вдруг совсем невысоко над ними ослепительно сверкнуло. Что это? Солнечный зайчик? Ещё один? Ещё?

Ребята и Дормидонт Спиридонович зажмурились.

– Это корабль! Корабль! – закричал Дима.

Небесный путешественник-корабль покачался в воздухе, выпустил два белоснежных крыла и медленно приземлился.

Все замерли в ожидании чуда.

Отодвинулась боковая панель, открылся вход – и из корабля, сверкая серебром, вылетел Мика!

Земляне ахнули.

Мика с улыбкой во весь монитор подлетел к Диме. Мальчик взял его, поднял высоко над головой и подпрыгнул от счастья:

– Ты жив, Мика?!..

– Я жив! – ответил малыш-астронавт. – Меня ремонтировали, то есть лечили, почти месяц. Теперь я стал ещё выносливее, чем раньше.

– Ты к нам вернулся? Навсегда? – Дима радостно обнял друга.

– Нет, я вернулся, чтобы попрощаться, – виновато ответил астронавт. – Мы возвращаемся на Компьючиту. Я хотел, чтобы вы знали: я жив! И не грустили обо мне.

– Мика, я тебя никогда не забуду, – прошептал Дима.

– И я...

– И я...

– И я! – воскликнули Коля, Олег и Дормидонт Спиридонович.

– Я тоже вас не забуду! Я не забуду тебя, Дима, никогда!..

Все увидели на лбу у Мики, то есть в верхней части мо-

нитора, сначала свои портреты, потом портрет смешной и доброй старушки Веры Марковны, потом Тоську, и Сюзю, и какую-то сороку. А после них там отобразился весь третий "А" со всеми его думами во время контрольной. А затем – сражение со страшным монстром Чарогрюмом. И сияющая красота светлых мыслей в Пространстве...

Корабль уже поднялся в воздух, поторапливая астронавта.

– Прощайте! – воскликнул Мика, взлетая.

Догнав корабль, он оглянулся и крикнул с высоты:

– Я буду помнить вас всю свою жизнь – лет триста... А потом передам память своим потомкам...

И он скрылся в кабине корабля. Кораблик покачался на прощание – и через мгновение исчез в прекрасной прозрачной синеве осеннего неба.

Снова стало грустно. Но всё-таки сильная радость прибавилась к грусти разлуки. Земляне долго стояли, подняв головы. Вместе с людьми в высоту смотрели смешная собака и грациозная умная кошка.

– Уу-ву-у! – первой не выдержала собака и взвыла.

Тогда все перевели взгляд на неё.

– Вот видишь, Тося, как получается, – сказал Дима. – Пройдут века, и нас уже не будет на Земле. Все про нас забудут. А жители далёкой-далёкой планеты сохранят о нас память.

– И станут слагать о нас легенды, – гордо произнёс Дормидонт Спиридонович.

– У-вуу... – мечтательно подвыла Тося.

– И про тебя что-нибудь сочинят, – потрепал её за ухом Коля.

И все засмеялись. А Дима, глядя на собаку, вспомнил, как он первый раз увидел Мику. А потом он представил, как одинокий маленький кораблик мчится сейчас в бескрайних просторах Вселенной. И тогда Дима зажмурился и изо всей своей силы пожелал:

"СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!.."

ВСЕ МЕЧТАЮТ ЛЕТАТЬ

ШУРШЕНЯ-ОБЕРЕЖЕК

Солнце поднялось высоко, пригрело землю, когда Шуршеня проснулся и вылез из дупла. Нежась в тёплых лучах,

подпрыгивая и кувыркаясь, он дошёл до родника. Умылся, вброд перебрался через ручеёк, впадающий в речку, а речку перешёл по перекинутому над ней брёвнышку. Шуршеня направлялся в поле навестить молодую семью жаворонков.

В гнезде, свитом в ямке среди густой травы, лежало четыре серовато-жёлтых яичка. У жаворонков гнёзда выглядят непрочными, ведь их строят будущие мамы. А женскую работу видно сразу. Шуршеня подоткнул стебельки, подтянул конский волос, переплетённый с травинками, – укрепил гнездо. Подпёр его колышком, чтобы не заваливалось набок.

Вот так-то лучше.

А папам-жаворонкам некогда вить гнёзда: они постоянно дерутся и выясняют отношения с птицами, живущими по соседству.

Шуршеня присел у гнезда, потом прилёг и стал слушать, как в сердцевинке яиц быются крохотные сердечки ещё не вылупившихся пташек и шебаршатся их крылышки, как поскрёбывают махонькие коготки о скорлупки яичек. Скоро птенцы появятся на свет.

Жаворонки не боялись Шуршеню, ведь он оберегал лесное хозяйство, потому что был лешим и должность унаследовал потомственную – обережек.

Мама-жаворончиха, трепеща крылышками, взлетела так высоко, что стала почти невидимой, и из сияющих небес лилась её радостная песня. Вдоволь наплескавшись в синеве неба, мама спустилась на землю проведать своё гнёздышко.

Приземлилась она вдалеке от него, метрах в двадцати, и, прячась в траве, быстро побежала к своему домику. Никто: ни зверь, ни недобрый человек – не должен проследить, где выведутся у неё детки. Птичка забралась в гнёздышко, распушила крылья, прикрыв ими яички, присела и наконец-то успокоилась.

Шуршеня убрал с её головы паутинку. "Эх, молодо-зелено!" – по-стариковски подумал он, хотя ему недавно исполнилось всего двести пятьдесят лет, то есть примерно лет десять, ведь у леших четверть века приравнивается к одному году человеческой жизни. Внешне Шуршеня представлял собою тонкое берёзовое поленце с большими, зелёными, как весенние листочки, глазами, почти незаметным носиком и ртом, напоминающим два штришка на белой берёзовой шкурке. Когда Шуршеня закрывал глаза, его лицо становилось неприметным, и маленького лешего невозможно было отличить от обыкновенной берёзовой ветки толщиной с детскую руку. Ростом он пошёл в свою родню: был не выше трёхлетнего ребёнка и не обещал сильно вытянуться в будущем. Со всех сторон из него росли веточки разной длины. С помощью веточек-ног он и передвигался: не то чтобы шагал, скорее, плыл над землей, иногда отталкиваясь от неё растопыренными лапками.

Зимой, подобно деревьям, Шуршеня скидывал листву и становился обнажённым. Только глаза зеленели на белой берёзовой шубке. Сейчас он покрылся почками, готовыми вот-

вот лопнуть и превратиться в листья. Скорей бы уж! Зудят, чешутся, щекочутся эти почки перед тем, как раскрыться. Особенно на голове, где у него неисчислимое количество тонюсеньких веточек, а на них не сосчитать малюсеньких почек. Шуршеня рад был бы постричься наголо, но ради красоты терпел все эти муки. Пройдет неделя-другая – он весь зазеленеет. Красивым станет! И папа с мамой, и бабушка-дуб, в дупле которого живёт их семья, и белки в сосновой роще – все в лесу станут любоваться маленьким лешим. Он, конечно, не будет, как девочка, серёжки на себя навешивать, украшения из ягод делать, но и портить, лишать себя природной красоты тоже нельзя: обидишь её, Великую Прародительницу Природу.

Шуршеня хоть и был юн годами, но выучился многому у своих родителей и у бабушки Кедраша.

Пока он сидел у гнёздышка, со стороны реки пахло сильным жаром. Шуршеня вскочил, оглянулся: за рекой, из края в край, насколько мог охватить глаз, разметался пожар. А ведь там его мама и папа! Секунда – и пожар встал стеной, взметнулся к небесам. Леший взмыл в воздух, хотел перелететь через эту огненную стену. Но с другой стороны выше огня поднялись, держась за руки, его родители и сквозь гул пожара стали кричать:

– Шуршеня! Начинаются лесные пожары! Спасайся в городе! Поживи в парке. Мы улетим далеко – за большую ре-

ку. Может, ещё увидимся! Письма смотри под деревянным Кедрашей... Прощай!

– Мама! Папа! – закричал он что было сил. – Летите скорее! У вас веточки загорелись!

Папа и мама исчезли за огненной завесой.

Шуршеня опустился на землю и стал смотреть на пожар. Зрелище завораживало своей страшной силой. Страх пробирался в каждую веточку, в каждый нераскрывшийся листик, и обережек не чувствовал, как ему стало нестерпимо жарко, и не думал, что пламя легко может переметнуться на эту сторону речки. От горя он, может быть, никогда бы не поднялся с земли, но вдруг услышал, как плачут птицы. Это родители-жаворонки кружились над гнездом. Шуршеня подхватил своими ветвями гнёздышко, поднялся в воздух и понёсся в сторону города. Птахи помчались за ним.

Кроме обычных, у лешего-березовичка есть потайные веточки-крылышки. Листва с них не спадает никогда.

Когда Шуршеня поднимал их, готовясь взлететь, под каждым листочком расправлялись миллиарды ворсинок. Разглядеть их можно было только под микроскопом. А невооружённым глазом человек мог увидеть лишь то, что снизу листочек не гладкий, не глянцевый, как сверху, а шершавый. Этими ворсинками обладали только лешие-березовички. Благодаря им, березовички, когда нужно, превращались в настоящие гравитолёты и даже могли поднимать в воздух

огромные тяжести.

Уникальные ворсинки давались лешему при рождении и если погибали по какой-то причине, то уже не восстанавливались никогда. Поэтому Шуршенья очень испугался, увидев, что у папы и мамы загорелись веточки. "Может, это не крылышки горели, а обычные берёзовые листочки?" – с надеждой думал он.

Имея такие ворсинки, лешие становились обладателями и других поразительных свойств, которые нам с вами показались бы магическими, потому что мы ещё не всё можем объяснить в Природе, а она не всё может нам раскрыть – боится нас.

Но с этими удивительными способностями нашего героя мы познакомимся немного позже.

В свои двести пятьдесят лет Шуршенья хорошо знал каждое дерево в ближайшем лесу, все полянки, пни и колдобины. На одной из полян, вдалеке от дороги, была лунка. В неё-то он и опустил гнёздышко. Тут же опустились в него встревоженные жаворонки.

МАЛЕНЬКИЙ ЛЕШИЙ И ДЕВОЧКИ

Лето было в самом разгаре.

Шуршения перебрался в город. Вдруг мама с папой вернутся? Где они станут его искать? Конечно, в городе – ведь они сами велели ему убежать сюда.

Поселился он в детском парке, под заброшенной деревян-

ной горкой, с которой давно никто не катался. Дел у бережка и в городе много, но он всё равно постоянно грустил и с тревогой думал, спаслись ли его мама и папа, смогли ли долететь до большой реки, а, главное, перелететь через неё? Большая река очень далеко. Шуршения и представить такое расстояние не может. Смогут ли они оттуда вернуться назад?

Рядом с горкой росли кусты шиповника. Когда они цвели, маленький леший выбирался из-под горки и любовался ими, закрывал глаза и вдыхал их аромат. Осы, пчёлы, шмели кружили над ними, собирали нектар и уносили в свои кладовочки – готовились к будущей зиме. Шуршения видел, как все силы, соки внутри растений устремляются к цветам, в сердцевинке которых уже зарождаются будущие плоды. Потом благоуханные лепестки стали опадать с цветов, а на их месте появлялись ягоды. Но шиповнику жаль было расставаться с юностью, и он нет-нет, да и вспыхивал новыми алыми цветами.

Однажды сюда пришли три очень грустные девочки. Их звали Юля, Катя и Таня. Они принесли что-то в маленькой картонной коробочке. Девочки вырыли ямку, достали из коробки мёртвого мышонка, завернули его в кружевной лоскуток, перевязали ленточкой и положили опять в коробку, а её – в ямку. Затем повздыхали над мышонком и даже чуть не заплакали. Засыпали ямку землей, сделали из двух щепочек крестик и воткнули его над холмиком. Нарвали одуванчиков, утыкали ими последний приют мышонка. Сплели

веночек и повесили его на крестик. Таня протянула руку к цветку шиповника, чтобы сорвать его, но Шуршеня заставил двух шмелей перелететь именно на этот цветок. Таня потянулась к другому цветку – туда тотчас перелетела оса. Тогда девочка сорвала кустик полыни и воткнула его в холмик – получилось маленькое деревце.

– Девочки, давайте будем всю жизнь помнить этого мышонка! – сказала Таня. – Я завтра принесу сыру и положу его здесь.

– А я печенье, – поддержала её Юля. – У нас мама будет сегодня печь.

– Тогда я сделаю напиток из ягод, – решила Катя. – Знаете, как вкусно получается? Вкусней кока-колы.

Они договорились встретиться здесь же в десять утра. Девочки ушли, а Шуршеня стал с нетерпением ждать, когда наступит завтрашнее утро. "Наверное, это очень добрые девочки, – думал он. – Они жалели совершенно незнакомого мышонка".

Утром Катя, Таня и Юля действительно собрались у шиповника. Принесли по большому пакету. Березовичок не мог сдержать любопытства и во все глаза глядел на девочек. Они, не замечая его, убрали с холмика все увядшие цветы и полынное деревце. Вновь рвать одуванчики девочки не стали, так как было пасмурно, цветы не раскрылись и напоминали маленькие зелёные фонарики с одним лучиком света. Юля с Таней опять было хотели отломить веточку шиповника, но

Шуршени сумел отвести их руки, и они просто понюхали нераскрывшиеся цветки и полюбовались ими. Катя сорвала несколько листов подорожника, сложила из них чашу, воткнула на могилку мышонка. В неё девочки положили кусочек сыру, конфетки и печенье. Погрустили немножко. Затем расстелили большое покрывало. Понаставили на него всяких чашек и блюдец с бутербродами, салатами, орешками, конфетами, бутылочки с напитками. Вынули из пакетов красивые вилочки, стаканчики, вазочку для сладостей. Хорошо позавтракали. Убрали всю эту утварь и стали доставать игрушки: куколок, детскую посуду, мебель и разноцветные лоскутки материи. Сначала они долго делили и выпрашивали друг у друга лоскутки, шкафчики, стульчики. Потом распределяли, у кого сынок – плюшевый мишутка, у кого – полосатый кот с провалившимся глазом; у какой Барби муж – серый зайка, а у какой – поросёнок без хвоста. У красавицы, конечно, зайка, потому что он новый, а старенькой Барби, у которой нога отваливается, и бесхвостый поросёнок подойдёт. Зато он очень милый. Катя обняла и поцеловала его, потом его обняла и поцеловала старенькая Барби, и у неё отвалилась нога.

Наконец всё было распределено. Осталось построить домики, нарядиться, сделать причёски, приладить ногу и ходить друг к другу в гости.

– Чур, мой домик под горкой! – первая сказала Таня.

– И мой!

– И мой! – быстро повторили девочки.

И они прямо на покрывале потащили всё своё богатство под горку.

Леший мгновенно забился в уголок и притворился веточкой, но было так интересно, что он не стал прикрывать глазки и забыл превратиться в невидимку.

Так как мебели для трёх квартир не хватало, девочки принесли щепочек, камешков, стали строить креслица, диванчики, столики, набрасывать на них покрывальца и скатерти, расстилать коврики в комнатах. Наконец они стали печь пирожки из глины, готовить салаты из травы, понарошку угощать ими друг дружку и своих кукол.

Шуршеня первый раз в жизни видел, как играют девочки.

ПОДАРОК ДЕДУШКИ КЕДРАШИ

Люди и лешие очень редко встречаются. А если и произойдёт такая встреча, то человек убегает со всех ног. Не понимает, что леший обычно хочет подружиться, помочь. Или ему самому нужна помощь. Вот и получается, что лешие на нашей планете как инопланетяне, которых пока что люди не

научились понимать.

Шуршеня уже полвека носит на спинке маленький рюкзачок. Среди веточек его не заметишь. Это подарок бабушки Кедраша, который до самой смерти одиноко жил по соседству с их семейством. Для Шуршени он был как самый родной дедушка.

В рюкзаке – берёзовый туесок размером с напёрсток. А в нём – три волшебные бусинки-горошинки. Их нужно отдать доброму человеку. Сначала загадать своё желание, а потом отдать. Если бусинки в руках человека послужат добру, то и мечта лешего сбудется.

Дедушка Кедраша за всю жизнь не смог познакомиться ни с одним человеком, чтобы подарить ему бусинки. Все люди от него убегали. "Почему?" – не понимает Шуршеня. Кедраша больше других леших напоминал человека и был очень симпатичным. Его зелёные глазки, похожие на две большие виноградины, глядели всегда с добрым любопытством. Кедровая шишка-нос шевелилась, сморкалась и чихала всеми пятьюдесятью двумя ноздрями. Под ней красовались зелёные усы – две густые кисти кедровых иголок. Весёлый рот почти никогда не закрывался: Кедраша постоянно шутил и смеялся. Шуршеня, правда, запомнил дедушку беззубым. Но, наверно, и он в молодости мог похвастаться многочисленными зубами. А ещё у Кедраша хранилась настоящая человеческая шапка. Он нашёл её лет шестьсот назад. Берёг: надевал редко, просушивал в погожий денёк, пересыпал су-

хими опилками. Как увидит людей, наденет шапку, чтобы совсем уж на человека стать похожим, выбежит к ним навстречу, улыбнётся, чихнёт: вот он, мол, я, Кедраша, – а они всё равно от него врассыпную, только пятки сверкают. Так и не отдал никому волшебные бусинки. А как мечтал! Он хотел научиться летать. Ведь дедушка Кедраша был хвойником, а они не летают. Вот и подарил их Шуршене на двухсотлетие.

Дедушка Кедраша знал заклинания на древнем языке. Он мог остановить или поднять ветер, вызвать тучу и попросить у неё дождя. Все лесные звери его слушались. Шуршеня любил древние слова и очень хотел выучиться дедушкиным премудростям. Но у леших свой порядок: березовички-обережки не должны быть заклинателями.

Шуршеня теперь смотрел, как играют девочки, и решал, отдать им бусинки или нет. Надо было убедиться, что девочки действительно добрые, хорошие люди. Ведь волшебная сила в руках злодея может много горя принести.

- Ой, девочки, он на нас глядит! – первой заметила Юля.
- Кто? – удивились подружки.
- Вон кто! – Юля выразительно посмотрела на Шуршеню. Леший смутился, но не стал обманывать девочек.
- Ты кто? – шёпотом спросила Катя.
- Шуршеня, – "прошуршал" в ответ березовичок.
- А что ты тут делаешь? – ещё тише спросила Катя.

– Живу, – едва слышно ответил Шуршеня.

– Живёшь? Здесь?

– Да, – ответил леший-обережек и рассказал подружкам, что с ним случилось, потому что ему давно хотелось поделиться хоть с кем-нибудь своими печальями.

Девочки наперебой стали приглашать Шуршеню жить к себе. Но он отказался: лешие – не домовые, не должны жить в человеческом жилище.

Девочки стали приходить к нему каждый день.

Катя, Юля и Таня решили, что леший станет их секретом, и они никому не разболтают о нём. Странно, но подружки сдержали своё обещание. Может, сам леший помог им держать язык за зубами? А, может, зря мы думаем плохо о девочках, а они-то как раз умеют хранить тайны?

В конце июля Таня уехала в детский лагерь, а Юлю забрала на дачу её бабушка. Только Катя навещала Шуршеню.

В ГОСТЯХ У КАТИ

В городе начались дожди. Леший их не боялся. Но он чувствовал, что приближается грозный тайфун, который может принести много бед всему живому. Шуршеня стал летать

по лесу, перекатываться по полям, забираться в расщелины: всех предупреждал, чтобы готовились к урагану и ливням. Помогал птицам и зверькам укреплять гнёзда и норки, переселяться с низин на возвышенные места. Ставил подпорки под тоненькие юные деревца, подвязывал цветы и кустарники. Только о себе не думал, хотя ураганы и наводнения были для него очень опасны. Где спрятаться, он пока не решил.

Наконец, в природе наступила полная тишина. В парке стояло безмолвие. Ни лист не шелохнется. Ни мышка не зашуршит. Ни птица не защебечет.

Шуршеня сидел под горочкой и вслушивался в эту тревожную тишину. Он слышал звуки на сто метров в округе и различал голоса города, леса, поля и реки. Никто не звал на помощь.

Сам леший не волновался. Папа научил его сохранять спокойствие, тогда в трудные минуты верные решения приходят сами.

Вдруг прибежала Катя.

– Шуршеня! Ну, наконец-то! Где ты был? Я уже пять раз прибежала, – взволнованно затараторила она. – Ты знаешь, что сейчас ураган начнётся? По радио уже два дня штормовое предупреждение передают! Пойдём к нам – поживёшь, пока ураган не кончится.

Березовичок отрицательно покачал головой.

– Пойдём, Шуршеня! – решительно заявила Катя. – А то и я с тобой тут останусь! – пригрозила она.

Девочка взяла его за веточку-лапку и потянула за собой.

– Мы вон там, на девятом этаже живём, – показала она рукой на ближайший дом. – Видишь, где много цветов на окошке. Ты среди них не соскучишься. У нас и перчик растёт, и ананасовое деревце, и лимонное – мы его из зёрнышка вырастили. И много разных цветов в горшочках.

Окна Катиной квартиры с улицы были похожи на маленький цветущий сад. Шуршеня подумал, что он ещё ни разу в жизни не знакомился с комнатными растениями.

Катину квартиру переполнял аромат цветов розы.

Роза стояла на маленьком столике в стороне от окна. На ней распустились пять пышных тёмно-красных цветов и несколько бутонов только готовились раскрыться. "Она настоящая королева", – подумал о розе Шуршеня.

Домашние растения тоже были встревожены приближающимся тайфуном, но лишь слегка, ведь им не грозила настоящая опасность.

– Побудь здесь, на окошке. Хорошо? – сказала Катя. – Я скоро вернусь. Только найду двух знакомых собак, спрячу их в подъезде – и вернусь.

Она поставила березовичка на окошко между двумя геранями и убежала. Гераньки сразу потянулись к нему листочками, но Шуршеня так утомился за последние дни, что не заметил, как прислонился к одной из них и уснул. Он не слышал, как в комнату вошла Катина мама. Она подошла к ок-

ну, взяла в руки Шуршению и залюбовалась им:

– Какая прелесть! Декоративная берёзка. Я таких ещё не видела. Надо в воду поставить, пока не засохла, а потом в красивый горшочек посадим.

"Вот ещё! – возмутился про себя леший. – Сама садись в красивый горшочек".

Мама взяла сначала большую вазу. "Нет, сюда не войдёт, – подумала она. – И обстригать жалко". Она принесла ведро с водой, водрузила его на столик возле окна. Повертела в руках Шуршению и, решив, что многочисленные веточки на его голове могут стать корнями, поставила его в ведро вниз головой. Полюбовалась растопыренными ножками и, не вынимая Шуршению из воды, повернула его к окну одним боком, другим. Недовольно покачала головой. "Надо обстричь", – всё-таки решила она и пошла искать секатор.

Шуршениа весь сморщился от противной воды из-под крана, вылез из ведра, стал отряхиваться и чихать.

Мама вошла – он быстро улёгся на столик и притих. В её руках ничего не было.

– Ой! – вслух сказала мама. – Я ведь берёзку в воду ставила.

Она опять воткнула Шуршению в ведро вниз головой и, отвернувшись, стала открывать все шкафчики подряд в поисках секатора. Шуршениа, не ожидая, пока отыщутся эти ужасные ножницы, потихоньку выбрался из ведра и залез под кресло. Там сидел трусливый кот Федот. Как только Катя

вошла в квартиру с лешим, он забрался под кресло и сверкающими глазами следил за всем происходящим. Поэтому, когда Шуршеня залез туда же, кот распушил хвост, выпучил глаза и, хоть было очень тесно, замахнулся на непрошеного гостя лапой. Леший в ответ хлестнул Федота ветками по носу. Кот выскочил из-под кресла, запрыгнул на столик и зашипел. Мама оглянулась и замерла, прижимая секатор к груди: деревца в ведре не было, его не было нигде в комнате. Вместо него рядом с ведром сидел взъерошенный Федот.

– Федотушка, это ты? – с изумлением уставилась на него мама.

– Я-а-у! – ответил Федот и взлетел на телевизор, едва не перевернув ведро.

"Очень безопасная квартирка", – усмехнулся Шуршеня.

Мама присела на диван, потом прилегла и закрыла глаза, так как у неё от всех этих событий закружилась голова.

Березовичок выбрался из-под кресла, коснулся веточкой маминой головы – и она уснула. Проснётся и решит, что ничего не было – просто приснился сон. Леший поднял ведро, отнёс его в ванную и вылил. Потом осторожно забрал ножницы из маминых рук, положил их в шкафчик и присел на полу.

– Расхозяйничался тут! – сердито прошипел кот.

Он решил показать Шуршене, кто здесь хозяин. Взъерошился, пригнулся, резко оттолкнулся задними лапами и бросился прямо на лешего... И вдруг завис над ним! Пови-

сев две-три секунды, кот поплыл по воздуху. Внезапно развернулся вертикально, вверх хвостом. На несколько мгновений стал невидимым. Опять возник, взмыл под потолок – и шмякнулся на пол.

Федота было не узнать! Шерсть встала дыбом – он больше походил на дикобраза, чем на кота. Не помня себя, сиганул на телевизор, перемахнул на шкаф и ошалело вытаращился на лешего. Что пережил кот, словами не передать.

– Не сердись, – дружелюбно взглянул на него Шуршеня, взлетев и усаживаясь рядом с ним. – Я к вам ненадолго. Ураган закончится – и я улечу.

– Это утеш-шает, – нервно мотая хвостом, ответил Федот.

Поспав три минуты, мама открыла глаза. Шуршеня прикрылся одной из веточек и стал невидимым для человеческого глаза. Он не хотел больше пугать маму. Но кот видел его – правда, неясно, как отражение в тёмном окне. Мама села на диване и сказала коту:

– Ой, Федотик, какое мне чудное декоративное деревце приснилось. Берёзка. Вот бы такое вырастить дома.

– Дер-ревце? Декор-ративное? Бер-рёзку? – косясь на застекольного лешего, ехидно "переспросил" кот.

Мама услышала лишь недовольное рычанье.

– Федотушка, ты что такой сердитый? Прыгай ко мне, – протянула она к коту руки. – Прыгай, я тебе молочка налью.

Федот, продолжая ворчать, лениво поднялся и мягко спрыгнул в мамины руки.

КАТИНЫ МЕЧТЫ

Два дня бушевала непогода над городом и окрестностями. Когда ветер стал стихать, Шуршенья попросил Катю выпустить его: он хотел проверить, всё ли ладно в его хозяйстве, проведать жучков-паучков да малых пташек, посмотреть, все ли деревья выстояли. Может, кто-то ждёт помощи.

Катя с обережком уже договорились, что он вместе со всей её семьёй: мамой, папой и котом Федотом – поедет в августе в гости к их бабушке Анюте и дедушке Семёну в деревню Синеочье, что была совсем недалеко от города.

Перед тем, как вылететь в окно, Шуршеня сел на подоконник, достал из рюкзака заветный туюсочек. Он уже убедился, что Катя добрая девочка и ей можно подарить волшебные бусинки.

– Каждая бусинка исполняет одно желание, – сказал Шуршеня. – Значит, три твоих желания исполнятся.

– Я хочу построить сказочный город, в котором поселятся волшебные герои русских сказок и мультфильмов. И этот город прославится на весь мир. И я прославолюсь, потому что стану знаменитой основательницей города. И ещё в городе поселится Каюлта. Она будет всех смешить.

Портрет Каюлты стоял на полке с книжками. Это была жизнерадостная особа.

– А ещё я хочу разбогатеть, чтобы путешествовать и побывать во всех дальних странах... И ещё – победить в конкурсе мисс мира и стать самой знаменитой красавицей.

Катя высыпала бусинки на свою ладошку. Такие обыкновенные, зеленоватые, очень похожие на горошины. Неужели действительно волшебные?

Шуршеня не знал, какие мечты у людей считаются добрыми. Но подумал, что эти желания девочки не причинят никому никакого вреда. Значит, они добрые. Жаль только,

не скоро исполнятся. А ему очень хотелось, чтобы желания человека исполнились быстро-пребыстро, тогда и его мечта о возвращении мамы и папы осуществится скоро. Но делать нечего. Леший не должен торопить человека или подсказывать ему. Он просто загадал: "Пусть мама и папа вернуться", – и отдал бусинки.

Шуршеня научил Катю произносить магическое заклинание и крутить бусинку на самой обычной тарелочке.

– Но учти, – предупредил он, – когда произнесёшь заклинание, а бусинка начнёт крутиться, ты должна сразу ясно сказать, какая у тебя мечта. Если не успеешь всё произнести, пока вертится бусинка, то будет поздно: она станет обыкновенной старой горошиной, волшебная сила её улетучится.

Шуршеня был так рад, что подарил бусинки человеку!
Он полетел в парк.

Над парком поднималось тёплое солнце. День отряхивал влагу, прогревался, ликовал, вступая на смену ночи.

Цветы на клумбе подняли головки. Вьюнок просунул счастливую мордашку сквозь дырочку забора. В замечательной луже под самым большим деревом плавали разноцветные лепестки и отражались небо и деревья. От этого она казалась такой глубокой, что дух захватывало. Вот плюхнулась в неё капля с дерева... Лужа "ойкнула" и расплылась морщинистой улыбкой.

У Шуршени всё пело внутри. Скользя по сырой траве и

шлёпая по лужицам, он поскакал к памятнику Кедраша и запрыгнул на камень возле него.

Дедушка улыбнулся ему. Такого не может быть! Шуршеня знал! Ведь дедушка Кедраша здесь, в парке, не настоящий, а обыкновенная деревянная скульптура. (Откуда городской скульптор мог знать Кедрашу? Ведь создал таким похожим).

Кедраша прожил 2016 лет. Шуршеня запомнил его стареньким. Березовичок так сильно любил дедушку, что хотел отдать ему часть своей будущей жизни. Но старичок не взял нисколечко: он тоже очень любил малыша-березовичка.

Конечно, Шуршене показалось, что дедушка Кедраша улыбнулся, но так хорошо стало на душе. Леший взлетел и уселся у дедушки на голове. Взглянул отсюда вдаль. Даль ещё не позолотилась, а оставалась туманной, жемчужной. Лишь один лучик скользнул внутри неё, будто кто-то светлый прошёл там, в тумане.

Потом малыш спрыгнул с дедушкиной головы, перекувыркнулся несколько раз и, взлетев, отправился проверять гнёзда и норки.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА В СИНЕОЧЬЕ

Федот любил погостить у бабушки Анюты, но трястись два часа в машине ему совсем не нравилось. А тут ещё этот леший навязался.

"Что за радость с нечистой силой путешествовать?" – сердито думал он.

Шуршеня прикрылся веточкой-невидимкой и тихонько

сидел рядом с Катей на заднем сиденье. Он давно мечтал прокатиться в автомобиле и теперь радостно глядел в окно на умытый дождями, легко задышавший лес вдоль дороги. Федот же не находил себе места: то к маме на колени запрыгнул, то по стеклу стал когтями царапать, то папу за ухо укусил. Потом поднял голову и стал нудно подвывать. Папа остановил машину и строго посмотрел на него:

– Всё. Выходи отсюда и иди пешком, раз не нравится ездить.

Федот вжался в сиденье, прижал уши и жалобно поглядел на папу, будто всем своим видом хотел сказать: "Я хороший. Я старый и больной, мне нельзя пешком". Насчёт старости и болезней он явно преувеличивал.

– Смотри мне! – пригрозил папа.

Катя взяла кота на руки и стала гладить его.

"Вот, – заурчал кот, глядя на одного ему видимого Шуршению, – меня Катя любит, а не тебя, веник берёзовый". – "Не знал, что домашние коты такие грубияны, – мысленно ответил ему леший. – Будешь грубить – попарю в баньке. Узнаешь, какой я берёзовый веник".

Кот фыркнул, но решил не связываться с лешим.

Папа хоть и говорил порой строго с Федотом, но только благодаря ему кот обрёл настоящий дом и семью. Три года назад папа увидел на улице крохотного котёнка. Шёрстка его слиплась. Он жалобно мяукал. Папа завернул его в носовой

платок и принёс домой. Мама сначала возмутилась:

– Зачем ты его принёс? У нас ребёнок в доме.

– Ребёнку нужна не только стерильность. Пора учиться настоящим человеческим качествам.

Мама опять хотела возразить. Но папа взял её за руку, посмотрел в глаза и сказал:

– Знаешь, вот пройдёшь мимо, не поможешь такой крохе, когда мог бы помочь... Потом долго так скверно на душе.

Папа сам вымыл и покормил котёнка.

– Ну что, назовём его Федотом? – спросил он у Кати. – Он станет красавцем.

Теперь без Федота их семью и представить невозможно.

Наконец, начались синеочинские луга. "Сколько разных оттенков зелёной краски нужно, чтобы нарисовать один луг", – думала Катя. Она взяла с собой альбом, кисти и краски. Синеочье было для неё самым любимым местом на всём белом свете.

Федот очень волновался, подъезжая к дому. Здесь у него целый двор знакомых – приятных и не очень. Вот, например, дедушка Семён Ульянович – хороший человек, но слишком насмешливый. Его – Федота! – называет дармоедом. Федот из-за дедушки даже не хотел сюда ехать. Но к мнению кота на семейном совете не прислушиваются.

Дедушка Семён первым вышел навстречу гостям, а Катя

с Федотом на руках побежала к нему.

– Кто это к нам приехал?! – обнял и поцеловал Семён Ульянович внучку. – Смотри-ка: меня догоняешь! – стал он меряться ростом с Катериной.

"Я и сам бы догнал, если б захотел", – подумал Федот: дедушка худой, маленький – чуть выше своих уликов на пасеке.

Но тут Семён Ульянович обратил внимание и на него, протянул ему руку:

– Здравствуй, Федот. Ты тоже к нам отдохнуть приехал. – пожал он лапу коту. – Правильно: городская жизнь тяжёлая, а тут у нас приволье.

Федот от гордости хвост поднял, усы распушил. Пусть все смотрят, как дедушка его уважает. А-то прошлым летом всё "дармояд" да "дармояд". Понятно бы, папу так называл. Дома, в городе, папа уйдёт утром в свой университет математику студентам преподавать – и целый день его нет. Что её преподавать столько лет? Федот хоть и не студент, но знает: папа + мама + Катя + кот = 4. Но это не значит, что надо на четыре части его любимую рыбку делить. А они разделят на четыре. Хвост дадут ему – через минуту только воспомина- ния об этом чудесном хвостике остаются. Остальные кусочки сварят или пожарят себе и целый час ужинают. А Федот сиди – любуйся такой картинкой. Только Катя захочет кусочек рыбки ему отломить – мама сразу же говорит:

– Не давай ему больше, он за день наелся до отвала.

"До отвала? Впроголодь живу", – думает Федот.

А она ещё добавит:

– Котам нельзя жиреть.

"Разжиреешь с вами!"

Чтобы никому не было обидно, надо делить рыбку на пять частей и давать коту ещё один кусочек, когда сами садятся есть. Вот и получается, что четыре равняется пяти.

Хоть дедушка и пожал коту лапу, всё же Федот очень обрадовался, когда услышал, как он сказал маме и папе:

– Завтра же уедем с вами на пасеку недели на две. Дел там непочатый край. Мёд качать надо.

"Вот теперь свобода!" – обрадовался кот. Никто насмешничать над ним не будет, да и в дом он сможет входить гордо, в любое время, чувствуя на себе завистливый взгляд козла Кузьмы Кузьмича. Если бы дедушка остался дома, то Федот лишился бы такого удовольствия. Дело в том, что Семён Ульянович летом почти не заходил в дом. Разве что на четверть часа – программу "Новости" по телевизору посмотреть. Даже спал на веранде. И считал, что и коту в доме делать нечего. Во-первых, никто не давал права дедушке решать за кота, где у него есть дела, где нет. Во-вторых, Федот очень любил поспать на перинке. Размышляя так, кот вместе с Катей неожиданно попал в объятия бабушки Аниюты. Это, надо вам сказать, объятия так объятия! Бабушка не выше Семёна Ульяновича, но толстая! Федот очень уважает таких бабушек: мягоньких, как перинки, и смешливых. С ней

всегда уютно. Но сейчас, застряв между бабушкой и Катей, кот не на шутку напугался: задавит его Анята Ивановна, того и гляди рёбрышки затрещат. И Федот истошно, что есть мочи, закричал:

– И-а-а-а-у!

– Батюшки! – испуганно отпрянула Анята Ивановна.

– Расплющила кота! – засмеялся дедушка Семён.

– Федотушка! – запричитала Анята Ивановна, ласково взяв кота на руки. – А я тебя и не заметила.

Федот тут же всё простил бабушке и замурлыкал, уткнувшись носом в её шею, а бабушка расхохоталась так звонко, что все вслед за ней стали смеяться.

Шуршеня давно вылез из машины, взобрался на дерево и наблюдал за этой радостной кутерьмой. Он мечтал о том, как вернутся его мама и папа и он полетит им навстречу и обнимется с ними, переплетясь всеми веточками. Шуршеня решил раз в три дня наведываться в город к деревянной скульптуре дедушки Кедраша и проверять, нет ли ему ответа.

За день он осмотрел сады и огороды. Нашёл невесёлую яблоньку: дедушка Семён грозился её спилить, потому что листочки на ней рано увядали, а яблочек почти не было. Леший пророс к её корешкам и обнаружил в глубине под ними три огромных камня. Корни яблони никак не могли их обойти, ни с какой стороны. Он решил рассказать об этом

Кате: пусть она уговорит дедушку не рубить яблоньку, а пересадить её. Тогда не один десяток лет деревце будет приносить плоды.

Потом Шуршеня полетал со стаей деревенских ласточек-касаток. Опустился на землю, лёг и стал, глядя в небо, любоваться стремительным красивым полётом этих милых весёлых птиц.

Но что бы ни делал, он с тревогой дожидался вечера. Когда с пастбища вернётся корова Малаша и бабушка подоит её, тогда Катя познакомит Шуршеню со всеми обитателями деревенского двора. Здесь у каждого свой характер – это он заметил. Но к мнению Малаши прислушиваются все: в своём дворе она самая большая, а её молока хватает каждому. Но, главное, Малаша добрая, как бабушка Анята, и справедливая. Хоть и очень молодая.

Шуршеня даже успел слетать на пастбище. Все коровы там были облеплены слепнями, нещадно лупили себя хвостами, прогоняя их, вздрагивали от укусов. Шуршеня уподобился пылесосу, пронёсся над стадом, сбил всех слепней в кучу, закружил эту кучу в воздухе и отправил за дальние болота. Не скоро слепни придут в себя от головокружения. Зато потом поскромнее станут. Коровы успокоились и стали щипать траву.

Летним вечером возвращается стадо с пастбища. Это важное ежедневное событие для деревни.

– Идёт наша касатушка, кормилица, Маланья Савельев-

на, – увидела бабушка свою любимицу издалека, вышла вместе с Катей за ворота, держа в руках корочку хлебца, посыпанную крупной солью.

Малаша тоже увидела хозяйку и замычала. Её радостный голос бабушка отличила сразу.

– Му-у-у, – корова прибавила шагу, а потом и вовсе побежала к дому.

Тело у Малаши грузное, бока раскачиваются, а ножки бегут легко.

– Красавица наша! – приговаривала Анята Ивановна.

Корова взяла с её ладони хлеб, пожевала и ещё раз сказала, потише:

– Му-у... – потыкалась мордой в ладонь и сама пошла в свой сарай.

Пока бабушка доила, а струйки молока весело дзинькали, Федот и кошка Нюся, дружившие не первое лето, сидели на брёвнышке, мурлыкали и ждали, когда бабушка выйдет из сарая с полным ведром. Нюся мурлыкала мягко, бархатисто, а кот – басом. Около них стояла чашка. Анята Ивановна сначала им наливала парного молока. Проходила мимо собачьей будки – и старику Архипычу плескала в старый ковшик с отломанной ручкой. Потом процеживала молоко и наливала дедушке Семёну и всем гостям по большой кружке. Вкусней Малашиного молока в деревне не было.

ПОСИДЕЛКИ ВО ДВОРЕ

Все главные дела переделаны, а спать ещё рано. Вечер так хорош, что хочется собраться у брёвнышка, потолковать о том о сём. Сегодняшнее событие – приезд гостей – взволновало всех домашних животных.

На посиделки пришла и Катя, да ещё привела с собой

Шуршеню. А в его присутствии ей стала понятна речь животных. Шуршеня так переживал, что листочки на нём вздрагивали.

– Это Шуршеня, – представила его Катя. – Он мой друг.

– Так это ты защитил сегодня всё стадо от слепней? Какой молодец! – воскликнула Малаша.

После этих слов Шуршеню сразу признали своим во дворе. Нюся подвынулась на брёвнышке, леший присел рядом с ней, а с другого края села Катя. Федот прыгнул к ней на колени и заявил:

– Моя Катя.

– Ах ты собственник! – засмеялась девочка.

– Знавал я одного лешего, – начал беседу козёл Кузьма Кузьмич. – Мы в молодости с дедушкой Семёном любили ходить в лес. И вот однажды леший сбил нас с пути и давай водить кругами вокруг болота. Всю ночь плутали. К утру только тропу нашли.

– Это был болотный леший Болохуша. Только он не нарочно вас с пути сбил: он в болото вас не пускал. Утонули бы вы там, – объяснил Шуршеня.

А Архипыч недовольно закашлял и с укоризной посмотрел на Кузьму Кузьмича. Пёс знал, что всё происходило совсем не так, как рассказал козёл. Очень уж он упрямый, Кузьма Кузьмич, крепколобый. А в молодости от его строптивого нрава все натерпелись.

Любил молодой Кузьма в лес убежать. То подстилка ему

нехороша, то кочерыжки капустные вчерашние – обидится, надуется и в лес бежит. А дедушка с ним, с Гаврилой Архипычем, – тогда его просто Гаврюшей называли – идут искать козла. Найдут, приведут домой – а Кузьма через неделю опять в бега.

И вот однажды козёл так далеко забрёл, что только к вечеру Гаврила с дедушкой нашли его. А потом и впрямь полночи кружили вокруг болота. "Был ли леший или нет, не знаю, – подумал пёс. – Только ты сам любому лешему голову заморочишь". Но вслух он ничего не сказал: не стал позорить Кузьму Кузьмича перед молодёжью. Да и спорить с ним – безнадёжное дело. Козёл считал себя мужчиной серьёзным и знающим. Тайком от дедушки и бабушки курил трубку. Однако с той памятной ночи он перестал из дому убегать – поумнел. Да и Семён Ульянович его предупредил:

– Убежишь – пропадай в лесу. Искать тебя больше не пойду.

Настоящий старожил двора – Гаврила Архипыч. Он помнил ещё Малашину бабушку Пелагею. Крохотным принёс Гаврюшу Семён Ульянович в своей рукавичке, и Наташа, Катина мама, кормила его молоком из соски. Катина мама сама была тогда девочкой, чуть старше своей теперешней дочки.

Гаврила – молчаливый пёс, попусту слов на ветер никогда не бросал, даже лаял в редких, самых необходимых случаях. Но службу свою нёс верно.

– Что, Гаврилушка, – сказал ему недавно дедушка Се-

мён. – Стареем мы с тобой. Надо тебе помощника подыскать. Обучишь его своему ремеслу?

Гаврила положил голову на дедушкины колени, а потом водрузил туда и лапы, грустно поглядывая на старика снизу вверх.

– Ну-ну, не кручинься, – потрепал его по загривку Семён Ульянович. – И нам с тобой ещё дел хватит. На рыбалку ходить будем. А вот кур да уток от хорей и лисиц охранять – это мы молодёжи поручим. Только как бы не ошибиться: ведь надо такого умного, как ты, щеночка взять.

В последние два года Гаврила особенно сдружился со свиной Евдокеей, спокойной и рассудительной дамой. Евдокея молода, белолица. А в глубине души мечтательна и романтична (но никто об этом не догадывался). А главное, она настоящий друг. На неё можно положиться в беде. Гаврила прошлой осенью даже дом ей один раз поручил стеречь. У самого живот прихватило. Обычно пыреем, что на каждом углу растёт, лечился. А тут и пырей не помог. Невмоготу стало. Думал – всё, не пережить такой боли. Ни Семёна Ульяновича, ни Анюты Ивановны дома не оказалось. Малаша – в стаде. Нюска – слишком маленький зверёк. На Кузьму Кузьмича надежды нет. Оставил весь дом на Евдокею, а сам ушёл в лес за три версты. Нашёл там растеньице – давно, пять лет назад его приметил. Вырыл корешок и сгрыз его. Отлежался там же, в лесу. Домой вернулся весёлый и здоровый.

А тут, оказывается, такое творилось! Соседские гуси в

огород лезли. Кошка чужая чуть было цыплёнка не унесла. А бычок Тёмка, что через двор жил, поддел своими рогами петлю на воротах – они и отворились. Почуяли, нахалы, что хозяев нет, а Гаврила оставил пост – и полезли все во двор. Не тут-то было! Евдокея такой визг подняла! Кошку едва за хвост не поймала. Гуси впопыхах половину перьев растеряли. А бычка Евдокея почти что до его собственного дома гнала. Заикался два дня. "Му" сказать не мог. Ворота Евдокея закрыть, конечно, не смогла, но легла возле них и никого не пропустила во двор, даже бабушкину подружку Настасью Егоровну. Та перекрестилась только: что, мол, делается, свиньи дом стерегут. И ушла.

Гаврила своей подруге гостинец из лесу принёс: желудей в пасть насобирали.

Вспоминая эту и другие деревенские истории, коротали животные и их гости вечеров. Городским гостям всё было интересно. Евдокея, лежавшая у Катиных ног, заговорщически взглянула на девочку и тихонько, чтобы другие не слышали, хрюкнула ей:

– Катя, возле речки, есть большая лужа. В ней такая грязь! – свинья блаженно закатила глазки. – Пойдём завтра – поваляемся.

– Евдокея! – возмутился Гаврила Архипыч, расслышавший хрюканье свиньи. – Как не стыдно!

Катя, кошка Нюся и Федот захихикали. Сладу нет с этой

хавроньей, думал пёс. Как учует грязь, бежит во всю свою прыть! Бряк в чёрную жижу – лежит, песни поёт. Потом бабушка её в загончик заманивает – и давай на неё воду из бочки ковшом плескать. Евдокея так визжит! Все со двора разбегаются.

Гаврила не раз ругал молодую свинью за такое поведение. Всё-таки дама из хорошего общества – нельзя об этом забывать.

Заканчивался вечер. Последние лучи солнца истаивали на стенах деревянных сараев, на частокоче забора. Будто кто-то невидимый снимал тонкое златотканое полотно с декораций, превращая их в обыкновенные тёмные строения. Одинокий лучик, не задерживаясь, скользил по фигурам тех, кто собрался у брёвнышка, и неожиданно ярким золотом вдруг начинали сиять то гордые, изогнутые назад рога, то хвост крендельком, то чьё-то большое пушистое ухо.

– Катя, иди в дом! – позвала мама (они с папой вышли на крыльцо). – Что ты там сидишь?

– Я сейчас, мама. Мы тут разговариваем.

– Они там разговаривают, – засмеялась мама.

– Собеседники, наверно, хорошие, – улыбнулся папа.

Катя уже было поднялась с брёвнышка с Федотом на руках, но тут Кузьма Кузьмич опять ввернул словечко, не удержался: не давали ему покоя эти городские белоручки:

– Что, Федот, мышей нынче ловить будешь?

Федот опустил голову, напрягся, когти от обиды выпустил, и они чуть не вонзились в Катины коленки – не был он готов к такому ехидному вопросу. А козёл победоносно оглядел присутствующих. Но всем стало стыдно за Кузьму Кузьмича. Все поняли, что он намекал на события прошлого лета. Никто не засмеялся, только Нюся сощурила весёлые глазки.

ФЕДОТ-ОХОТНИК

Семён Ульянович как-то поздно вечером застал кота на своей перине.

– Ах ты лодырь! – набросился он на Федота. – А ну-ка – в подпол, потрудишься маленько, мышей полови.

И Федот, не успев опомниться, очутился в холодном, тёмном погребе. Он никогда в жизни не то что не ловил – не видел мышей. А тут ещё – после перинки-то – холод пробирал до косточек.

Мыши вначале притихли, увидев такую громадину со сверкающими глазами. Но через часок потихоньку зашебаршились – Федот насторожился. Ещё через полчаса запищали, а потом и вовсе одна смелая мышка вылезла из укрытия. Федот напугался, вскочил на шестилитровую кастрюлю с борщом, вздыбил шерсть. И как уж это у него вышло, может быть, крышка была неподходящая, от другой кастрюли, только она вдруг сдвинулась, Федот соскользнул и оказался в шести литрах холодного, наваристого борща. Вот уж он заорал!

Анюта Ивановна подпрыгнула на своей постели. Семён Ульянович с веранды с ружьём ворвался в комнату. Катя проснулась и от испуга перепрыгнула на кровать к бабушке. А Федот орал не своим голосом. От такого переполоху не сразу стало ясно, откуда несётся этот страшный вопль, пока Семён Ульянович не вспомнил про кота.

Дедушка открыл погреб и не успел разогнуться, как на него прямо из кастрюли – в борще, в капусте и укропе, в томатной пасте – взлетел Федот. Он вцепился передними лапами Семёну Ульяновичу в голову, задними обвил шею и, дрожа всем телом от холода и страха, прижался прямо к дедушкиному лицу. С хвоста его лился борщ. Отодрать перепуганного до смерти кота от лица Семёна Ульяновича не представ-

лялось никакой возможности. Он продолжал истошно голо- сить. Бабушка прижала руки к груди: она не знала, как под- ступить к коту. Дедушка не мог слова вымолвить: кошачьи волосы вместе с борщом лезли ему в рот.

Наконец, бабушка взяла полотенце и, обернув им бедо- лагу-охотника, стала осторожно, лапа за лапой, снимать его с дедушкиной головы. Концом того же полотенца вытерла дедушкино лицо. Потом, держа завёрнутого Федота на ру- ках, повела Семёна Ульяновича в летнюю кухню. Там стоял на печке чугунок с тёплой водой. Пришлось среди ночи обоим устроить головомойку в самом прямом смысле слова.

Дедушка ругал кота и с этого времени стал звать его дар- моедом. Бабушка ругала дедушку за то, что он отправил го- рожанина на трудную деревенскую работу. Ей очень жаль было испорченного борща.

– На всю неделю наварила, – сокрушалась Анята Иванов- на. – Больше варить не буду, – предупредила она. – Ешь те- перь сам этот борщ. Там, наверно, и мыши искупались.

– Нет уж, это вы его вместе с вашим любимым котом ешь- те, – отвечал дедушка.

– Да он теперь борщ-то за версту обходить станет, – за- смеялась бабушка.

На другой день она сварила, конечно, другой борщ, а этот достался Малаше, Евдокее и Архипычу. И они были вполне довольны.

А деревенскую работу – ловлю мышей – как обычно, стала

выполнять Нюся. Она устраивала такой трам-тарарам в подполе, что дом ходуном ходил. Мыши после таких ночей надолго покидали погреб. Нюся сама наедалась досыта и приносила Федоту большую вкусную мышку. Они крепко подружились.

Федот надеялся, что в деревне все забыли про то, как он оконфузился. Оказывается, ошибался. Всё настроение испортил этот самодовольный козёл.

– Что – приуныл? – не унимался Кузьмич. – Научился мышшей ловить?

– Ты бы подумал своей козлиной головой, – вдруг нашёлся Федот, – когда мне учиться мышшей ловить? В городе, знаешь, сколько дел! Днём намаюсь да ещё полночи с папой за компьютером сижу. Он без меня ни к Интернету подключиться не может, ни информацию найти. Я сюда, между прочим, на отдых приехал – силы восстанавливать, – кот горделиво обвил себя хвостом и посмотрел на всех честными глазами.

Он считал, что имел право так смотреть: ведь всё то, что он сказал, по его мнению, было истинной правдой. А так как говорил кот уверенно, выражался научно, то и приобрёл незыблемый авторитет.

Кузьма Кузьмич был сражён сразу и навсегда. Борода его затряслась. Он взглянул на Катю, ожидая опровержения словам кота, но девочка заговорщически молчала.

– А я-а-а... – заблеял Кузьмич и больше ничего "вымолвить" не смог.

Все с этих пор стали уважать кота за учёность. Кузьмич решил не связываться с ним, но всё-таки собрался с мыслями и последнее слово оставил за собой.

– Ты врешь! – заявил он. – Никаких компьютеров не бывает.

Днём домашние животные бывали обычно заняты. Особенно много дел накапливалось у Кузьмы Кузьмича. Он ходил по соседским дворам, всем давал дельные советы и очень уважал сам себя за это. Каждому в пример приводил главного деревенского быка Савелия, у которого, по мнению Кузьмича, всё было в идеальном порядке. Едят, к примеру, чьи-нибудь свиньи комбикорм из корыта, чавкают от удовольствия – Кузьма Кузьмич тут как тут:

– А Савелий из корыта не ест. И не чавкает. У него уровень культуры высокий.

Или грызёт какой-нибудь пёс косточку, наслаждается – опять Кузьмичу неймётся:

– Савелий считает, что кости вредны для организма.

Бык вовсе так не считал: он косточек-то никогда и не пробовал и в конуре не сидел ни разу.

Такой непререкаемый авторитет Савелий приобрёл у Кузьмича недавно. Козёл ведь и ему не давал проходу:

– Ты, Савелий, фырчишь слишком громко, когда воду в речке пьёшь. Это некультурно.

Или:

– Ты зачем здесь пасёшься? Иди за реку – там трава сочнее.

Или:

– Ты, Савелий, слабак против быка Кондратия, который до тебя коровьим стадом заведовал, а сейчас ушёл на пенсию.

Разными замечаниями изводил козёл этого самого большого, очень спокойного деревенского жителя. Савелий от него только хвостом отмахивался. Но однажды налились у быка глаза кровью, нагнул он голову, ударил несколько раз ногой оземь – да как погонится за козлом. Поднял бы Кузьмича на рога, но, к счастью, калитка в одном дворе не затворена была. Кузьмич в неё проскочил, а для быка она узкой оказалась. Козёл улёгся в чужом дворе, сердце выскакивает, ноги подкосились, ослабели. Подняться не может. Полдня пролежал. С тех пор зауважал предводителя коровьего стада.

Немудрено, что Кузьмич домой самый утомлённый возвращался. Нелёгкое это дело – наводить порядок на селе.

ВСЕ МЕЧТАЮТ ЛЕТАТЬ

Вот уже три дня гостил Шуршеня в Синеочье. Вечером третьего дня, когда друзья, как обычно, собрались во дворе, он сказал:

– Завтра я полечу в город к деревянному Кедраше. Может

быть, мама с папой мне ответ прислали. Я могу кого-нибудь взять с собой.

– Как? – удивились все.

Леший в ответ выпустил две веточки. Они вытянулись и стали двумя длинными гибкими прутиками.

– Подойди ко мне, Катя, – он притянул к себе девочку этими прутиками, оплел её туловище крест-накрест несколько раз и поднялся в воздух – невысоко, чтобы из-за забора не было видно, как они летают.

И пролетел, поддерживая Катю прутиками, целый круг.

– Ой-ой! – завизжала Катя. – Боюсь!

А потом ей стало так весело, что она рассмеялась, и Шуршениа ещё дважды облетел вместе с нею двор.

– Как птица! – восхищённо вздохнула Евдокея.

Леший бережно поставил девочку на землю; веточки, оплетавшие Катю, отпустили её, стали короткими и не приметными среди других Шуршениных веток.

– Кто хочет завтра со мной? – спросил он.

– Я с детства мечтаю побывать в городе, – первой сказала Нюся. – Что я видела в своей жизни? Подвал да мыши. На дерево заберусь или на крышу и слежу за птицами. Головой верчу в разные стороны. Все думают, что я хочу птичку поймать и съесть. А я мечтаю полетать в небесах. Возьмёшь меня, Шуршениа?

– Обязательно возьму, Нюсечка.

Нюся радостно посмотрела на Федота, но тот быстро и ре-

шитительно ответил:

– А я не хочу возвращаться в город раньше времени. Я слишком утомлён. Мне нужен долгий отдых в деревне, на свежем воздухе, – и он важно посмотрел на всех.

На самом же деле он тоже мечтал полетать, но боялся, а сознаться в этом не мог.

– И тебе, Нюся, не советую, – продолжал он. – В городе воздух загрязнён, радиация, машины, шум. Эти высотные здания! Голова кружится. С непривычки ты можешь даже заболеть.

Федот опять кривил своей кошачьей душой. Он побаивался, что Нюся встретит в городе какого-нибудь вертихвоста и влюбится в него. Он, Федот, хоть и посматривал свысока на простую деревенскую кошечку и расфуфыривал перед ней усы – я, мол, городской, на компьютере работаю! – но она была его единственной верной подругой, и он не хотел её потерять.

– И я могу отправиться в полёт, Шуршеня? – неожиданно спросила Евдокея, и её прекрасные пороссячи глаза мечтательно устремились к небесам. – Я так хочу подняться в воздух, застыть в одной точке и парить, парить, как большая гордая птица.

– И ваша мечта исполнится, – вежливо ответил ей березовичок.

– Не ожидал от тебя такого легкомыслия, – укоризненно проворчал Гаврила.

Сам он летать не боялся, но считал эту затею слишком несерьёзной. К тому же его служба – двор сторожить, а выходные ему не полагались.

– Я ведь так молода, – виновато взглянула на своего старшего друга Евдокея, – мне хочется мир посмотреть, узнать, как живут свиньи в городе.

– В городе свиней нет, – хмыкнул Федот.

Козёл, молчавший до сих пор, вдруг высказался неожиданно и оригинально:

– Всё это враньё!

– Что, Кузьма Кузьмич? – изумилась Катя.

– Сказки про город! Никаких городов не бывает! Никаких высотных зданий! Я их не видел никогда – и нет их! – козёл обвёл всех самодовольным взглядом и для убедительности добавил: – Так и Савелий считает.

Хотя Савелий никогда ничего подобного ни разу не говорил и даже никогда не задумывался на эту тему.

– А где же мы с Катей живём? – выпучил глаза кот. – Откуда мы приехали?

– Вы живёте в лесу и приехали оттуда. Я проверял: шоссейная дорога, по которой вы приехали, ведёт в лес. У вас там берлога, – нагло заявил козёл.

Все разинули рты и замолчали.

– Ты нас огорошил своими открытиями, Кузьма Кузьмич, – наконец, произнесла Малаша.

– Своим дремучим невежеством, – уточнил пёс, стыдясь

за своего земляка.

А Малаша шумно вздохнула, расширив ноздри, и застенчиво опустила глаза:

– Шуршеня, я, наверно, тяжеловата для полётов?

– Я поднимаю триста килограммов, – примерился взглядом к габаритам коровы леший. – Вы, Малаша, весите килограммов двести пятьдесят, так что и с вами я вполне могу долететь до города. Только придётся в середине пути сделать посадку – подзарядиться энергией.

Красивые Малашины глаза счастливо засияли:

– Я согласна лететь с посадкой, – с чувством сказала она. – Катя, ты одолжишь мне свой красный бант? Ведь в городе все нарядные, – и корова опять опустила ресницы.

– А куда ты его наденешь, Малаша? На рожки?

– Нет. На хвост, – корова, смущаясь, хлопнула им себя по боку. – Только нужен большой бант.

– Я возьму мамин шёлковый шарфик, красный, в белый горошек, – придумала Катя к восторгу коровы. – Получится очень красивый большой бант.

– У дедушки в кладовке лежат два маленьких пропеллера. Он хотел флюгера сделать для дома и для пасеки. Эти пропеллеры можно будет надеть Малаше на рога, – предложил кот, обследовавший уже все уголки.

Конечно, это были обыкновенные вертушки, но на ветру они вращались. А в полёте – чем не пропеллеры?

– Они сейчас в моде? – простодушно поинтересовалась

корова.

– Чем сногшибательней – тем моднее! – заверил Федот.

– Мы их покрасим под цвет банта, – сразу решила Катя. –

Ты станешь хорошенькой, Малаша, необыкновенной.

– Потр-рясной! – восторженно воскликнул кот.

"Все сошли с ума", – сделал неутешительный вывод пёс,
но промолчал.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

Было решено, что первыми полетят в город Катя и Нюся. Федот очень волновался:

– Катя, не отпускай Нюсю ни на шаг. В городе столько опасностей!

– Не переживай, Федотик. Вернёмся целыми и невреди-

мыми. Шуршenia тоже волновался. "Может быть, под камнем дожидается меня письмо?" – думал он. Полночи он шелестел листочками, вертелся, укладывал веточки – не мог уснуть.

В полёт путешественники решили отправиться рано утром, чтобы никто не заметил их отсутствия. Но в утренние часы так сладко спится...

Только начало светать, Нюся запрыгнула через открытое окно в Катину комнату, и стала лапкой стягивать с девочки одеяло, и легонько царапать ей нос. Катя проснулась, сразу вспомнила, что им с кошкой предстоит. Ей стало страшно. Но она всё равно вскочила на ноги, быстро оделась; они с Нюсей выпрыгнули в окно и побежали к околице. Взлетать было решено оттуда, тоже в целях конспирации. Нюся в зубах несла какой-то маленький свёрток. У околицы их уже ждали Шуршenia и провожатые: Кузьма Кузьмич, Евдокея и Федот. Кузьмич курил трубку и, прислонившись к дереву, всем своим видом демонстрировал: посмотрим-посмотрим, как вы взлетите. Евдокея вздыхала. Куда девалась её степенность? Она сама рвалась в полёт. Федот не спал всю ночь. Его измучила ревность. А Нюся вынула из свёртка джинсовую кепочку, надела её козырьком назад и стала так мила, что кот выпустил когти.

– Катя, Нюся совсем не знает города, береги её, – ещё раз предупредил он, а сам с ревностью вспомнил своего соседа Позитрона, живущего вместе со своим хозяином, молодым

физиком Электроном Ивановичем.

Позитрон – старый, щедушный, но очень учёный кот. Если бы ему достался в хозяева какой-нибудь другой физик, то, благодаря такому коту, он давно бы получил самую знаменитую – Нобелевскую – премию, потому что стал бы гениальным автором летающей тарелки или другого грандиозного изобретения. Но Электрон Иванович не слишком восприимчивый человек. А, может, и вовсе тупой. Кот внушает-внушает ему разные научные мысли, даже ночами не спит – на голову Электрону садится и спящему намурлыкивает великие идеи. Ни одного импульса в ответ!

Тогда от отчаяния и перенапряжения Позитрон выскакивает на балкон или высовывается в открытую форточку и начинает голосить на всю округу. И все самые очаровательные мурлышки собираются у окна, волнуются, двигают ушками, машут хвостиками.

Федоту обидно, ведь он не пользуется таким успехом.

"Вскружат ей голову городские прохвосты", – сокрушённо подумал он, глядя на свою подругу.

Нюся с Катей обнялись, Шуршenea обвил их веточками, и отважная тройца стала плавно подниматься ввысь. Девочка и кошка казались себе такими лёгкими – от этого ощущения душа наполнялась восторгом. Шуршenea взял курс в сторону города. Быстро набрал высоту. Вскоре они пролетели над пастбищем, и Малаша проводила их взглядом, а они помахали ей: Катя – рукой, кошка – хвостом, а березовичок – ве-

точками.

Пассажирки не чувствовали, что обвиты прутиками. Им казалось, что они летят сами. Стало совсем нестрашно. Воздух стоял тихо. Когда пролетали над лесом, его свежее дыхание чувствовалось даже на такой высоте. Пахло травами, хвоей. Лес был молчалив, в такую рань его зелень выглядела седоватой, а сам лес – торжественным и древним.

– Подлетаем, девчонки, – сказал Шуршеня.

Он ещё не видел, но почувствовал город. Через минуту-другую стали видны крыши самых высоких домов. Нюся поправила кепочку. Катя проверила, на месте ли в кармане шортиков ключи от квартиры.

Шуршеня приземлился в парке, возле скульптуры Кедрاشи. Освободил Катю и Нюсю от своих пут и засеменял к заветному камню. Пошарил под ним веточкой. По его погрустневшим глазам сразу стало ясно, что письма нет. Шуршеня едва сдерживал слёзы. Катя обняла его и очень твёрдо сказала:

– Ответ обязательно будет. Может, нескоро, но будет.

Леший благодарно посмотрел на неё. Её уверенность придала ему силы.

Девочка взяла Нюсю на руки, а лешего за веточку, и они пошли через парк к Катиному дому. Нюся мечтала посмотреть, где живет её друг Федот. Как только кошка переступила порог квартиры, ей сразу стало ясно: он живёт именно здесь. Всюду: у входа, на кухне, в креслах – витал его запах.

Нюся обследовала, обнюхала каждый уголок. Катя включила ей компьютер, и кошка стала лапкой ловить компьютерную мышку. Но не смогла поймать, и ещё больше заужала Федота. В холодильнике для неё нашёлся кусочек рыбки. Съев угощение, Нюся сказала:

– Пора возвращаться.

Она была самой старшей из всех троих (ей исполнилось два с половиной года) и очень ответственной.

Больше всех возвращения путешественников ждал, конечно, Федот. Всё время, пока они отсутствовали, он то на крышу забирался и смотрел вдаль, то на самое большое дерево, то, наоборот, прятался под поленницу дров и хмурил лоб: "Я её уже никогда не увижу". И он представлял рядом с Нюсей разных смелых и красивых городских котов, которых сам видел из окна своей квартиры.

Федот первым пришёл на посадочную площадку. И только тогда полегчало у него на душе, когда увидел, что Нюсины глазки смотрят на него так же влюблённо, как и прежде.

Какие разговоры происходили в этот вечер на скотном дворе! Будто это был и не двор вовсе, а центр управления полётами. Слова "летать", "гравитоплан", "высота" не сходили с уст собеседников. Даже Кузьмич ни над кем не подсмеивался, а молчал до поры до времени. Ведь он завидовал смельчакам.

Федот никому не завидовал. Он тихонько мурчал, потому что Нюся сидела рядом. А когда кошка рассказала всем, что дома у Федота действительно есть компьютер с мышами, которых не смогла поймать даже она, он всю размурлыкался – так его распирало от гордости.

– Вот видите, – сказал кот, – даже Нюся не могла поймать, куда уж Катиному папе Александру Дмитриевичу. Он вообще без меня не может работать.

– Никаких компьютеров не существует! – не выдержав, нахально заявил Кузьма Кузьмич, а аргумент у него был все тот же: – Я их не видел никогда!

– И телевизоров, наверно, не бывает? – съехидничал кот.

– Бывают. Я ежедневно смотрю по телевизору программу "Новости", – с достоинством ответил козёл.

Действительно каждый вечер в комнате появлялась свежившаяся через подоконник рогатая и бородатая голова. Это Кузьмич, вспрыгнув на специально подставленный для него около дома чурбан, просовывался в комнату и, важно взглянув на дедушку, сидящего в кресле, смотрел вместе с ним телевизор.

– Что-то вас с Александром Дмитриевичем ни разу не показывали, – с иронией взглянул он на Федота.

Евдокея только вздыхала, чуть слышно всхрюкивая: ведь в следующий полёт отправится она. Она придумывала, как нарядиться. И решила, что наденет бабушкины бирюзовые бусы.

Один Гаврила Архипыч грустил. Он немало повидал на своем веку: и в городе бывал, и на лодке плавал, и на машине наездился. А уж тайгу вдоль и поперёк исходил. И всегда его волновало предстоящее путешествие: он радостно лаял, прыгал, клал лапы на плечи хозяина.

"Видно, и впрямь я состарился, раз меня в полёты не тянет", – печально думал он, вытянувшись и положив голову на лапы.

ЕВДОКЕЯ – ГОРДЫЙ ОРЁЛ

Наконец, настало утро третьего дня. Евдокея, к удивле-

нию бабушки, едва дотронулась до завтрака: она решила похудеть перед полётом.

Катю вновь разбудила Нюся. Девочка уже не боялась. Наоборот, она теперь мечтала подняться высоко над землей и поплавать, искупаться в синем утреннем воздухе.

Все взгляды провожающих обратились на Евдокею. Она была хороша с бирюзовыми бусами, осознавала силу своей красоты и от смущения опускала небольшие очаровательные глазки.

Шуршеня хорошо подпитался, подзарядился земными соками: всё-таки предстояло поднять в воздух довольно солидную даму. Так же, как и в прошлый, раз, легко поднялся, набрал-скорость и задорно сказал своим спутникам:

– Летим, девчонки!

Евдокея от восторга визжала и пела песни всю дорогу. В середине пути хавронья обратилась к пилоту:

– Шуршенечка, если можно, остановись на две минутки. Я так хочу, чтобы исполнилась мечта моего детства: застыть в воздухе и парить, как гордый орёл.

Шуршеня, улыбнувшись, остановился. Свинья распластала ножки, переполняясь радостью, замерла в вышине.

В речке в это время ловил рыбу медведь. Он поднял голову вверх и удивлённо поглядел на диковинную птицу. Евдокея от счастья замахала копытцами, будто крылышками, и покрутила хвостиком.

– Катя, я тебя сейчас отпущу, – сказал Шуршеня. – Ты не

бойся: не упадёшь, зато сможешь сама полетать.

У Кати перехватило дыхание – вот сейчас она станет похожей на птицу! Мы ведь все, когда смотрим в небо, хоть раз в жизни мечтаем стать птицами. Когда Шуршеня втянул в себя прутики, девочка высвободилась и осторожно взлетела вверх.

– Не слишком высоко! – предупредил Шуршеня.

Было так здорово, будто купаешься в море! Только совсем легко. Катя стала кувыркаться в воздухе, подныривать под Шуршеню и Евдокею, подниматься над ними. И вдруг леший исчез.

– Шуршеня, ты где? – встревожилась девочка, но продолжала легко, как пушинка в потоках воздуха, плыть в вышине.

Чуть ниже по-прежнему парила Евдокея.

– Я здесь, – отозвался невидимый леший. – Не бойся. Летай.

Теперь Кате показалось, что она действительно летает сама. Она складывала руки вдоль тела, как ласточка крылья, чуть-чуть отталкивалась от воздуха и взмывала ввысь. Переворачивалась на спину, и, раскинув руки, лежала, покачиваясь, словно на морской волне. Любовалась небом. Потом устремлялась вниз. Какая-то сильная струя воздуха вовремя подхватывала её, подбрасывала, как мячик. Катя поднималась выше Евдокеи и начинала кружить над ней.

– Понравилось? – спросил Шуршеня, становясь видимым.

– Классно! – с восхищением вздохнула девочка. – Лучше,

чем в море.

– Мы с тобой ещё летаем, – пообещал леший, – а сейчас надо спешить.

Он подхватил Катю прутиком, и путешественники отправились дальше.

Опять не было письма для Шуршени. Но он уже твёрдо верил, что мама и папа живы, значит, пока просто не могут отправить ему письмо. Надо спокойно ждать.

Ни Шуршеня, ни Катя, ни Евдокея – никто не заметил, что за ними следят двое мужчин несимпатичной наружности. Один из них был тёмный, угрюмый, по прозвищу Мрак. Другой, по прозвищу Кукся, – худой, вихляющийся и постоянно заглядывающий в глаза мрачному. Это были воры. Они заметили необычный летательный аппарат ещё три дня назад, когда Шуршеня приземлялся в парке с Нюсей и Катей. Пассажиры их не очень интересовали. Воры, ещё сами не зная зачем, решили не спускать глаз со странного летуна. И теперь, услышав Евдокеино пение, а потом увидев, что аппарат пошёл на снижение, спрятались за деревьями.

Евдокея, слегка шмякнувшись о землю, завизжала и звонко засмеялась. Она жалела, что в городе ей предстоит провести всего час, а то бы она произвела тут настоящий фурор.

Мрак и Кукся проследили, что необычные путешественники отправились в тот же дом № 74, куда ходили три дня

назад, вошли в подъезд № 3, сели в лифт и поехали, вероятно, на тот же девятый этаж. Преследователи побежали за ними вверх по лестнице.

Лифт, не доехав до девятого этажа, остановился на седьмом: видимо, человек, стоявший на площадке этого этажа, нажал кнопку вызова раньше, чем Катя в лифте успела нажать кнопку с цифрой 9. Этим человеком был Степан Андреевич Коромыслов. Он жил в такой же двухкомнатной, как у Кати, квартире, только двумя этажами ниже. Коромыслов был известен не только третьему подъезду, но и всему дому, и местному отделению милиции. Он прославился тем, что ненавидел домашних животных. Если Степан Андреевич замечал, что кто-то спускается по лестнице с маленькой собачкой или, не приведи Господи, с котом, то поднимал яростный скандал и тотчас звонил в милицию.

– Чем вы занимаетесь? – орал он в трубку. – На вашем участке разгуливают коты и собаки, ухудшают санитарную обстановку! Не дают честным гражданам мирно жить!

Если он видел прогуливающегося одинокого кота, врага человечества, то гнался за ним с плетью, даже пытался залезть за ним на дерево или запрыгнуть на забор. (Однако к крупным собакам и их владельцам относился с большим уважением).

Итак, лифт остановился на седьмом этаже. Дверца его открылась. Из кабинки нежным взглядом глядела на Коромыс-

лова большая белая свинья с бирюзовыми бусами. Она приветливо произнесла:

– Хрю, – то есть любезно пригласила Коромыслова войти в лифт.

Коромыслов, где стоял, там и сел.

"Он сражён моей красотой", – подумала хавронья.

Катя побыстрее нажала кнопку "9", дверца закрылась перед сидящим Коромысловым, и лифт двинулся вверх.

Степан Андреевич быстро пришёл в себя, ворвался в свою квартиру и стал орать на жену:

– Лиля! Что творится? В лифте ездят свиньи! С бусами! И нагло хрюкают!

– Ты сошёл с ума! – с тревогой посмотрела на него жена.

– Я сошёл с ума?! – возмутился Коромыслов и, набрав номер отделения милиции, стал кричать на дежурного, повторяя ему всё то, что выпалил жене.

На другом конце провода положили трубку. Коромыслов выскочил из дома:

– Я сейчас сюда всё отделение милиции приведу! Я заставлю их работать! – продолжал он орать.

Мрак и Кукся, услышав это, решили спуститься вниз и наблюдать за окнами Катиной квартиры со двора.

Не успели путешественники как следует отдохнуть и поделиться впечатлениями от полёта, как Шуршеня сказал:

– Тише! – он стал прислушиваться. – За стенкой плачет

кто-то маленький... и шумит вода. Я должен узнать, в чём дело.

Квартира за стенкой находилась в соседнем подъезде. Но Шуршеня не стал спускаться вниз. Он вылетел из окна, перелетел на соседний балкон. Веточками проник сквозь тончайшие щели в рамах, отодвинул запоры и распахнул окно.

– Вот для чего он нам понадобится! – воскликнул наблюдавший за лешим Мрак. – С ним мы проникнем куда угодно и вынесем, что душа пожелает.

Кукся подобострастно закивал:

– Только как его поймать и приручить? – вопросительно взглянул он на приятеля.

В соседней квартире сидели взаперти трое детей: шестилетняя девочка и двое трёхлетних близнецов-мальчиков. Малыши плакали. В ванной, грозя заполнить её и затопить квартиру, из крана хлестала вода.

Шуршеня перенёс в эту квартиру Катю и Евдокею. Дети уставились на них заплаканными глазами.

– Вы одни? – удивилась Катя.

– Мама ушла и сказала, что через полчаса вернётся. Её уже два дня нет, – пролепетала девочка. – Мы кушать хотим.

– А кто кран открыл? – спросила Катя.

– Он не закрывается, – хором ответили все трое.

– Шуршеня, я знаю, что делать. Летим за слесарем в ЖЭУ, – распорядилась Катя. – Я знаю, где оно. Мы с папой

ходили. А то сейчас тут потоп начнётся.

– Мы быстро вернёмся! – сказала Катя Евдокее и детям.

И они вылетели в окно, а малыши обступили свинью и стали с удивлением рассматривать её.

– Может, подняться в квартиру, пока эти улетели? – предложил Кукся.

– Подожди. Понаблюдаем. Вдруг в ней кто-то есть, – ответил Мрак.

ПОЛЁТ СЛЕСАРЯ ПАРАМОНОВА

Было восемь утра. Первым к ЖЭУ подошёл слесарь Георгий Николаевич Парамонов. Он стоял на улице, дожидаясь начальства, курил. Рядом с ним стоял его чемоданчик со слесарными инструментами. Он не заметил, как сзади приземлилась Катя.

– Дядя слесарь, – стала умолять она, – полетим с нами.

Вон там, – она указала на открытое окно в высотном доме, – дети одни дома. Очень маленькие. У них вода заливает квартиру. Полетели, дядя слесарь!

– Полетели?! Уже лечу! – возмущённо ответил Георгий Николаевич. – Что я – птица? У меня три заявки на утро. Пишите заявку. Завтра прилечу, – пошутил он.

– Шуршenia! Хватай его вместе с чемоданчиком! – приказала девочка, и сама крепко взяла слесаря под руку.

– Эй-эй! – стал выдёргивать руку Парамонов. – Что значит – хватай?

Но не успел он договорить эти слова, как уже вместе с девочкой поднялся в воздух, сначала на стометровую высоту, а затем опустился до высоты девятиэтажного дома.

– Э-эй! – кричал он. – Отпустите! – и точно влетел в открытое окно девятого этажа.

Здесь действительно шумела вода. Но ему, ошеломлённому полётом, удивительным показалось другое: маленькие дети разговаривали с самой настоящей свиньёй. Впервые в жизни Парамонов видел в городской квартире свинью, да ещё с бусами. Слесарь вытаращил на неё глаза. "И он сражён моей привлекательностью. Жаль, что никто из Синеочья не видит, какой у меня успех", – подумала Евдокея, а вслух "сказала":

– Мы вам очень рады!

– Я тоже рад, – прошептал Парамонов и подумал: "Неужели я разговариваю со свиньёй?"

– Пожалуйста, пойдёмте поскорее в ванную! – потянула его за рукав Катя.

Ванна наполнилась почти доверху, и слесарь принялся за работу.

Ему казалось, что всё это происходит не с ним. Его руки привычно двигались, а голова ничего не понимала.

– Как ваша фамилия? – спросила Катя. – Я напишу вам благодарность.

– Парамонов, – ответил слесарь.

– Дядя Гоша Парамонов?! – восхищённо воскликнула Катя. – Мой папа говорит, что вы – лучший слесарь в нашем ЖЭУ. Что вы очень умный и всё делаете быстро.

– Хороший дядя слесарь Парамонов, – развлекая детей и чуть-чуть кокетничая, "говорила" Евдокея.

– Холоший дядя шлешаль Паламонов, – не выговаривая "р" и шепелявя, повторяли малыши.

– За ремонт – сорок два рубля, – завершил работу Парамонов.

– Хорошо! – не совсем поняла Катя. – Давайте!

Она очень обрадовалась, так как в доме совсем не было продуктов, кроме какой-то крупы, а дети плакали от голода.

Георгий Николаевич действовал, словно загипнотизированный: сначала на него сильно повлиял полёт над городом, а потом говорящая свинья потрясла воображение. Он достал из кармана деньги, отсчитал сорок два рубля и отдал их девочке.

– Где вы живёте? – спросил у него Шуршениа.

"Веник разговаривает", – отметил про себя Парамонов, но подробно объяснил, где его дом и какие именно его окна на шестом этаже. Леший решил вернуть слесаря не в домоуправление, а в парамоновскую квартиру, погрузить его на две-три минуты в сон. Дядя Гоша всё происшедшее забудет, голова его посвежеет, и он решит, что только что встал и собрался на работу.

Леший подхватил Георгия Николаевича вместе с чемоданчиком, и через несколько минут они уже кружили возле окон дяди Гошиной квартиры. Знакомым нам способом Шуршениа вскрыл окно в спальню и усадил Парамонова на кровать. Только было хотел усыпить его, как в спальню, привлечённая шумом, неожиданно вошла жена слесаря Надежда Петровна. Шуршениа спрятался за штору, а Надежда Петровна устала на мужа, сидящего в рабочей одежде на чистой постели. Она ничего не могла понять, так как сама час назад закрыла за ним дверь. Жена занималась ремонтом в прихожей и точно знала, что муж через дверь не возвращался.

– Ты ведь ушёл час назад, Гоша? Как ты вернулся?

– Я – дядя слесарь Парамонов, – чеканно ответил ей муж.

– Я вижу, – опешила Надежда. – Я спрашиваю, как ты вернулся?

– Я – добрый дядя слесарь Парамонов, – продолжал убеждать её муж.

– Я – лучший слесарь в нашем ЖЭУ.

– Когда же ты успел так напиться, добрый дядя слесарь Пармонов?

– удивилась жена, ведь Георгий Николаевич пьяницей не был.

– Пармонов умный. Он всё делает быстро, – вполне разумно ответил дядя Гоша.

Надежда Петровна тяжело вздохнула, махнула рукой и пошла в прихожую клеить обои. В это время леший вылетел из-за шторы, прикоснулся к дяди Гошиной голове, даже похлестал его по лбу – и Георгий Николаевич всё забыл. А через две минуты он увидел, что сидит в рабочей одежде на белоснежной простыне. "Что это я уселся? Надюшка ругаться будет!" – подумал он и вышел в прихожую.

– Надя, я ухожу, закрой за мной!

У жены округлились глаза, она прислонилась к стене и ничего не отвечала.

– Надюша, что с тобой? – удивился дядя Гоша.

– Ничего, дядя слесарь Пармонов, – следя за мужем подозрительным взглядом, ответила Надежда Петровна.

– Ах ты шутница! – Пармонов приподнял свою жену, покружил её, поставил на пол и звонко чмокнул в щёку. – Я пошёл. Закройся! – ещё раз напомнил он и вышел за дверь.

МАЛЫШИ ИЗ СОСЕДНЕЙ КВАРТИРЫ

Шуршеня ничего этого не видел. Он давно уже вернулся в квартиру № 141, где Катя умыла, переодела малышек и познакомилась с ними. Девочку звали Верочкой, а братишек

Артёмкой и Антошкой. Катя сначала удивилась, что не знала этих детей раньше, так как была знакома со всеми малышами в своём большом доме. Оказалось, они недавно переехали сюда. В комнате стояли нераспакованные коробки и чемоданы, пустой холодильник был открыт и отключён.

– Мама ушла и сказала: "Я через полчаса вернусь, только продукты куплю", – рассказала Верочка и вопросительно посмотрела на Катю: – А мама придёт?

"С их мамой что-то случилось", – поняла Катя и вместо ответа спросила:

– А где ваш папа?

– Наш папа – ма-як! – гордо сказал Антошка.

"Моряк", – догадалась Катя.

– Он сейчас в мо-и, – тоже с гордостью произнес Артёмка.

– А бабушка или тётя у вас есть? – поинтересовалась Катя.

– У нас есть тётя Алёна, мамина сестра, – ответила Верочка.

– Она далеко живёт?

– На автобусе надо ехать, – опередил сестрёнку с ответом Антошка.

– Шесть остановок, – добавил Артёмка.

– Мы к ней не поедем: мы маму ждём, – сказала Верочка. – И ключей у нас нет. Мы выйти не можем. У тётки Алёны есть телефон, а у нас дома нет – мы позвонить не можем.

– А ты помнишь номер? – спросила Катя.

Верочка достала из детской сумочки крохотную запис-

ную книжку и продиктовала Кате номер домашнего телефона своей тётки.

– Только тётка Алёна всё равно на работе, – вздохнула малышка.

– А Тёмка и Тошка всё время плачут. И я сейчас буду плакать, – и она действительно заплакала.

– Что ты, Верочка? – обняла её Катя. – Ты – старшая, поэтому не должна плакать. Мы обязательно вам поможем.

– А мама вернётся? – спросила Верочка, и теперь уже три пары заплаканных глазёнок смотрели на Катю с надеждой.

– Вернётся, – сказала Катя, хотя не знала, имеет ли она право так отвечать. – Вы посидите с Евдокеей, а мы с Шуршеней слетаем на базар.

Не очень-то много продуктов можно купить на сорок два рубля для троих детей, но Катя в свои восемь лет не была начинающим покупателем. Мама каждый день оставляла ей деньги и список продуктов, которые нужно купить. Поэтому она со знанием дела обошла весь рынок и купила только те продукты, из которых сама могла что-нибудь приготовить. Она купила картошку, потому что умела её варить. Три сосиски. Их она варила даже вкуснее, чем папа. У папы они всегда лопались, а у неё нет. Ещё Катя купила батон и небольшой кусочек масла. А на последние четыре рубля двадцать копеек – маленькую шоколадку. Ей очень хотелось, чтобы дети поменьше плакали.

Катя с Шуршеней уже решили, что не через три дня, а завтра утром они прилетят сюда с Малашей и напоят детей парным молоком. К тому же завтра будет суббота, выходной день, тётя Алёна не пойдёт на работу, и Катя сможет ей позвонить.

Шуршеня даже предложил такой план: он доставит Катю и Евдокею в Синеочье, а сам вернётся и пробудет с малышами до следующего утра, чтобы они не скучали и не боялись темноты. Утром, едва забрезжит рассвет, примчится за Малашей и Катей.

– Человеческие детёныши хоть и крупнее птенцов, – сказал он, – но они такие же беспомощные в своём большом гнезде под самой крышей.

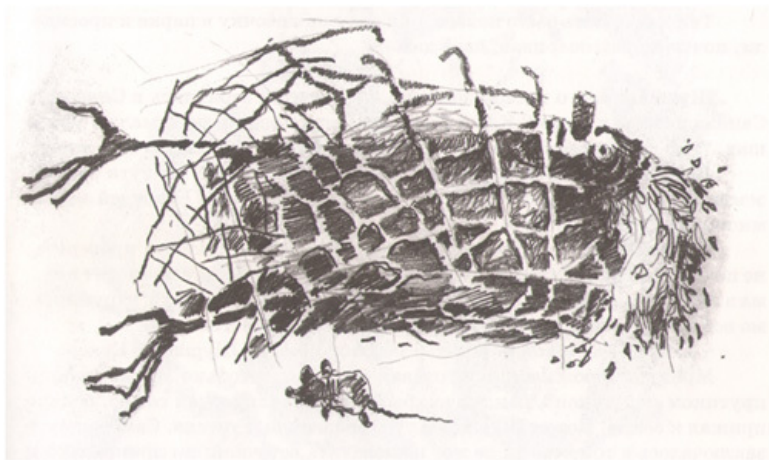
Катя сварила картошку и сосиски – у детей это был первый за два дня завтрак. Потом она всё-таки нашла в кухонных шкафах заварку и сахар. Накипятила чаю и сделала бутерброды с маслом. После завтрака осталось немного картошки и батон.

Евдокея от всей души подарила Верочке свои любимые бабушкины бусы.

Шуршеня плотно закрыл все окна и в Катиной квартире, и в квартире малышей, проверил затворы. Он в городе относился ко всему так же бережно, как и в Природе.

Дети стояли у окна и махали ручками улетающим путешественникам.

ШУРШЕНЯ В ПЛЕНУ

Мрак и Кукся всё это время не спускали глаз с окон девятого этажа.

– Ты видел? – спросил Кукся. – На венике летают. И сви-
нья туда же – в небеса.

– Веник? Неплохо бы таким полезным веничком обзаве-
стись, – ответил Мрак. – А свинья – это маскировка. Внутри
свиньи бойцы сидят.

Кукся ударил себя по лбу: как это он сам не догадался?

– Не поймает мы этого летуна! – сразу испугался он. –

Дело непростое. Может, не связываться?

– Думать надо, – презрительно посмотрел на него Мрак.

И они стали думать, расхаживая по парку: Мрак, опустив голову, а Кукся постоянно заглядывая ему в лицо.

Парк со своей парадной стороны, выходявшей на улицу, был окружён ажурной решёткой, а со стороны двора оцеплен металлической сеткой. Сетка местами провисла, продырявилась, отогнулась. Мрак подошёл и изо всей силы дёрнул за свисающий край. Оторвался довольно большой кусок.

– Пригодится, – сказал он.

Так как делать было нечего, они сели на лавочку в парке и просидели, почти не разговаривая, часа два.

Шуршеня и его посерьёзневшие пассажирки вернулись в Синеочье. Свинья не пела в полёте. Как и Катя, она теперь всё время думала о малышах. "Что случилось с их мамой?" – вот что сейчас тревожило всех троих.

Леший почти сразу отправился в обратную дорогу. По пути он приземлился в лесу, пророс в землю, подпитался. Перелёт с Евдокеей забрал много сил.

В городе Шуршеня решил сначала спуститься в парк и проверить, не появилось ли под камнем письмо, хотя знал, что лешие приносят письма в город только ночью. Но Шуршене не терпелось проверить: вдруг письмо всё же есть. Будет ждать его, грустить в одиночестве.

– Смотри, веник один летит! – первым заметил Шуршеню

Кукся.

Мрак насторожился, приготовил сеть и, как только леший проник прутиком под камень, бандит накрыл его металлической сетью, больно прижал к земле. Потом Шуршеню туго спеленали и унесли. Самое плохое заключалось в том, что он не мог пошевелить веточкой: ни прикрыться и стать невидимым, ни оплести своих похитителей, ни подняться в воздух.

Бандиты принесли Шуршеню к себе домой, в обыкновенную городскую квартиру на третьем этаже. Бросили свёрток в углу.

– Что с этим веником делать дальше? – спросил Кукся.

– Надо ждать остальных, – ответил Мрак.

Кого "остальных" и как они появятся без своего летательного аппарата, Мрак не пояснил – напрасно Кукся смотрел на него долгим вопросительным взглядом. Мрак и сам не знал, что делать: как подступиться к этому летуну, на каком языке с ним разговаривать?

Сети больно придавили веточки и листочки на теле и голове лешего.

"Сколько я здесь пролежу? – думал Шуршеня. – Если завтра или послезавтра распеленают, то спасусь. Если нет – погибну. А ведь меня ждут малыши, – переживал он. – А завтра Катя с Малашей будут ждать. Сможет ли Катя сама помочь малышам?"

Шуршеня решил не начинать первым разговор с похитителями: испугаются – и от страха выбросят прямо в сетке в

окно. Тогда он точно погибнет: никто не догадается его распутать. Лучше молчать. Для чего-то он понадобился этим бандитам. Значит, распеленают.

ПЕРВАЯ ВОЛШЕБНАЯ БУСИНКА

Утром следующего дня Катя проснулась очень рано. Ведь было решено вылетать в шесть утра. Сегодня и у Малаши выходной. Бабушка вывела её из сарая и отправила пастись на лужайку возле дома. Катя уже завязала ей бантик и надела вертушки на рога.

Сначала девочка спокойно ждала Шуршеню. Через час стала волноваться. Шуршеня был очень ответственным, как она сама. Он не мог просто так подвести.

Прошло три часа. В Катину голову лезли мысли одна страшней другой: и о Шуршене, и о малышах. Два раза с лужайки цриходила нарядная корова и спрашивала:

– Му-у?

Девочка в ответ лишь пожимала плечами. Она собрала большую сумку еды для детей и спрятала её в кустах, чтобы бабушка не задавала лишних вопросов. Катя хотела рассказать Аняте Ивановне про малышей, но как ей объяснишь, откуда она сама про них узнала?

Шуршеня опаздывал уже на пять часов. Значит, с ним что-то произошло. "У меня ведь есть бусинки!" – вдруг вспомнила Катя. Она достала бусинку, положила её на тарелочку и задумалась: от чего отказаться? Только не от города сказок!

А стать первой красавицей – какая девочка не мечтает?

"Богатство – не самое главное в жизни, – решила Катя. – Мои мама и папа не богачи, и бабушка с дедушкой тоже. А нам всем хорошо друг с другом и без богатства".

Катя крутанула бусинку на тарелочке. Бусинка закружилась, а девочка стала произносить заклинание:

Крошка-бусинка, дружок!

Повернись ещё разочек.

Распахнитесь, половинки.
Выйди, принц, из серединки.
Я тебе, малютка-принц,
Стать могучим разрешу.
И всего одно желанье
Я исполнить попрошу.

Как только она произнесла эти слова, бусинка распалась на половинки, на тарелочке появился крохотный принц с золотыми волосами. Он взмахнул волшебной палочкой. И вдруг исчез простой деревянный дом, и лужайка с коровой, и стол с тарелочкой. Катя увидела великолепный дворец. Она сама – его хозяйка – в дорогом красивом платье и в сказочных украшениях. К ней на бал съезжаются богатые гости в модных автомобилях. У неё есть собственный аэродром, а на нём несколько самолетов.

– Нет! – поскорее ударила Катя ладошкой по столу и произнесла желание: – Хочу оказаться вместе с Малашей там, где сейчас Шуршеня.

И в тот же миг Катя и Маша очутились в городской однокомнатной квартире. Перенестись за несколько мгновений из доброго деревенского дома в прекрасный дворец, а потом в обшарпанную квартиру и сразу понять, где ты, не каждый сможет. С Катей такое случилось впервые в жизни. Поэтому она несколько секунд глядела вокруг себя, ничего не понимая. И совсем неожиданным всё это оказалось для

Малаши. Из рта её торчал клок травы, только что сорванный на лужайке, а глаза изумлённо глядели на двух неопрятных мужчин, сидящих перед ней на диване. Мужчины не понравились ей, она грозно произнесла: "Му-у!" – и пошла на них, нагнув голову и выставив рога.

Мрак и Кукся – а это были они – вскочили на спинку дивана и прижались к стене.

– Сейчас из неё выскочат охранники с автоматами! – заорал Кукся

Мрак молчал. Ему, наверно, стало бы легче, если бы из коровы действительно выскочили омонцовцы. Но он видел, что это обычная корова. С большим бантом на хвосте и пропеллерами на рогах. Мрак подумал, что сходит с ума.

А тут ещё Шуршеня, услышавший голос Малаши, крикнул:

– Катя! Малаша! Вы здесь?

"Веник заговорил!" – подумал Мрак, и у него затряслись коленки.

– Шуршеня! – бросилась Катя к своему другу. – Вот злодеи! Они тебе все веточки прищемили!

Она попыталась распутать сетку, но её звенья сцепились так прочно, что девочке не хватало сил.

– Сейчас же освободите его! – сердито посмотрела она на похитителей. – Иначе вами займётся Малаша.

Воры мгновенно прыгнули с дивана и, дрожа, стали распутывать лешего.

Шуршеня встал, встряхнул примятыми листочками, расправил за тѣкшие за сутки прутики.

– Тебе больно? – спросила Катя.

– Больно, но это нестрашно, – ответил леший, – вы вовремя успели.

– Бусинка помогла, – сказала Катя.

– Я догадался, – Шуршеня обнял девочку веточками: – Ты – добрый человек, Катя.

Девочка радостно улыбнулась и поцеловала Шуршеню в берѣзовую щѣчку.

Надо было спешить к малышам. Тут только Катя вспомнила, что сумку с продуктами она забыла, а денег у неё совсем нет. Одна надежда осталась на вкусное молоко Малаши.

Друзья решили, что сначала поднимутся к малышам, покормят их, а потом Шуршеня перенесѣт Катю в её квартиру и она позвонит тѣте Алѣне.

Шуршеня оглянулся на своих похитителей:

– Зачем я вам понадобился? Только отвечайте честно. Если почувствую, что лжѣте, вам несдобровать.

– Да-да... – умоляюще затараторил Кукся. – Мы – люди честные. Мы всё скажем.

– Ну-у! – гневно произнесла Малаша. – Говорите скорей!

Мрак и Кукся вытянулись в струнку и, приняв Малашу за главную, стали докладывать ей.

– Мы – люди честные, – тоже стал уверять её Мрак. – Мы – воры, – пояснил он.

Малашины глаза потемнели. Она сделала шаг вперёд, нагнула голову и направила рога прямо на бандитов.

– Мы не очень честные люди, – поправился Мрак.

Малаша продолжала надвигаться на них.

– Мы – плохие люди! Воры и грабители! – в один голос завопили бандиты.

– Наконец-то вы сказали правду, – остановилась Малаша.

– Я же говорил, что мы честные люди, – осмелел Кукся.

– Нет, они невыносимы, – мотнула головой Малаша так резко, что пропеллеры на её рогах завертелись.

– Мы много голодали в детстве, – поспешил объяснить Мрак и ткнул Куксю в бок.

– Мы недолопучили... недочолупили... – залопотал Кукся.

– Не-до-по-лу-чи-ли, – помог ему Мрак.

– Витаминов, – закончил свою мысль Кукся. – Надо дополучить и восстановить нужное количество витаминов в организме. Тогда мы исправимся и станем ещё честней.

– Бедненькие воришечки! – покачала большой головой Малаша. – Голодненькие! Мы вам поможем: отправим на поля к фермеру Сельдерееву. Вы у него хорошо поработаете, а он вас от души покормит. Какое угодно количество витаминов восстановится!

– Нам физический труд вреден, – предупредил Кукся. – Мы ослаблены.

– Мы – работники умственного труда! – гордо заявил

Мрак: – Мы работаем головой.

– Можно и головой, – опять стала сердиться корова. – Очень удобно на голове ящики с овощами носить.

Мрак и Кукся посмотрели на неё исподлобья, но спорить побоялись. А корова с устрашающим видом продолжала допрос:

– Зачем вы похитили Шуршеню, негодяи?

– Мы наблюдали за вами несколько дней, – стал угрюмо рассказывать Мрак. – Увидели, что этот веник... – вор испуганно взглянул на корову. – Извините, что этот ваш друг летает и открывает окна. Мы решили, что с ним сможем проникнуть в любую труднодоступную квартиру, забрать всё, что понравится.

– Такой веник – мечта вора, – добавил Кукся.

– Ах, вы хотели полетать?! – разозлился Шуршеня так сильно, что сверкнули его зелёные глаза. – Это я вам сейчас устрою!

И не успели похитители опомниться, Шуршеня подхватил их за ноги, поднял в воздух и вылетел в окно. Он поднял их на огромную высоту.

– Спасите! – орали на весь город Мрак и Кукся.

Большая стая ворон летала за ними, каркая во всё горло.

Шуршеня отнёс эту парочку на крышу двадцатипятиэтажного дома.

– Посидите тут, поразмышляйте, – сказал он, вздохнул и полетел обратно.

– Снимите нас! – вопили воры, но город так шумел внизу, что никто не обращал внимания на странные крики.

Леший вернулся за Катей и Малашей. Он перевел дыхание.

– Шуршенья, у тебя очень мало сил, – глядя на поникшие листочки лешего, сказала Катя.

– Ничего. Сейчас подниму вас к малышам, а потом полечу в лес, подпитаюсь и подлечусь.

Березовичок подхватил девочку, усадил её на спину корове, прочно обвил обеих прутиками. Катя пригнула голову, а Малаша поджала ноги, и леший осторожно вынес их в окно. Они быстро взмыли и взяли направление к Катиному дому. Шуршене было тяжело. А тут ещё воробей уселся Малаше на рог. Ему захотелось прокатиться. В другой раз Шуршенья не почувствовал бы такого малого довеска, но после страшной ночи, когда болел каждый прутик, даже птичка казалась нелёгкой ношей. А воробей стал скакать с рога на рог, расщebetался и рассказал кое-что интересное.

– Все птицы в городе знают про летающих путешественников. И городским собакам всё известно. И я сейчас расчирикаю друзьям, что катался у летающей коровы на рогах, – он взмахнул крылышками и упорхнул.

– Балабол, – добродушно проворчала ему вслед Малаша. Шуршенья приближался к Катиному дому. Летел он тяжело и низко, на уровне шестого этажа. Хорошо, что в этом доме большие длинные балконы. На таком вполне уместится

корова.

Шуршеня несколько раз взмахнул веточками, пытаясь подняться до девятого этажа, но сил не хватало, и он опустился на седьмом, под Катиными окнами, то есть на балконе Коромыслова. Освободил Малашу, попросив её подождать, перенёс Катю в квартиру № 141. Малыши кинулись к Кате, и в один голос закричали:

– А где мама? А мама прилетела? – их личики были зарёваны. – Мы кушать хотим, – вопросительно смотрели они на Катю.

– Сейчас сюда прилетит корова и накормит вас вкусным молочком, – ругая себя за забывчивость, ответила Катя.

КОРОМЫСЛОВ И ЛЕТАЮЩАЯ КОРОВА

На балконе, где осталась Маша, за несколько минут произошли следующие события.

Степан Андреевич Коромыслов увидел, как огромная тень приземлилась у него за окном. Его жена в этот субботний день отдыхала. Лёжа на диване, Лилия Борисовна смотрела телевизор и уснула.

Коромыслов, пригнувшись, подкрался к балкону и неожиданно распахнул дверь. Он хотел застать наглеца врасплох. Но сам остолбенел от удивления, когда увидел на собственном балконе незнакомую корову. Корова смущённо помахала хвостом с огромным красным бантом и, будто извиняясь, промычала:

– Му!

– Лилия! Лилия! – Коромыслов побледнел, покраснел, бросился к своей жене и стал трясти её за плечи: – Лилия! Вставай!

– Что случилось?! – испугалась жена.

– Вставай! – торжественно произнёс Коромыслов (будто давно знал, что такое непременно произойдёт). – У нас корова!

– Корова? – спросонья удивилась жена. – Ты купил корову?

– Нет, я не покупал. Она прилетела!

– Ну что ты мелешь? Коровы не летают!

– А эта прилетела! – перешёл на крик Степан Андреевич. – У неё пропеллеры на рогах! И бант на хвосте.

Жена печально посмотрела на Степана Андреевича.

– Стёпа, давай вызовем скорую помощь. У тебя темпера-

тура.

Но Степан Андреевич уже набрал номер милиции и орал в трубку:

– Милиция! Срочно арестуйте корову! Да-да, корову! Что она сделала? Она прилетела... не знаю, откуда. Приметы? Записывайте: на рогах красные пропеллеры в белый горошек, на хвосте – красный бант тоже в белый горошек. Она прилетела ко мне на балкон и нагло машет хвостом. Сейчас жена вам всё подтвердит. Лилия! – заорал он на жену. – Иди на балкон, убедись, что там стоит корова, и подтверди это дежурному милиционеру.

Пока Коромыслов волновался, бегал по квартире, звонил в милицию, к Малаше подлетел воробей, который катался на её рожках. Он принёс в клюве сложенный вчетверо лист бумаги, нацепил его корове на рог и прочирикал:

– Вам письмо от Матильды.

– От Матильды? Кто это такая? – спросила Малаша.

– Вы не знаете Матильду?! – воробей закатил глаза.

Весь вид его говорил: "Деревня!" Но вслух он гордо пояснил:

– Матильда – самая крутая корова!

Воробей упорхнул. Вслед за ним спустился на балкон Шуршениа, поднял Малашу и перенёс её в квартиру № 141.

Лилия Петровна вышла на балкон. Как она и ожидала, балкон был пуст.

– Лилия, ты можешь подтвердить наличие коровы? – кри-

чал Коромыслов одновременно и в трубку, и жене.

– Я могу подтвердить её отсутствие, – сердито ответила жена. – И впредь, если здесь появится слониха в сарафанчике или бегемот в пижаме, разбирайся с ними сам. Меня больше не зови.

Лилия Борисовна включила интересный фильм, а Коромыслов опустил на пол, стал подкрадываться на карачках и резко распахнул балконную дверь. Корова испарилась!

Малаша в это время стояла, окружённая детьми. Они гладили её бока, поправляли бантик, залезали на стулья и вертели пропеллеры на рогах. Катя, взяв большую кастрюлю, доила молочко. Едва кастрюля наполнилась на треть, малыши прибежали с кружками, уселись под Малашей и стали зачерпывать молоко из кастрюли и подставлять кружки под струйки. Молоко у Малаши было сытным, тёплым. Артёмка и Антошка напились и заснули тут же, под коровой. Шуршеня перенёс их на кровать. А Верочка сама легла на диван и уснула.

– Катя, прочти мне, пожалуйста, письмо, – попросила Малаша.

Письмо – всего несколько строк – было написано очень крупными круглыми буквами:

"Уважаемая незнакомая корова!

Я совсем одинока. Мечтаю душевно поговорить по-нашему, по-коровьи, хоть с кем-нибудь. Прошу Вас: прилетите на чашечку ароматного чая или кофе. Живу в элитном доме

недалеко от Вас, на шестом этаже. Очень жду и надеюсь на встречу.

Корова Матильда".

От письма исходил тонкий аромат французских духов.

Малаша вопросительно посмотрела на Катю, потом на Шуршеню.

– Конечно, надо навестить, – сказал Шуршеня.

Он сам несколько месяцев провёл в одиночестве под горкой. Понимал, как это грустно.

Малаша виновато смотрела на Шуршеню. Леший понял её взгляд:

– Не переживай, Малаша. Мне хватит сил. Я отнесу тебя и улечу в лес. Вернусь через час.

– Но сначала, – напомнила Катя, – перенеси меня в мою квартиру. Надо позвонить тёте Алёне.

ВТОРАЯ ВОЛШЕБНАЯ БУСИНКА

До тётки Алёны Катя дозвонилась быстро. Молодой женский голос на другом конце провода сначала звучал недоверчиво и удивлённо, потом очень тревожно.

Тётя Алёна взяла ключи от квартиры своей сестры и через полчаса уже входила в неё. Дети спали – чумазы, заплаканные. И их одежда, и пол в квартире – всё было забрызга-

но молоком. Молоко осталось и в большой кастрюле на столе. Тётя Алёна зачерпнула его, осторожно попробовала. Оно оказалось очень вкусным – свежим деревенским молоком. "Откуда оно здесь"? – удивилась женщина. Потом она закрыла дверь и пошла к той девочке, которая её позвонила, то есть к Кате. Они так договорились по телефону. Пока тётя Алёна спускалась на лифте в одном подъезде, а потом поднималась в другом, ей в голову приходили тревожные мысли, и она забыла спросить, как Катя оказалась в квартире № 141 и откуда там появилось молоко.

Тётя вместе с Катей сели за телефон и стали обзванивать все больницы. И очень скоро выяснили, что Валентина Александровна, мама малышей, лежит в одной из больниц уже три дня, без сознания, в очень тяжёлом состоянии. Её сбила машина, и врачи почти не надеются её спасти.

Женщина отвернулась к окну и заплакала. Кате стало страшно. В своей жизни она ещё не сталкивалась с настоящим горем и теперь поняла, что в квартире за стенкой случилось это большое горе.

Тётя Алена вытерла слёзы и протянула девочке ключи. Она попросила её подняться к малышам и посидеть с ними. Сама же отправилась в больницу навестить сестру.

Когда Катя поднялась, малыши ещё спали. Она подумала, что вот сейчас они проснутся и начнут спрашивать про маму. Катя на секунду представила: если бы с её мамой случилась беда? "Нет, даже думать нельзя так!" – прогнала она страш-

ные мысли. Вынула из кармашка тусок, взяла одну бусинку, зажала её в ладошке... Подошла к зеркалу и посмотрела на себя. И мама, и бабушка – все считают её красавицей. Сама Катя так не считала. Ей нравились свои глаза и волосы. А нос ей нравился Юлин – прямой и тонкий. А губы Танины – небольшие, но пухленькие. Катя даже один раз взяла свою фотокарточку и приклеила к ней Юлин нос и Танины губы. Получилась такая кикимора! Нос скособочился, а рот, измазанный клеем, застыл в кривой улыбке. Катя соединила по две буквы от каждого имени – новое имя Каюлта вполне подходило этой чумазой особе. Потом девочка вырезала из бархатистой бумаги шляпку, приклеила её к Каюлтиной голове. Из красивого лоскутка вырезала платье и подклеила его к её туловищу. Нарядная, но всё равно смешная Каюлта смотрела на Катю её же собственными, но теперь озорными глазами.

Какая девочка не мечтает стать королевой красоты? "Бывают девочки ещё красивее, чем мисс мира, – подумала Катя. – И ничего. Не умирают без короны".

Она взяла со стола тарелочку, положила на неё бусинку и решительно крутанула её:

Крошка-бусинка, дружок,
Повернись ещё разок.
Распахнитесь, половинки,
Выйди, принц, из серединки.

Я тебе, малютка-принц,
Стать могучим разрешу.
И всего одно желанье
Я исполнить попрошу.

Бусинка закружилась, распалась на две половинки... Маленький принц взмахнул палочкой... Исчезла квартира № 141...

Катя увидела огромный зал, залитый золотым светом, полный народу. Все с восхищением смотрят на сцену. А там в ряд стоят несколько девушек ослепительной красоты. Они улыбаются. Среди них девочка не сразу узнает себя. Но вот ведущий конкурса объявляет: "Мисс мира – Катя... В зале начинаются такие овации! Все люди встают и рукоплещут ей. Да, эта сказочная красавица, действительно, она – Катя!.. У неё замирает сердце: неужели она такой станет? Красавице надевают корону, сверкающую бриллиантами. Глаза её сияют от счастья. И вдруг она поворачивается к маленькой Кате, сидящей здесь, в комнате, и умоляет её взглядом: произнеси заклинание, скажи, что хочешь стать мисс мира. И девочка, обо всем позабыв, начинает уже говорить: "Хочу..." Но в это время за спиной кто-то зовёт:

– Мама! Мама! – это Верочка плачет во сне.

Катя мгновенно всё вспоминает и произносит другие слова.

– Хочу, чтобы Верочкина, Антошкина и Артёмкина мама

очень быстро выздоровела и вернулась домой.

Всё исчезло. Вместо бусинки на тарелочке лежали две половинки обыкновенной старой горошины.

"Неужели ничего не получилось? Неужели я опоздала произнести желание, и волшебная сила бусинки улетучилась?" – огорчилась Катя.

...Раздался звонок в дверь – вернулась тётя Алёна и прямо у порога обняла её и заплакала, но уже другими – радостными слезами.

– Катя, всё будет хорошо! – сказала она и повторила, обнимая и целуя проснувшихся детей: – Всё будет хорошо!

И тётя Алёна рассказала, как потрясены были врачи в больнице небывалым в истории медицины случаем. Она стала собирать малышей, чтобы забрать их на время к себе. Катя помогала ей умывать и переодевать их, а тётя Алёна рассказывала. Врачи просто боятся выписывать ее сестру, так как невероятно, чтобы настолько серьёзные переломы, травмы и раны заживали так быстро, будто их и не было никогда. Каждое тети Алёнино слово делало Катю всё радостней, но красавица из волшебной бусинки будто бы стояла в углу комнаты и грустно смотрела на нее. Разве правильно ты сделала?" – спрашивала она взглядом.

Катя несколько не сомневалась, что поступила правильно. Но любая девочка мечтает стать королевой красоты, и с такой мечтой расстаться трудно.

Катя вернулась в свою квартиру. Там, оказывается, уже поджидал её Шуршеня. Его зелёные глазки-листочки стали яркими, веточки распушились – он наполнился земными целебными соками.

Она рассказала ему новости. Шуршеня с восторгом смотрел на нее:

– Катя, так поступают самые добрые лешие. Мои папа и мама гордились бы тобой.

Девочка заулыбалась от Шуршениной похвалы. Она не могла никому из людей рассказать о волшебных бусинках. А ведь так приятно, когда хоть кто-нибудь может оценить твой хороший поступок.

– Теперь нам надо залететь за Малашей, – сказал леший, – и возвращаться домой. Бабушка Анюта уже, наверно, ищет вас.

В ГОСТЯХ У МАТИЛЬДЫ

Малаша в это время пила кофе, приготовленный по специальному рецепту: с добавлением сена (но вы бы никогда об этом не догадались, если бы попробовали этот напиток). Пила она его у своей новой подруги Матильды.

Такой красавицы-коровы Малаше видеть не приходилось.

Матильдины прекрасные глаза были подведены, длинные подкрашенные ресницы, моргая, порхали, как крылышки бабочек. В ушах позванивали крупные золотые серьги, тяжёлая золотая цепь украшала шею, на передних ногах переливались драгоценные браслеты. Очень модный педикюр с цветным узором на копытцах радовал взгляд.

– Вы видите, я ни в чем не знаю отказа, – говорила Матильда. – У меня всё есть. Мой хозяин Эрнест Эльбрусович – добрый человек. Но он такой любитель экзотики. Вот и меня завёл ради экзотики. Завёл бы себе попугая.

Малаша во все глаза смотрела на городскую подругу и пила кофе из десятилитровой фарфоровой чашки. Ей очень хотелось опустить голову прямо в чашку, как в ведро, и пить оттуда, отдуваясь и отфыркиваясь. Но это выглядело бы неприлично. И Малаша, стесняясь своей неловкости и боясь разлить кофе, подражала Матильде: держала чашку передними копытами.

– Дорогая Малаша! – вздохнув, продолжала Матильда. – Мне стыдно жаловаться. У меня большая комната. Есть даже подстилка из сена.

И среди зимы мне каждый день привозят зелёную траву. Летом меня вывозят на грузовом лифте на прогулку. Под домом большая огороженная лужайка с сочной травой, – прекрасные глаза Матильды вдруг наполнились слезами. – Все собираются за оградой: и люди, и воробьи-болтуны. И смотрят на меня, будто в зоопарке. Глядят, смеются, обсуждают.

Малаша отставила чашку на стол, прижала копытца к груди и с жалостью посмотрела на Матильду.

– За всю жизнь меня ни разу никто не выслушал так, как вы, Малаша, – две крупные слезинки выкатились из Матильдиных глаз. – У меня нет ни подруги, ни друга.

Малаша не знала, как утешить собеседницу. Ни за что она не променяла бы свою простую деревенскую жизнь на эту роскошь. Но чем помочь Матильде? Ведь Малаша больше никогда не прилетит в город, поэтому Матильда больше ни с кем никогда не побеседует.

В это время в окно влетели Шуршеня с Катей. Матильда тут же усадила их за стол и стала предлагать кофе. Шуршеня отказался, а Катя согласно кивнула головой. Матильда от всей души протянула ей такую же, как у себя, десятилитровую чашку.

– Извините, у вас не найдётся чашечки поменьше? – вежливо спросила Катя.

Матильда спохватилась, извинилась за свою рассеянность – она впервые в жизни принимала гостей – и принесла из посудного шкафа другую, хозяйскую чашечку.

Интеллигентная и воспитанная корова, она не стала при Кате и Шуршене рассказывать о своих бедах: хозяйка должна быть приветливой и стараться, чтобы гости не грустили. Матильде и так было неловко перед Малашей за то, что вместо весёлого разговора она расплакалась перед гостьей. Но такими понимающими, как у Малаши, глазами на неё никто

никогда не смотрел.

Малаша, наоборот, решила продолжить разговор.

– Дорогая Матильда, – сказала она бархатным голосом, – я поняла, что ваш хозяин – добрый человек. Но вы не понимаете друг друга потому, что он совсем не знает коровьего языка, а вы не очень хорошо знаете человеческий. Вы просто не можете поговорить друг с другом. Но вы заметили, что Катя понимает нашу речь?

– Да! Это уникальная девочка! – восторженно посмотрела на Катю Матильда и подлила ей ещё кофе.

– Никакая я не уникальная, – возразила девочка. – Просто, когда Шуршениа рядом, люди и животные понимают друг друга.

– Что вы говорите?! – удивилась Матильда, и её прекрасные глаза обратились на лешего.

– Это так, – ответил Шуршениа и скромно добавил: – Все лешие такие.

– Я хочу предложить, – обвела всех взглядом Малаша, – чтобы Матильда побеседовала с хозяином в твоём присутствии, Шуршениа. Может быть, Эрнест Эльбрусевич поймёт Матильду и хотя бы на лето станет привозить её к нам в Си-неочье.

Глаза Матильды заволоклись слезами.

– Неужели такое возможно? – взволнованно промычала она.

– Сделаем вот как, – предложил Шуршениа. – Когда я в

следующий раз прилечу в город, мы побеседуем с Эрнестом Эльбрусовичем. А потом он уснёт и будет считать, что ему приснился сон. Но он задумается о вашей судьбе, уважаемая Матильда.

– Теперь в моей жизни появилась надежда! – воскликнула Матильда и прижала к себе Шуршению и Катю.

Потом она обнялась с Малашей. Обе коровы, смущаясь, смахнули слезинки.

ПОЮЩИЙ ЛЕС

Путешественники должны были спешить.

Шуршеня опять усадил девочку на спину корове, прочно обвил обеих, Матильда распахнула окно – и отважный экипаж взмыл в небеса. Матильда долго махала им вслед передним копытцем, позванивая браслетами, другим копытцем вытирала слёзы.

Шуршеня легко пролетел половину пути. Над лесом он приостановился. Выбирая площадку для посадки, застыл в воздухе на несколько мгновений.

Освещённый солнцем, внизу сиял лес. Сияющая зелень залила всё пространство из края в край. Сквозь лес неспешно текла река. Она не серебрилась: в ней отражалось небо и плыли облака. "Вот какой видят землю птицы", – подумала Катя.

И вдруг все трое услышали пение.

Звучал хор.

Голоса то распадались на многоголосие, то сливались в один звук – и песня поднималась в небеса, выше путешественников, будто предназначалась для самых высоких сфер. В лесу затихло всё, кроме деревьев. Пели именно они.

Счастливо и нежно звучал голосок берёзки. Оттеняли его негромкие басы дуба. Стройный и торжественный напев возносили ввысь вставшие в кружок сосны. Озорничая, кедр вступал игольчатым перезвоном. Изредка доносились тоненькие, нечаянные, как всплески, переливы склонившейся к болотцу вербы...

Может быть, сами ангелы на небесах притихли и слушали пение леса.

Катя, Малаша и Шуршеня почувствовали себя в этот миг такими близкими друзьями, будто у них была одна общая душа. И эта душа наполнилась счастьем.

Что бы потом ни случилось в жизни, память о таких счастли-

ливых мгновениях остаётся в живом существе навеки и помогает выстоять в самые трудные минуты.

Песня закончилась. Шуршеня плавно приземлился, бережно опустив на берег реки своих спутниц.

После такого обращения к небу лес долго хранил молчание. Путешественники за время передышки тоже не проронили ни слова.

Все во дворе ждали их с нетерпением. Особенно – с раннего утра – волновались за Шуршеню. Когда экипаж благополучно приземлился, Федот подошёл к нему и, скрывая смущение, сказал:

– Я так переживал за тебя.

Шуршеня в ответ дружески обнял кота.

Хорошо, что была суббота. Все домашние животные собрались на лужайке возле дома и стали слушать рассказы. А их было столько!

И про то, что у Верочки, Антошки и Артёмки всё хорошо закончилось.

И про Матильду.

И про то, как пел лес.

И про Шуршенино похищение.

И про Мрака и Куксю.

– Катя, – вдруг спохватился Шуршеня, – я ведь про Мрака и Куксю совсем забыл! Они до сих пор на крыше сидят. Надо лететь за ними!

– Ничего, пусть посидят, подумают о жизни, – строго сказала Малаша.

Все подержали её, а Гаврила Архипыч даже зарычал, что редко с ним случалось:

– Вор-ры! Жаль, меня с вами не было. Я бы разодр-рал их на части.

– Попадись они мне, – зашипел, выпуская когти, Федот, – узнали бы, как честных леших похищ-щать!

Один Кузьма Кузьмич почему-то печально и безучастно смотрел на всех. Но никто не обратил внимания на его плохое настроение.

РАЗГОВОР В МИЛИЦИИ

Мрак и Кукся боялись высоты, поэтому они не подходили к краю крыши. Их никто не видел снизу, и никто в шумящем городе не обращал внимания на странные крики, заглушаемые вороньим карканьем.

Поняв, что днём их не услышат, бандиты решили поберечь свои голосовые связки до ночи.

И вот, когда город стих, в темноте раздался их вой. Тут уж они постарались! Они, конечно, кричали:

– Спаси-ите! Кара-у-ул! Помогите!

Но в окна домов влетали только невнятные, даже злоеющие завывания.

Вокруг Мрака и Кукси чёрной тучей летало вороньё.

Люди замирали от страха. Одни думали, что это голоса коты, другие – что завелась нечистая сила.

Степан Андреевич Коромыслов первым позвонил в милицию. Он сообщил, что на крыше двадцатипятиэтажки воют собаки.

– Примите меры! – нервно закричал он.

В этот раз ему поверили, вызвали службу спасения. Прилетел вертолёт и снял несчастных бандитов с крыши. Бледные и дрожащие, они долго не могли выговорить ни слова. Их привезли в милицию и стали спрашивать:

– Как вы оказались на крыше, граждане?

– Прилетели, – ответил Мрак честно, потому что не знал, как можно иначе объяснить своё появление на такой высоте.

Милиционеры переглянулись.

– Из космоса? – с иронией "уточнил" дежурный сержант. – Инопланетяне, что ли?

– Не из космоса. С земли.

– На чём прилетели? – строго спросил сержант.

– На венике, – ответил Кукся.

– На каком венике? – рассердился дежурный, а другие милиционеры рассмеялись.

– На зелёном, – пролепетал вор и пояснил, – на берёзовом.

– В бане, что ли, перепарились?! – стал нервничать сержант.

– Не-ет! – протянул Кукся и гордо добавил: – Мы его сами поймали.

– Впервые слышу, что веники летают, – с удивлением смотрел дежурный на задержанных.

– Летают, – подтвердил Кукся и подробно рассказал и про веник, и про девочку, и про главаря банды – корову с пропеллерами и бантом в горошек.

Мрак, слушая приятеля, утвердительно кивал головой.

Выслушав такую историю, сержант почесал карандашом затылок, тем же карандашом покрутил диск телефона и вызвал психиатрическую скорую помощь. Через полчаса Мрака и Куксю уже везли в машине, а они распевали песни, потому что радовались, что едут в сумасшедший дом, а не на поля фермера Сельдереева.

Всё это рассказали Шуршене вороны, когда он утром прилетел в город и не застал бандитов на крыше. Леший даже огорчился, потому что замыслил он кое-что иное. Но теперь надо было ждать, когда воров выпишут из больницы.

Дел у Шуршени – и в лесу, и в городе – накопилось много. Одно из самых важных – навестить Матильду и побеседовать с Эрнестом Эльбрусовичем.

ЭЛЕГАНТНЫЙ ЭРНЕСТ ЭЛЬБРУСОВИЧ

Эрнеста Эльбрусовича знали в городе все. Вот губернато-

ра не все знали и мэра иногда путали, но не было человека, который не знал бы Эрнеста Эльбрусовича. Если бы он жил не в большом российском городе, а в каком-нибудь племени тамбу-мамбу, то у него было бы длинное имя: "Тот, который держит корову в своем вигваме". Потому что про Эрнеста Эльбрусовича так и говорили: "А, это тот, который корову у себя в городской квартире держит".

Эрнест Эльбрусович был ценным служащим в одном крупном государственном банке. Он был до такой степени ценным, что банк сам в день сорокалетнего юбилея этого сотрудника подарил ему корову чудесной породы и редкостной красоты. (Банк знал, что Эрнест Эльбрусович мечтает о такой корове с самого раннего детства.)

Тогда Эрнест Эльбрусович от счастья продал свою небольшую квартиру и купил двухкомнатную в доме с грузовым лифтом, в котором можно было вывозить корову на прогулку.

Вскоре он почувствовал, что ему нужны единомышленники, и решил создать партию Странников Содержания Коров в Домашних Условиях. Кратко: ССКДУ. Дал объявления в Интернете, на радио, телевидении и в газетах. Соратники не откликнулись, но надежды он не терял.

Эрнест Эльбрусович был худощавым мужчиной высокого роста. В дверном проёме ему всегда приходилось наклонять голову, чтобы не сшибить лбом верхнюю перекладину. Он ходил с красивой тростью, носил строгие костюмы и ку-

рил сигары. Своей элегантностью покори́л всех местных бабушек, и они не осуждали его за то, что он держит корову в городской квартире. Других осуждали за двух собак или двух котов, а Эрнеста Эльбрусовича осудить было невозможно. Такой он был элегантный и вежливый. Цвет его галстука всегда соответствовал цвету какой-нибудь полоски на рубашке, рубашка подбиралась в тон костюма, обувь была безупречной. Проходя мимо бабушек, он всегда снимал головной убор и говорил:

– Приветствую вас, милые дамы!

Бабушки даже нарочно собирались на лавочках во дворе в то время, когда возвращался Эрнест Эльбрусович, и с надеждой глядели на него, желая в очередной раз услышать "милые дамы". Они действительно все становились милыми, расцветали на глазах и готовы были вступить в ССКДУ. Но почему-то Эрнест Эльбрусович не разглядел в них возможных однопартийцев.

Итак, и сослуживцы, и соседи во дворе относились к Эрнесту Эльбрусовичу с большим уважением.

Но этот ценный работник государственного банка был несчастлив в одном: он никак не мог найти себе невесту. А жениться ему давно пришла пора. Он хотел, чтобы его избранница совмещала два важных качества: элегантность и любовь к коровам. И никак не мог встретить такую идеальную даму. Либо дама была очень элегантной, но равнодушной к коровам. Либо любила коров, но ей было всё равно,

какую брошь и шляпку надеть на вечернюю дойку.

Эрнест Эльбрусович давно уже вёл переговоры в Интернете с разными претендентками на роль жены скромного, но ценного служащего банка. И вот, кажется, нашёл мечту своей жизни: англичанку мисс Энн Смит. Мисс Смит происходила из старинной английской семьи, которая с давних пор занималась разведением коров. По приглашению Эрнеста Эльбрусович она приехала в Россию. Он встретил её в Москве, привёз в свой город и, волнуясь, пригласил к себе на чашечку кофе. Эрнест Эльбрусович давно сообщил мисс Смит, что у него есть корова Матильда, но пока не сказал, что она проживает вместе с ним в одной квартире и занимает одну из комнат. Семейство Смитов несколько веков занималось разведением коров, но предпочитало держать их в коровниках. Как мисс отнесётся к совместному проживанию под одной крышей с коровой? Эрнест Эльбрусович решил не сообщать сразу этот чрезвычайный факт своей избраннице, а постепенно подготовить её.

БЕСЕДА МАТИЛЬДЫ С ЭРНЕСТОМ ЭЛЬБРУСОВИЧЕМ

Шуршеня и Матильда давно поджидали Эрнеста Эльбрусовича. Они договорились, что леший не будет показывать-

ся на глаза хозяину. Зачем пугать хорошего человека? Эти взрослые такие непредсказуемые: как бы Эрнест Эльбрусович не начал кричать или не выпрыгнул в окно. Хозяин задерживался, и Шуршеня с Матильдой сильно волновались.

Наконец, он вернулся. Но был не один! Его голосу вторил женский голосок, да ещё с английским акцентом. Вот дела! Леший и корова переглянулись. Но решили не отступать от задуманного.

Эрнест Эльбрусович не спешил знакомить свою подругу с Матильдой. Он усадил мисс Энн в кресло и стал с ней беседовать.

Леший настроился на волну человеческо-животной речи и махнул корове веточкой: начинайте, Матильда, действуйте.

Корова подошла к зеркалу, поправила серебряное кольцо, бриллианты сверкнули в её ушах, браслеты зазвенели...

Дверь в Эрнестову комнату медленно открылась, и в неё просунулась коровья голова.

– Эрнест Эльбрусович, – тягучим низким голосом произнесла Матильда, посмотрела сначала на хозяина, а потом перевела приветливый взгляд на гостью, – вы будете пить кофе?.. Ну, проходите же, – ласково, но настойчиво пригласила она их и взмахнула накрашенными ресницами.

Мисс с надеждой взглянула на Эрнеста Эльбрусовича, желая прочесть на его лице, что всё это не бред. Но её избранник сидел с открытым ртом (ведь он сам ни разу в жизни не

слышал, чтобы Матильда говорила).

– Прошу вас, – корова распахнула дверь в свою комнату.

Хозяин взял мисс Энн под руку, и они, как загипнотизированные, пошли за Матильдой.

В коровьей комнате Эрнест Эльбрусович, всё ещё не пришедший в себя от удивления, стал ухаживать за дамами: мисс Энн и Матильдой. Он поставил перед каждой фарфоровые, выполненные на заказ, ведёрные чашки, и от души налил в них кофе до краёв.

– О, я слышала о русском гостеприимстве, – с изумлением пролепетала мисс Энн.

Она хотела добавить, что "это уж чересчур", но постеснялась. Мисс Энн попыталась поднять чашку своими нежными ручками, но не смогла. Ей очень хотелось с дороги выпить кофе. Эрнест Эльбрусович не замечал замешательства своей подруги. Сам изящно держал чашку одной рукой, легко отпивал по глоточку ароматный кофе.

– Дорогая Матильда, – наконец-то начал он приходить в себя, – так вы скрывали от меня такое чудесное свойство. Вы умеете говорить?

– Только сегодня, – ответила корова. – Больше никогда в жизни я не смогу побеседовать с вами.

Она встала, взяла из шкафа маленькую чашечку, налила в неё кофе и протянула гостю. Мисс Энн признательно взглянула на неё.

Эрнест Эльбрусович смотрел на корову так, будто видел

её впервые в жизни. А Матильда села в кресло и стала рассказывать ему обо всех своих переживаниях, о том, что она одинока и мечтает о друзьях, о природе, о речке – одним словом, о Синеочье, где живёт её подруга Малаша.

Эрнест Эльбрусович обладал несомненными достоинствами, но до этого разговора не понимал, какая у Матильды чувствительная душа.

И теперь ему стало стыдно. Он, встав на одно колено, попросил у коровы прощения и торжественно в присутствии мисс Энн пообещал в скором времени отправить Матильду в Синеочье.

В этот момент вылетел из-за кресла Шуршеня, прикоснулся к голове мисс Энн, потом к голове Эрнеста Эльбрусовича – и они уснули.

Шуршеня радостно, от того что всё удачно получилось, обнялся с Матильдой и вылетел в окно – он спешил.

Матильда убрала все чашки со стола и вышла на балкон. Эрнест Эльбрусович и мисс Энн проснулись. Они были смущены, что так не вовремя – прямо за столом – заснули при первой же встрече, но оба стали рассказывать друг другу странный сон, который только что приснился им. И были удивлены: ведь им приснилось одно и то же! Они решили, что у них родственные души и что сама судьба послала им одинаковый необычный сон.

Эрнест Эльбрусович сразу же предложил мисс Энн руку и сердце, а она согласилась стать его женой. А ещё он пред-

ложил в ближайшее воскресенье поехать в Синочье, разыскать там Малашу и попросить её хозяев взять на летний отдых Матильду. А мисс Энн предложила создать в Синеочье небольшую ферму по разведению крупного рогатого скота. Эрнест Эльбрусевич был так потрясён предложением невесты, что понял: он будет любить её всю свою жизнь.

МИРОВАЯ СЛАВА КУЗЬМЫ КУЗЬМИЧА

Когда Шуршеня улетел снимать Мрака и Куксю с крыши и не застал их там, Кузьма Кузьмич молча позавтракал и, ни на кого не взглянув, ушёл со двора.

– Хорохорится Кузьмич, – прохрюкала Евдокея.

– Загордился опять, – беззлобно прорычал Гаврила.

Настала пора обеда.

Малаша домой не пришла. Бабушка Анюта отправилась к ней на пастбище, на дневную дойку. Нюся убежала к соседке Брыське поиграть с её котятами. Шуршеня должен был вернуться к вечеру.

Ждали Кузьму Кузьмича, но, не дождавшись, принялись за обед без него.

– Деревню просвещает, – хмыкнула Евдокея.

– Просветитель наш-щёлся, – откликнулся Федот.

Архипыч ничего не сказал: он заподозрил неладное.

Катя промолчала, потому что без Шуршени она могла только догадываться, о чём беседуют животные.

Все заволновались вечером, когда козёл не явился ужинать и не пришёл на посиделки. Бабушка всплёскивала руками, охала, наконец, подошла к Архипычу и отвязала его:

– Гаврилушка, пройдишь ты, милый, по деревне. Может, учуешь его где-нибудь, пропагандиста рогатого.

Пёс двор за двором обошёл всю деревню. Заглянул даже в колодцы. Вернулся ни с чем, стыдно бабушке в глаза взглянуть. Опустил голову.

– Не нашёл, – поняла Анюта Ивановна. – Ладно, Гаврила, отдыхай. Косточку погрызи и спать ложись, – бабушка протянула ему ароматную косточку.

Пёс осторожно взял её зубами, поблагодарил, вильнув

хвостом, и поплёлся в свою конуру.

Он грыз косточку и размышлял. Завтра утром придётся отправляться на поиски. "Лишь бы дождя не было, – думал он, – а то и след не возьму".

Кое-какую информацию пёс все же собрал. Ему сказали, что Кузьма Кузьмич вышел из деревни и направился по лесной тропе в сторону сопки Приозёрной. "Зачем Кузьмич поперся к этой сопке?" – недоумевал Гаврила Архипыч.

Впервые в жизни Кузьмич прошёл по деревне молча. Было очевидно, что у него есть цель и он идёт прямо к ней. За ним увязалась одна разудалая собачка по кличке Мухина, которая любила всё про всех знать.

Козёл был так угрюм и погружен в свои мысли, что Мухину не заметил, а она держалась на почтительном расстоянии от него. Пробежала за Кузьмой Кузьмичом до околицы – до тропинки, ведущей к сопке Приозёрной. Тут собачка приостановилась, помахала хвостиком, что-то прикидывая в уме. Потом присела и стала смотреть вслед Кузьмичу, пока тот не скрылся из виду. Она не то чтобы побоялась идти дальше – просто ей надоело это путешествие.

Мухина-то и сообщила Гавриле Архипычу, куда направился козёл.

А Кузьма шёл все целеустремленней. Он решил взобрать-

ся на вершину Приозёрной, оттолкнуться, полететь и вернуться домой гордо – по воздуху. И возвратить себе славу первого парня на деревне! А то всё Шуршеня да Шуршеня. Ни новости слушать не хотят, ни мудрые советы. Только восхищаются: "Ах, Шуршеня! Ох, Шуршеня!"

И он всё уверенней шагал вперед, готовясь взвалить на себя бремя будущей славы. Он уже представлял, как все телевизоры во всём мире показывают его портрет, все дикторы восхищённо произносят: "Первый в мире летающий козёл!" Вот уже и Приозёрная недалеко. Он прибавил шагу, почти побежал навстречу славе. Бесшабашное сердце ликовало в козлиной груди. Ведь он не какой-нибудь Шуршеня, не на стометровой высоте будет летать, а под облаками. Может, и выше. Его имя сразу занесут в книгу рекордов Гиннеса. Дедушку и бабушку переселят, наверно, в его сарайчик, а сам он станет жить в доме и смотреть телевизор.

И Анюта Ивановна, и Семён Ульянович, и все поймут тогда, как недооценивали его, отважного героя. Чурбан под окном он, так и быть, оставит. Пусть дедушка забирается на него, просовывает свою седую голову с усатым лицом в комнату и смотрит телевизор.

Ноги Кузьмы Кузьмича весело поскакали вверх по камням, поросшим мхом и мелким кустарником. Одна задняя нога скользнула и попала в расщелину. Кузьмич напряг передние ноги, чтобы вытащить заднюю из западни. Но тут каменная глыба предательски сдвинулась с места. Всего-то на

сантиметр и сдвинулась, но Кузьмичёва нога оказалась в такой узкой щели, что вытащить её стало невозможно. И это в ста метрах от мировой славы! Козёл заплакал.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Катя, Шуршеня и Гаврила Архипыч решили отправиться на поиски Кузьмы Кузьмича тайком от бабушки. Как её

с собой возьмёшь? Бабушка слишком толстенькая, а лесная тропинка узенькая; кусты, деревья, высокие травы вплотную обступают её. Такой толстоватой бабушке по узкой лесной тропиночке не пройти, придётся для неё просеку прорубать, время тратить. Нет уж, пусть она со своими домашними делами управляется. Рано утром она и не заглянет в собачью конуру и Катю раньше десяти будить не пойдёт.

Да и зачем им бабушка в спасательной операции? В спасатели она не годится. Вот Архипыч – опытный спасатель. Шуршеня – знаток леса. А Катя – глава экспедиции.

Спасатели встали рано. Ночь ещё не закончилась, даже страшновато было смотреть на мрачное беззвёздное небо. Оно чёрным куполом вздымалось над землёй. Лишь линия горизонта окрасилась в едва заметные нежно-бежевые тона. И всё-таки Катя подумала: "Как здорово вставать в такую рань". Хотя она ещё ни разу не взялась за кисти и краски – у неё совсем не оставалось для этого времени, – уже тысячу картин нарисовала в своём воображении и почти все запомнила.

Но идти с Шуршеней по такой темени было совсем нестрашно. Захочет какой-нибудь волк или медведь съесть Катю или Архипыча, Шуршеня отвлечёт хищников, и они уйдут, забыв, что хотели позавтракать.

Леший очень напоминал шагающего петушка, только голова чурбанчиком.

Архипыч брал след и шёл первым.

Когда спасатели подошли к околице, стало светлее. И совсем рассвело, когда они свернули с лесной колеи на узенькую тропку.

Издали увидели Кузьму Кузьмича. Тот лежал посередине сопки ни жив ни мертв.

– Кузьмич! – приблизившись, осторожно окликнул его пёс.

Рогатая голова чуть-чуть приподнялась.

– Умираю... – простонал козёл, закатывая глаза. – Я жду вас целые сутки, а вас всё нет и нет, – даже "умирая", стал он упрекать друзей.

Очень хотелось Архипычу обругать козла "старым дурнем", но пёс промолчал: лежачего не бьют.

Друзья осмотрели место происшествия, как пишут в милицейских сводках, и поняли, что помочь Кузьмичу ничем не могут.

– Камень весит почти тонну, мне его не сдвинуть, – виновато развёл веточки в стороны Шуршеня.

– Этот камень вообще шевелить опасно, – заметил пёс. – Он сорвётся вниз, и от Кузьмича живого места не останется.

Козёл жалобно заблеял.

Катя достала из кошелька, висевшего на шее, туесок.

– Ему ведь очень больно, нога распухла, – вздохнула она. – Если мы ему не поможем, он погибнет.

Она вынула из туеска бусинку. Самую милую из всех! Подержала её в ладошке... Потом нашла плоский камешек,

крутанула на нём бусинку:

Крошка-бусинка, дружок,
Повернись ещё разочек!
Распахнитесь, половинки.
Выйди, принц, из серединки.
Я тебе, малютка-принц,
Стать могучим разрешу,
И всего одно желанье
Я исполнить попрошу.

Бусинка-горошинка закружилась, распалась на половинки, появился принц, взмахнул палочкой и посмотрел на Катю, будто хотел спросить у неё: "Ты точно знаешь, какое у тебя желание?"

Девочке было жаль расставаться со своей мечтой о сказочном городе. Она боялась: увидит настоящего Финиста – Ясного Сокола, или Чебурашку, или Василису Прекрасную – и забудет про Кузьму Кузьмича, а он тут умрёт. Она зажмурилась изо всей силы и попросила:

– Пусть камень выпустит козла Кузьму Кузьмича, – и потише добавила: – А Кузьмич в тот же миг окажется дома.

Когда Катя открыла глаза, Кузьмича рядом с ними не было. Пёс изумлённо смотрел на девочку:

– Катя, ты тоже волшебница?!

– Нет, это Шуршенины волшебные бусинки, – грустно ответила она.

Леший ничего не сказал, но он очень жалел девочку, потому что её заветная мечта не осуществилась. И всё-таки три бусинки послужили добрым человеческим делам. "Если дедушка Кедраша не ошибался, – с надеждой подумал березовичок, – должно осуществиться и моё желание".

Катя ещё немного погрустила, а потом весело взглянула на друзей:

– Пора и нам домой!

Правильно ли распорядилась Катя волшебными бусинками? Неужели дедушка Кедраша всю свою многовековую жизнь хранил их в туесочке на груди для того, чтобы одна из них спасла жизнь какому-то глупому козлу?

Но Катя уже распорядилась ими, и не жалела об этом. Кстати, когда она рассказала обо всём папе, он улыбнулся:

– Молодец, дочка! Ты сделала хорошие дела. А успеха в жизни добиваться и свои мечты осуществлять человек должен сам, а не на волшебство рассчитывать.

КАТЯ И АРХИПЫЧ В НЕБЕСАХ

Как здорово быть гравитопланом! Расправляешь веточки с волшебными листочками – и ты уже неземное существо. Становишься невесомым и можешь качаться на струях воз-

духа, кружиться вместе с ветром, создавать свои потоки воздуха и воздушные вихри.

Взрослые лешие могут подниматься на огромную высоту – за облака. Но такие полёты разрешаются только после 555 лет. Детям подниматься так высоко очень опасно. Много маленьких лешиков не вернулось на Землю. Куда улетели? Все надеются, что на Луну. Но так ли это – никто не знает.

Шуршеня хоть и подумал о летящем лешем как о "неземном существе", но это просто поэтическое сравнение. На самом деле лешие, может быть, самые земные существа на планете. Ведь они прорастают корешками в землю, впитывают её соки, пахнут травами, деревьями, листвой. Лешие точно знают, что Земля тоже живая.

Шуршеня расправил крылышки – стал гравитопланом, подхватил Катю и Гаврилу Архипыча, и они поднялись над землей.

– Держитесь! – предупредил он их на высоте.

Катя схватила лапу Архипыча, и в тот же миг воздух взметнул их ввысь. Пёс охнул от неожиданности. Девочка взяла его за вторую лапу. Столб воздуха оказался в кольце их рук и лап. Они покружились вокруг этого невидимого столба и соскользнули по нему вниз.

– Становлюсь невидимкой! – предупредил Шуршеня и исчез.

Не успел Архипыч испугаться, как отлетел в сторону, перевернулся на спину и поплыл по кругу. Катя поднырнула

под него, поднялась выше – тоже стала невидимой и появилась совсем в другой стороне. Потом пёс исчез и медленно "проявился" возле Кати. Так они летали, плескались в струях свежего утреннего воздуха. Архипыч охал и лаял, когда Катя исчезала; Катя смеялась и визжала от удовольствия.

– Летим за сопку! – позвал их невидимый Шуршениа.

Потоки воздуха изменили направление, и Катя с Архипычем уже не кувыркались на месте, а полетели дальше. Катя слегка взмахивала руками, а пёс шевелил лапами и на поворотах изгибал хвост. Летели они вокруг сопки. И вот с обратной стороны появилось сначала одно, потом другое продолговатое озеро такой густой синевы, что казались бездонными. Будто прекрасные глаза, озёра безмятежно смотрели в небо. Может быть, сама Земля глядит такими глазами-озёрами, любитесь небесным простором.

Шуршениа спустился пониже вместе со своими спутниками. Катя и Архипыч полетели совсем низко над водой, прикасаясь к ней, зависли и напились из озера. Катя зачерпнула воду ладошками и, смеясь, брызнула на Архипыча. Пёс фыркнул и ударил лапой по воде, обрызгав девочку. Она засмеялась и ещё раз плеснула на собаку.

Потом они опять взмыли в вышину и ещё полюбовались прекрасной утренней землёй.

– Вот почему деревня называется Синеочье, – поняла Катя.

Она не могла отвести взгляда от синей водной глади и уже

представляла, как будет рисовать эти озёра, увиденные с высоты птичьего полета.

– Не думал, не гадал, что на старости лет стану порхать в небесах, – сказал Архипыч и от удовольствия гавкнул три раза.

– Ну что, возвращаемся домой? – напомнил Шуршениа.

Он опять стал видимым.

– Ох, летал бы и летал, – ответил пёс. – Да пора на службу.

Они быстро домчались до околицы, и леший бережно приземлил Катю и Архипыча. Отсюда все трое пошли пешком.

Уже подходили к дому, как услышали весёлое пение какой-то птахи. Шуршениа сразу узнал певунью: это была жаворончиха, которой он когда-то помог спастись от пожара. "Что же это она залетела в такую даль?" – только успел подумать леший, как птичка, увидев его, стремительно метнулась навстречу, уселась сначала Шуршениа на макушку, потом на веточку.

– Где ты пропадаешь? – защebetала она: – Я тебя с ранней зорьки дожидаюсь.

Она сказала это, озорно и таинственно глядя в Шуршенианы глазки. У него от радостного предчувствия забились, застучали, заволновались все соки в каждой веточке, в каждом листике, во всём его берёзовом тельце. Он взял птичку двумя веточками, и она тихонько прошептала:

– Сегодня ночью прилетал леший-почтальон. Что-то

спрятал под камнем у деревянного Кедраши.

Шуршеня взвился в вышину вместе с птахой, закружился, закувыркался. Потом поцеловал птичку в клювик и опустился на землю. Предупредил друзей, что летит в город проверить, есть ли письмо от мамы и папы, и тут же стал набирать высоту.

– Будь осторожен! – успела крикнуть ему Катя.

– Я стану невидимкой! – уже издали откликнулся Шуршеня.

Архипыч с подвыванием гавкнул, желая Шуршене удачи. А Катя долго махала рукой вслед березовичку.

Катя с Архипычем спешили домой: девочка вприпрыжку, пёс, виляя хвостом.

Посреди двора лежал козёл с повязкой на распухшей ноге: Анюта Ивановна наложила на неё компресс.

– Где же ты бродил, седая борода? – ворчала старушка, перевязывая ему ногу. – Всё о подвигах мечтаешь. Пора бы уgomониться. Прыть-то не та! Вот погоди: дедушка приедет – он тебе задаст!

Козлу слушать всё это было обидно. Он уже забыл, как плакал и прощался с жизнью, попав в каменный капкан. Теперь считал, что Архипыч с Шуршеней, а с ними заодно и Катя позавидовали его будущей мировой славе, вот и не дали ему возможности совершить подвиг. Зачем они отправили его домой? Надо было только ногу высвободить из-под кам-

ня. Он бы дошёл до вершины и совершил небывалый полёт!

Когда Катя с Архипычем вошли во двор и радостно направились к козлу, он отвернулся от них.

– Ты что, Кузьма Кузьмич? – растерянно спросила Катя.

– Кузьмич! – вполне дружелюбно взглянул на него пёс.

– Ещё спрашиваете? Радуетесь моей неудаче? – со слезами на глазах заблеял козёл.

– Старый ты дурень! – рявкнул пёс. – Хорошо, что Катя не понимает, о чём ты сейчас говоришь! Она ведь, чтобы тебя спасти, своей мечтой пожертвовала.

Пёс, рыча и удивляясь беспросветной Кузьмичёвой глупости, побрёл в свою конуру.

ЧЕСТНЫЕ РАБОТНИКИ ФЕРМЕРА СЕЛЬДЕРЕЕВА

Пока Шуршеня мчится в сторону города, вспомним двух не самых симпатичных персонажей, которые на наших гла-

зах с радостью уехали в психиатрическую больницу. Мы-то с вами знаем, что они вовсе не больные люди – наоборот, очень даже здоровые. Скоро в этом разобрались и врачи и выписали Мрака и Куксю. Конечно, воры вновь решили вернуться к своему грязному ремеслу. Не тут-то было! Шуршеня разрушил все их замыслы. Вот как это произошло.

Пошли Мрак и Кукся "на дело" – грабить банк. А ноги не слушаются, поворачивают в другую сторону – в парк. Но гулять, когда в желудке пусто, не слишком интересно.

Ползет воровская рука в чей-то карман за кошельком – и вдруг сама по себе плавно поднимается и начинает чесать затылок.

Исхудали Мрак и Кукся. Настоящие кощеи бродят по городу, детей пугают. Что делать – не придумают. Встанут у лотка с булочками и чешут затылки.

Тут ноги сами и повели их к хозяйству Сельдереева. Этот фермер был хорошим человеком, но самым страшным в жизни считал разлуку с собственными деньгами. Покормить-то покормит своих помощников, а заплатить за труд выше его сил! Поэтому и не держались у него работники.

Увидел Сельдереев двух кощеев у своих ворот – сразу смекнул: за похлёбку работать будут. Покормил их вначале – и в поле отправил: огурцы собирать, помидоры подвязывать, свёклу полоть, морковь прореживать, картошку подкапывать, капусту срезать. Всё в ящики складывать, на машины грузить.

И вот ведь чудеса! Не было честней работников у Сельдереева. Ни огурчика без разрешения не откусят, ни помидорчика за пазуху не спрячут. В затылке, правда, часто чесали. Но это был их единственный недостаток, и Сельдереев не стал из-за него ругать своих работников. Наоборот, за честность кормил их усиленно и даже решил каждое воскресенье выдавать им по 6 рублей на мороженое. Но потом подумал, подсчитал расходы и стал выдавать по 5 рублей 46 копеек.

Это Шуршениа назначил Мраку и Куксе такую трудотерапию: научатся полезному крестьянскому труду – глядишь, своё хозяйство заведут.

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

Шуршеня задолго до города стал невидимым, и все его невидимые листочки трепетали, когда подлетал к заветному камню. Он даже никак не мог приземлиться от волнения. Только с третьего раза удалось ему совершить посадку возле Кедрашиного камня.

Просунул он прутик под камень, почувствовал: там что-то лежит! Письмо! Осторожно вынул его. Прижал берёзовый конвертик к груди. Что в нём?

Развернул листок и стал читать:

"Дорогой наш сыночек Шуршеня!

Мы с папой долго не писали тебе, потому что сильно обожглись и тяжело болели. Но здешние-лешие помогли нам вылечиться. Теперь мы здоровы. К концу октября вернёмся домой. Мы так мечтаем обнять и поцеловать тебя!

Твои мама и папа".

"Очень мечтаем, – стояла приписка папиным почерком. – Ты даже не представляешь, как сильно".

– Я представляю, папа, – ответил Шуршеня папиным строчкам и прижал письмо к лицу.

Потом поцеловал его и прочитал ещё три раза.

Мимо пробежала городская кошка. Увидев застекольного лешего, она выгнула спину и распушила хвост.

– Я получил письмо от мамы и от папы! – радостно сообщил ей Шуршеня.

Но она всё равно зашипела на него: не поняла, чему тут радоваться. Ведь кошки не пишут друг другу писем.

А Шуршеня подпрыгнул, облетел несколько раз вокруг деревянного Кедраша, овеяв его ветерком. Потом сел к нему на плечо и показал письмо:

– Вот видишь? Это письмо от мамы и папы.

Он целый день кувыркался в небесах, ходил по лесу, купался в речке – и всем сообщал, что получил письмо и что мама и папа скоро вернуться.

К вечеру Шуршеня прилетел в Синеочье. Невидимо, сзади, подхватил бабушку, шедшую с речки с двумя вёдрами воды, невысоко поднял её и донёс до дома. Бабушка поставила вёдра на лавку и едва перевела дух:

– Ох, и ветер поднялся! Прямо по воздуху домой прилетела.

Этот же "ветерок" подхватил Нюсю с полусонным Федотом. Нюся развеселилась, а кот вытаращил глаза. "Ветерок" покружил их в воздухе и посадил на крышу. Поднял на задние копытца Евдокею, и она, словно балерина, закружилась на одной ножке. А пёс вдруг поднялся на передние лапы и, как акробат, прошёлся по двору вниз головой.

"Что творится?!" – Анята Ивановна с изумлением глядела на это цирковое представление.

А Катя смеялась. Она уже поняла, в чём дело, и пошла к брёвнышку, взяв на руки спрыгнувших Федота и Нюсю.

– Катя, пошла бы с ребятишками поиграла, – посоветовала бабушка. – Ну что у тебя за посиделки всё лето?

– Я потом, бабушка, поиграю, – ответила внучка.

Возле неё уже собрались и Малаша, и Евдокея, и Архипыч. Шуршеня влетел в сарай к Кузьме Кузьмичу, бережно поднял его и перенёс к брёвнышку. Кузьма Кузьмич гордо

отвернулся от всех. Катя погладила его по голове.

Леший достал письмо, глубоко вздохнул и с улыбкой стал читать. Дочитав, посмотрел на всех радостными глазами.

– Мы рады за тебя, – сказала ему Малаша.

Березовичок, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, подхватил Малашу, поднял её и сделал с ней круг по воздуху вокруг двора. Нюся запрыгнула корове на спину, и немного прокатилась. Катя засмеялась.

Услышав хрюканье, мычание, мяуканье, Анюта Ивановна не на шутку испугалась: не волк ли во двор пожаловал? Она взяла кочергу и пошла разбираться. Глянула через забор: нет, всё на скотном дворе мирно. Только животные как будто ведут оживлённую беседу, спорят, перебивают друг друга и даже смеются. И Катя с ними разговаривает. Какая-нибудь чужая бабушка решила бы, что у этой девочки не всё в порядке с головой, но Анюта Ивановна подумала только: "Чудеса!" Постояла немного и ушла готовить всем ужин.

Долго не могли разойтись животные в этот вечер. Все радовались за Шуршению и, чтобы не разлучаться с ним, вот что придумали.

Шуршеня должен найти большое дерево с дуплом недалеко от Синеочья, поселиться в нём вместе с мамой и папой и навещать синеочинских друзей, особенно во время Катиных каникул. Все друзья должны познакомиться с Шуршениными папой и мамой, познакомиться с ними бабушку Анюту и дедушку Семёна и подружиться семьями.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ГОСТИ

Будущее казалось замечательным. Один козёл Кузьма Кузьмич смотрел на всё угрюмыми глазами. Там, в будущем, не он был главным героем. Малаша внимательно поглядыва-

ла на него и, наконец, сказала:

– Давно мы никаких новостей не слышали. Что творится в мире?

Кузьмич наострил уши, а Малаша продолжала:

– Особенно меня волнует, кто получил золотые медали по фигурному катанию на чемпионате мира.

Козёл оживился, приподнялся сначала на две, а потом на все четыре ноги.

– Без духовной пищи не прожить, – произнёс он значительно и, важно прихрамывая, пошагал к открытому окну смотреть телевизор. – Сейчас, Малаша, я расскажу тебе обо всех новостях спорта.

Только она одна казалась ему сейчас умной и доброй.

А Малаша, конечно, просто пожалела Кузьмича: очень трудно быть одиноким среди бывших друзей.

– Без него нам было бы скучно, – коровьи глаза весело глядели вслед прихрамывающему козлу.

– Это уж точно, – подтвердил пёс.

Но вернулся Кузьма Кузьмич очень быстро – и совсем не с новостями спорта. Его глаза сверкали.

– За мной! – скомандовал он. – К нам странные гости приближаются.

Приезд гостей взволновал всех синеочинцев. И люди, и прочие обитатели деревни: рогатые и безрогие, хвостатые и бесхвостые, усатые и безусые – провожали пристальным

взглядом чинно шествующую по главной улице великолепную пару в сопровождении экстравагантной коровы. Даже бесхвостая, безрогая, но бородатая коза Лизета, которую, кажется, трудно было чем-либо удивить, – и та, поджав рот, долго и подозрительно смотрела на незнакомцев (к слову сказать, рога она потеряла при невыясненных обстоятельствах, а хвост – в беспощадной битве со свирепым хряком Хрюней).

И уж, конечно, собачка Мухина тоже не осталась равнодушной к этому событию. Ещё бы! Высокий элегантный джентльмен возглавлял шествие. За ним тянулся изысканный шлейф дорогого мужского одеколona. Из-за этого не то чтобы сильного, но незнакомого запаха ни один овод и ни один комар не рискнули приблизиться к приезжим. Джентльмен шёл под руку со стройной молодой леди. Но самая интересная личность шествовала сзади них. Это была корова в полупрозрачной белоснежной попоне, в летней кружевной шляпе, из которой торчали крашенные разноцветным перламутром рога. Её ухоженные, искусно разрисованные копытца, словно четыре диковинные тувельки, мелькали на тропинке среди зелёной травы. На ногах позванивали браслеты, в ушах – золотые серьги, на благородной шее сверкало кольцо.

Конечно, это были Эрнест Эльбрусович, мисс Энн и корова Матильда. Приезжие прошествовали в знакомый нам двор и остановились перед изумлённой Анютой Ивановной. Ста-

рушка поставила ладошку козырьком над глазами, запрокинула голову и посмотрела ввысь – на Эрнеста Эльбрусовича.

Он произнёс:

– Позвольте представиться: Эрнест Эльбрусович.

Бабушка Аня вытерла руку фартучком и протянула её для рукопожатия. Гость отступил на шаг, склонился к низенькой старушке и поцеловал её маленькую толстенькую ручку. Бабушка очень смутилась. Тогда Эрнест Эльбрусович сказал:

– Позвольте представить вам мою невесту мисс Энн Смит.

Бабушка опять запрокинула голову и взглянула на мисс, похожую на высокое тоненькое деревце. Потом перевела взгляд на Эрнеста Эльбрусовича и укоризненно покачала головой. Она хотела сказать: "Почему вы не кормите свою невесту?" Но из деликатности не произнесла этого, а пригласила гостей к столу, стоящему во дворе под огромной ветвистой черёмухой. Поставила перед ними миски, наполнила их доверху борщом и приветливо улыбнулась:

– Кушайте на доброе здоровье! Потом и побеседуем.

"Они пьют кофе целыми вёдрами, – подумала мисс Энн (сон с явью всё-таки перепутались у неё в голове), – на ужин съедают по два литра борща. Как же мне приспособиться к их привычкам?" Но тут она попробовала бабушки Анятино-го борща... Да, такой борщ не может сварить ни один повар даже в самом лучшем ресторане мира! Такой борщ может получиться, если он часок-другой потомится в русской печи.

Попробовала мисс Энн борща и не заметила, как весь и съела. "Кажется, я слишком быстро перенимаю их привычки", – с удивлением уставилась она в пустую миску.

Где же в это время находились все друзья? Куда привёл их разволновавшийся Кузьма Кузьмич?

Если бы Эрнест Эльбрусович или мисс Энн обратили внимание на забор, рядом с которым стоял столик, они бы диву дались: забор выглядел живым, потому что смотрел на людей, сидящих за столом, восемью парами восхищённых любопытных глаз. Из его щелей торчали детские пальчики, копытца, пушистые лапы, берёзовые веточки, а в круглую дырочку даже высовывался свинячий пяточок. Бабушка время от времени незаметно грозила пальцем – забор на миг пустил, но потом вновь всё появлялось на прежних местах.

После такого приятного ужина Эрнест Эльбрусович довольно быстро договорился с бабушкой о том, чтобы Матильда погостила у них в Синеочье до первых холодов. Только Анюта Ивановна сразу предупредила, что маникюры-педикюры коровам делать ей некогда, да и шляпы тоже она стирать не будет. Так что пусть Матильда по-простому, по-деревенски живёт.

На том и порешили. Матильда поселилась в хлеву с Малашей. Здесь было очень чисто, пахло свежим сеном, за одной стеной стрекотали кузнечики и хрюкала Евдокея, за другой

– вздыхал Кузьмич. А издали доносились лягушечьи песни. Матильда поняла, что это и есть счастье, и стала мечтать, как она уговорит Эрнеста Эльбрусовича оставить её в этом раю навсегда.

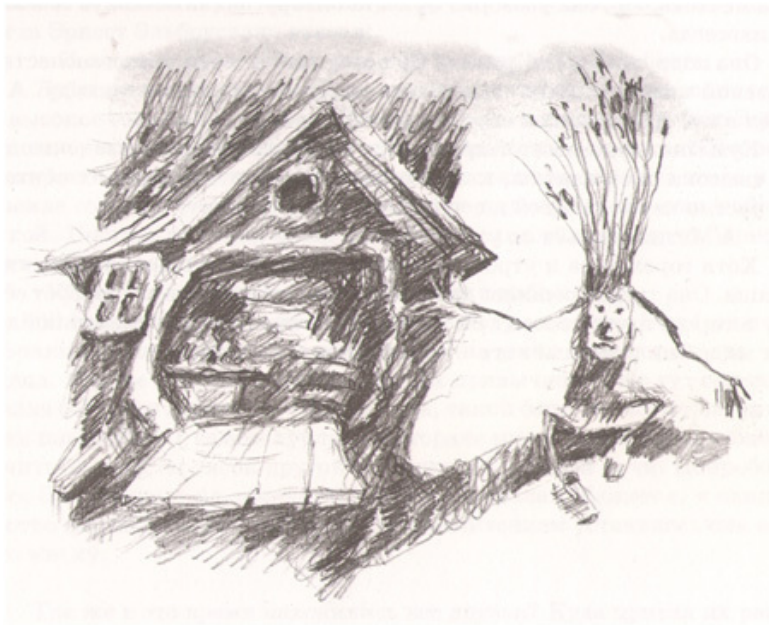
Она подружилась с Кузьмой Кузьмичом. Уставшая от одиночества в городской квартире, Матильда была рада разговорчивому соседу. А он нашёл в ней благодарную слушательницу.

Кузьмич гордился этой дружбой и, совершая обход деревенских дворов, свысока посматривал, как чавкают, фыркают, лакают их обитатели, грустно качал головой и с чувством произносил:

– А Матильда пьёт по утрам кофе...

Хотя горожанка и утром, и вечером пила то же самое пойло, что и Малаша. Она твёрдо решила: даже если Эрнест Эльбрусович заберёт её на зиму в город, пусть готовит ей такое же аппетитное и полезное пойло и сам с мисс Энн пусть пьёт его – вкуснее напитка не бывает.

ПЕРВЫЙ ЖЁЛТЫЙ ЛИСТОК

Опять установился во дворе лад да покой. По вечерам животные собирались на посиделки – а днём каждый своими делами занимался.

Лето стояло жаркое, и казалось, что оно никогда не кончится.

Первым ночную прохладу учуял Архипыч: заныли его старые косточки. Он высунулся из конуры, втянул носом воздух. "Осень не за горами, – подумал пёс, – надо утепляться".

На другой день Шуршеня, пролетая над околицей, приглядывался, как лес готовится к зиме. И вдруг увидел первый пожелтевший кленовый листочек. Кто-нибудь другой, может быть, и погрустнел бы, но Шуршеня так обрадовался! Спустился к деревцу, понюхал листочек и потрогал его своими прутиками, будто желая убедиться, что он настоящий. Листочек был словно пронизан золотыми светящимися нитями.

"Скоро сентябрь, – взволнованно подумал Шуршеня. – Потом наступит октябрь – и мама с папой вернутся домой!"

И он полетел к своим друзьям, чтобы рассказать им про самый первый жёлтый кленовый листочек!